

2022

Том 13. № 4

2022. Vol. 13. No. 4

DOI: [10.19181/vis.2022.13.4](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Проблемы социально-
экономического развития
Республики Тыва**

/ Проблемы развития Республики Тыва

/ Женское предпринимательство

/ Дискуссионная трибуна

/ Нестолличные промышленные
города Татарстана

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 4'2022

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2022. Том 13. № 4

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2022

© Vestnik instituta sotziologii, 2022

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Politology and Political Sociology of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Проблемы социально-экономического развития Республики Тыва...	14
<i>Анисимова Т. Г., Голенкова З. Т., Маршак А. Л.</i> Социальное расслоение и занятость (региональный аспект)	14
<i>Горина Т. И.</i> Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы	26
<i>Орехова И. М.</i> О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва	53
<i>Натсак О. Д.</i> Женское предпринимательство в Республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности	68
Дискуссионная трибуна:	
теоретическая мысль и эмпирический поиск	94
<i>Зборовский Г. Е.</i> К вопросу о концепции научно-образовательного знания в социологии	94
<i>Андреев И. С., Девятко И. Ф.</i> Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания	115
Социальные процессы в регионах России.....	130
<i>Мерзляков А. А., Богданов В. С.</i> Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России	130
<i>Макарова Г. И.</i> Акторы развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей	144
<i>Бурханова Ф. Б., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С.</i> Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников.....	168
Социальные последствия пандемии:	
новейшие исследования	192
<i>Позднякова М. Е., Брюно В. В.</i> Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции	192
<i>Багина Я. А., Запорожец О. Н., Говорова А. Д.</i> Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19	217
Современная белорусская социология.....	236
<i>Посталовский А. В.</i> О применении методики “DAY AFTER RECALL” в измерении рейтингов радиовещания: опыт Республики Беларусь....	236
Научные форумы	251
<i>Гречаная А. А.</i> О методологическом семинаре ИС ФНИСЦ РАН «Субъективное измерение социальной мобильности» 14 ноября 2022 года	251

Contents

About the Issue	8
Topic of the Issue: Problems of Social and Economic Development of the Republic of Tyva.....	14
<i>Anisimova T. G., Golenkova Z. T., Marshak A. L.</i> Social Stratification and Employment (Regional Aspect)	14
<i>Gorina T. I.</i> Regional Labour Market of the Republic of Tyva: Trends and Challenges	26
<i>Orekhova I. M.</i> On the Demand for Professions in the Regional Labour Market: The Example of the Republic of Tyva ..	53
<i>Natsak O. D.</i> Women's Entrepreneurship in the Republic of Tuva: Motives, Barriers and Opportunities	68
Discussion Platform: Theoretical Thought and Empirical Search	94
<i>Zborovsky G. E.</i> To the Question of Applying the Concept of Scientific-Educational Knowledge in Sociology	94
<i>Andreev I. S., Deviatko I. F.</i> Influence of Undirected Learning on Improving the Accuracy of Everyday Predictions: An Experiment in Social Metacognition.....	115
Social Processes in the Regions of Russia	130
<i>Merzlyakov A. A., Bogdanov V. S.</i> On the Study of Sociological and Managerial Aspects of the Regulation of Social Inequalities in the Regions of Russia.....	130
<i>Makarova G. I.</i> Actors in the Development of Non-Capital Industrial Cities of Tatarstan in the Vision and Assessment of Their Residents ...	144
<i>Burkhanova F. B., Baimurzina G. R., Turakayev M. S.</i> The Impact of Employment Factors on the Perception of Work-Life Balance Among Employees	168
The Social Consequences of the Pandemic: Latest Research.....	192
<i>Pozdniakova M. E., Bryuno V. V.</i> Transformation of Drug Behaviour Patterns in the Russian Federation in the Context of the Spread of Coronavirus Infection	192
<i>Bagina Y. A., Zaporozhets O. N., Govorova A. D.</i> Confronting Pandemics: Human and Non-Human Agents in the Discourse of the Moscow Authorities on COVID-19	217
Modern Belarusian Sociology	236
<i>Postalovsky A. V.</i> On the Application of the "DAY AFTER RECALL" Methodology in Measuring Broadcasting Ratings: The Experience of the Republic of Belarus.....	236
Scientific Forums.....	251
<i>Grechanaya A. A.</i> About the methodological seminar of the IS RAS	251

0 выпуске

EDN: OIZVYP

Тема последнего выпуска этого года – [«Проблемы социально-экономического развития Республики Тыва»](#). Тыва (Тува) – яркий пример регионального разнообразия России – часть монгольской (степной) цивилизации, сохранившая по сей день свою самобытную культуру. В состав СССР Тыва вошла в 1944 году, но во время Великой Отечественной небольшая и небогатая страна помогала Советскому Союзу всем, чем только могла, а в рядах Красной армии сражались тувинские добровольцы.

Общие проблемы регионального развития, а также проблемы федерального и регионального управления в современной Туве проявляются с особой отчётливостью, равно как и трудности их решения, по причине удалённости региона и сложных природных условий. Не менее важны уникальность Республики, особенности, отличающие её даже от соседних регионов. Элементы традиционного общества в её социокультурном ландшафте сочетаются с процессами современного развития. Социологические исследования специфического в российских условиях не менее важны, чем изучение общих черт и генеральных трендов. В статьях, представленных в рамках темы номера рассматривается прежде всего сфера занятости, которая является ключевой для социально-экономического и социокультурного развития региона.

Выпуск открывает статья [Анисимовой Т. Г., Голенковой З. Т., Маршака А. Л. \(Москва\) «Социальное расслоение и занятость \(региональный аспект\)»](#). В ней анализируются современные проблемы и причины социального расслоения, их особенности. Авторами осуществлено комплексное изучение материального положения и особенностей социально-трудовой сферы населения Республики Тыва. В статье показаны взаимосвязь между ключевыми социальными проблемами, с которыми сталкивается население региона, и условиями трудоустройства, структура занятости населения, её специфические черты и отдельные формы, влияние на социальное расслоение в регионе. Представлена общая характеристика рынка труда с учётом факторов бедности населения. Особое внимание в работе уделяется раскрытию понятий «социальное расслоение» и «социальное неравенство» на местном материале. В статье содержатся также рекомендации для органов государственной власти, направленные на совершенствование их работы по обеспечению более высокого уровня и качества жизни населения Республики, преодолению социального расслоения.

В статье [Гориной Т. И. \(Москва\) «Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы»](#) рассматриваются основные параметры рынка труда Республики Тыва, которые являются системообра-

зующими факторами экономики региона. Признаки крупномасштабных социальных конфликтов в трудовой сфере исследование не выявило. Массовых высвобождений сотрудников организаций и масштабного сокращения численности предпринимателей за период пандемии коронавируса в регионе не произошло, но в то же время уровень зарегистрированной безработицы увеличился в 2021 году по сравнению с 2019 годом почти на 10%. Одной из основных причин роста этого показателя, как полагает автор, является значительно возросший в этот период объём социальных трансфертов для официально зарегистрированных безработных. Особое внимание уделяется оценке распространённости различных видов неформальной занятости. Показано, что предпринимательская инициатива населения является своего рода гарантом обеспечения желаемого уровня материального дохода, ориентации на антипатерналистские установки. Также автором сделана попытка расчёта общего пула наиболее активных акторов рынка труда, их адаптационных стратегий. Автор делает вывод, что рыночная модель в регионе продемонстрировала устойчивость и стабильность в ответ на внешние воздействия кризиса.

Статья [Ореховой И. М.](#) (Москва) [«О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва»](#) посвящена изучению ситуации, сложившейся в профессиональном сегменте рынка труда, в частности проблемы востребованности и невостребованности тех или иных профессий. Автор полагает, что российская система профессионального образования в целом инертна и неповоротлива, поэтому решать проблему взаимодействия системы образования и работодателей легче в отдельном регионе. В статье показано, как Министерство образования и Министерство труда Республики Тыва объединили усилия, пытаясь постепенно изменить систему подготовки специалистов различного уровня и профиля, для чего запущено несколько проектов. Однако несогласованность действий разработчиков проектов привела к пробуксовке этого полезного и нужного для экономики региона начинания. Нерешённая проблема привела к неэффективному и нерациональному использованию накопленного человеческого капитала и ко многим проблемам в социально-экономической сфере, в частности к высокому уровню безработицы, бедности значительной доли населения. В настоящее время в профессиональном сегменте рынка труда и занятости Тувы сложилась достаточно неблагоприятная ситуация как для работников, так и для работодателей. Первые не могут найти работу в соответствии с полученной специальностью, вторые – полностью удовлетворить свои кадровые потребности.

В статье [Натсак О. Д.](#) (Кызыл) [«Женское предпринимательство в Республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности»](#) проанализированы гендерные особенности экономической и предпринимательской активности населения этого региона. Исследование экономической активности женщин в целом и предпринимательской деятельности на современном этапе показал, что в формировании социальной группы предпринимателей и собственников малого и среднего бизнеса женщины

играют ключевую роль. Региональной особенностью является то, что предприниматели как социальная группа пока малочисленны в социальной структуре тувинского общества. Тот факт, что в гендерном составе индивидуальных предпринимателей Тувы женщины незначительно, но всё же количественно превышают число мужчин, демонстрирует нивелирование социокультурных стереотипов, связанных с исторически сложившимся распределением гендерных ролей. Анализ гендерной дифференциации по видам экономической деятельности показывает, что женщины представлены во многих направлениях, которые традиционно считались «мужскими», что в экономике сегодня практически нет гендерно маркированных областей. По мнению женщин-предпринимателей, опрошенных автором, институциональных, формальных барьеров, препятствующих женскому предпринимательству, в Туве нет. Материал исследования показывает, что социально-экономическая роль женщин в России, даже в регионах, считающихся оплотом традиционализма, намного выше, чем представляется в популярном дискурсе. В то же время для Тувы актуальными остаются общие проблемы бедности населения, обуславливающие затруднения в стартовых финансовых возможностях у большинства населения, барьеры социально-психологического характера.

Следующая рубрика [«Дискуссионная трибуна: теоретическая мысль и эмпирический поиск»](#) содержит статьи, в которых представлены новые (в большинстве случаев) идеи, оценка которых в профессиональном социологическом сообществе может быть неоднозначной. С ними соглашаются или не соглашаются, они вызывают споры, которые, с нашей точки зрения, очень важны для развития науки.

В статье [Зборовского Г. Е.](#) (Екатеринбург) [«К вопросу о применении концепции научно-образовательного знания в социологии»](#) рассматривается концепция научно-образовательного знания, мало разработанная в современной социологической науке. Предметом исследования является становление концепции научно-образовательного знания в рамках социологической науки, её основные характеристики и особенности взаимосвязи с отдельными видами знания, концепциями и отраслями социологии науки, их исследующими. Автор выявляет основной понятийный ряд социологической концепции научно-образовательного знания, включающий понятия знания, образования, науки, образовательного знания, повседневного (обыденного) знания, социологического знания. В качестве центрального рассматривается понятие научно-образовательного знания. Автор полагает, что этот тип знания отличается и от научного (постоянно изменяющегося, связанного с научным поиском истины), и от образовательного (транслируемого в школе, долговременно сохраняющегося). Показано, что научно-образовательное знание формируется на стыке важнейших сфер деятельности: во-первых, научных исследований (научной работы), во-вторых, образования (учебной работы), в-третьих, производства, распространения и потребления особого типа знания, являющегося результатом взаимодействия субъектов науки и образования.

В работе [Андреева И. С., Девятко И. Ф. \(Москва\) «Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания»](#) представлены результаты авторского социологического эксперимента, позволившего по-новому взглянуть на актуальный вопрос о том, насколько люди способны обучаться оценке параметров распределений тех или иных важных социальных переменных и усваивать вероятностные генеративные модели окружающей реальности в процессе имплицитного ненаправленного научения, имеющего место в повседневной жизни. Показано, что на наблюдаемые эффекты эпизодического научения может влиять имплицитное (фоновое) знание о локальных реалиях (в конкретном случае – российских). Полученные в результате эксперимента данные позволяют сделать вывод о том, что исходная «иллюзия осведомлённости», обнаруженная ранее и описанная в предыдущих работах авторов, не связана с метакогнитивной способностью к регуляции своих суждений на основании полученной имитации эпизодического (ситуативного) «житейского опыта».

Рубрика [«Социальные процессы в регионах России»](#) в данном номере включает в себя три статьи, посвящённые различным аспектам регионального развития, начиная с вопросов управления. В статье [Мерзлякова А. А., Богданова В. С. \(Москва\) «Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России»](#) рассматриваются проблемы регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. На основании анализа генезиса проблемы и некоторых форм проявления социального неравенства авторами разработаны методологические основания исследования регулируемости неравенств. Авторами также подготовлена программа социологического исследования, основная идея которого состоит в оценке сложившегося в регионах РФ состояния регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств, а также обнаружение возможной зависимости этого состояния от эффективности работы системы управления. На основании такой оценки в дальнейшем планируется разработка предложений по совершенствованию политико-управленческих механизмов, направленных на повышение регулируемости социальных неравенств.

Статья [Макаровой Г. И. \(Казань\) «Акторы развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей»](#) представляет результаты исследования акторов промышленных городов Татарстана (кроме Казани) и форм их участия в городском развитии. Деятельность городских сообществ и их лидеров рассматривается автором с позиции её восприятия жителями. Ключевыми игроками нестоличных промышленных поселений России являются муниципальные власти и сообщества, складывающиеся вокруг их ведущих предприятий. Значимость тех и других в разных городах различается, что зависит от отраслевой, функциональной принадлежности производств и ряда субъективных факторов, прежде всего от умения лидеров-управленцев выстро-

ить стратегию и тактику участия в городских процессах. Авторским исследованием эмпирически подтверждено, что ощутимый вклад в развитие городов Татарстана вносят региональные власти. В обозначенном контексте жизненные стратегии горожан обнаруживают сложные траектории, зависящие в том числе от деятельности рассматриваемых акторов, влияющих на уровень и качество жизни в городе, возможности самореализации для их жителей. В качестве основной угрозы развитию автор видит тенденции депопуляции, связанные с перетоком населения из сельской местности в города, а из городов региона – в более крупные центры.

Статья [Бурхановой Ф. Б., Баймурзиной Г. Р., Туракаева М. С. \(Уфа\) «Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников»](#) содержит результаты исследования влияния факторов труда на восприятие наёмными работниками работы и личной жизни как сбалансированной или несбалансированной. Результаты проведённого авторами исследования подтвердили гипотезу, что низкое качество занятости способствует формированию ощущения дисбаланса и неудовлетворённости работой и жизнью в целом. Повышает долю ощущающих дисбаланс работы и личной жизни ряд особенностей трудовой занятости, которые характеризуют её как занятость низкого качества, а также негативные субъективные характеристики трудовой деятельности. Ощущение баланса/дисбаланса связано и с субъективными оценками работы и личной жизни, они более негативны в группе с дисбалансом и более позитивны в группе с балансом.

Рубрика [«Социальные последствия пандемии: новейшие исследования»](#) уже успела стать традиционной. Статья [Поздняковой М. Е., Брюно В. В. \(Москва\) «Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции»](#) посвящена анализу основных изменений в наркопотреблении в период пандемии Covid-19 в России. На материалах количественных и качественных исследований авторы рассматривают изменения, которые произошли в моделях наркопотребления и повседневных наркопрактиках в период пандемии среди старшекласников, студентов и людей пожилого возраста. Показано, что, несмотря на тренд последних десяти лет на снижение потребления наркотиков (особенно в молодых возрастных группах), к моменту начала пандемии наркоситуация в России оставалась напряжённой. Более того, ожидаемого существенного снижения распространённости наркопотребления из-за закрытия границ и других противоэпидемических мер не произошло. При этом обозначился ряд негативных тенденций. В статье показано, что усиление вовлечённости граждан различных возрастов и социальных групп в потребление психоактивных веществ является проявлением дисфункционального адаптационного ответа («асоциальной адаптацией») населения на многие социальные вызовы, вызванные пандемией Covid-19. Авторы утверждают, что сегодня, после нескольких лет плавного волнообразного снижения распространённости наркологи-

ческих проблем в российском обществе, сформировались новые условия для очередного экстремального всплеска наркотизации. А это, в свою очередь, требует принятия превентивных (профилактических) мер со стороны как государственной власти, так и общественных институтов соответствующей направленности.

В работе [Багиной Я. А., Запорожец О. Н., Говоровой А. Д.](#) (Москва) [«Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19»](#) представлен анализ официального дискурса властей г. Москвы относительно пандемии COVID-19. Авторы показывают, что в нём присутствует множество человеческих и нечеловеческих агентов: представители власти; горожане; агенты, связанные с лечением коронавируса (медицинские работники и технологии), и другие, но ключевым агентом является сам вирус. В статье обозначено, как за проанализированный временной период дискурс, связанный с пандемией, претерпевает два поворотных момента: переход от небольшого количества случаев к детализированной по возрасту статистике и от детализированной статистики к общему количеству заболевших с акцентом на количестве тяжёлых случаев болезни. Горожане в официальном дискурсе представляются городскими властями как важные агенты, участвующие в борьбе с пандемией. Их агентность дискурсивно производится как результат взаимодействия их самих и городских властей. Горожане, следующие установленным властями правилам, обретают агентность, не следующие – лишаются её за счёт редкого упоминания или умолчания.

Рубрику [«Современная белорусская социология»](#) представляет статья [Посталовского А. В.](#) (Минск) [«О применении методики “DAY AFTER RECALL” в измерении рейтингов радиовещания: опыт Республики Беларусь»](#). Она посвящена теоретико-методологическому рассмотрению исследовательской практики измерения рейтингов радиовещания DAY AFTER RECALL (DAR), применяемой национальным измерителем (компания ЗАО «МедиаИзмеритель») в Республике Беларусь. Автор раскрывает основания методологического инструментария DAR, анализирует её эвристический потенциал в сравнении с другими подобными методиками, возможности и ограничения его применения. Также в статье рассматривается содержание основных метрик (медиапоказателей), которые используются в медиапланировании, описывается механизм формирования выборочной совокупности, применяемой в таких исследованиях. В заключение на основании практики реализации проекта измерения рейтингов белорусских радиостанций автором формулируются аргументированные выводы о преимуществах и ограничениях методики DAR.

Завершает выпуск рубрика [«Научные форумы»](#) с сообщением [Гречаной А. А.](#) (Москва) [«О методологическом семинаре ИС ФНИСЦ РАН ‘Субъективное измерение социальной мобильности’» 14 ноября 2022 года.](#)

ТЕМА НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.847

EDN: VYGSGE

Социальное расслоение и занятость (региональный аспект)

Ссылка для цитирования: Анисимова Т. Г., Голенкова З. Т., Маршак А. Л. Социальное расслоение и занятость (региональный аспект) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.847; EDN: VYGSGE

For citation: Anisimova T. G., Golenkova Z. T., Marshak A. L. Social stratification and employment (regional aspect). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.847; EDN: VYGSGE

AuthorID РИНЦ: 770166

Анисимова Татьяна Германовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

anissimova07@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 103919

Голенкова Зинаида Тихоновна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

golenko@isras.ru

AuthorID РИНЦ: 379062

Маршак Аркадий Львович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

marshak_al@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа теоретического наследия ведущих социологов рассматриваются социально-экономические причины, детерминирующие социальное расслоение жителей Республики Тыва. На уровне настоящей работы осуществляется комплексное изучение материального положения и особенностей социально-трудовой сферы населения Республики. Произведён анализ данных исследований 2019–2021 гг. и исследований текущего года.

В процессе работы выявлены определяющие особенности занятости населения как условия формирования социального неравенства. Исследуется роль количественных и качественных показателей рынка труда в формировании образа жизни отдельных групп общества. На примере представленных материалов демонстрируется взаимосвязь между ключевыми социальными проблемами, с которыми сталкивается население региона, и условиями трудовой деятельности, детально раскрываются косвенные факторы, влияющие на удовлетворение витальных потребностей населения, фиксируются способы их удовлетворения, показана роль службы социальной защиты в этом процессе.

В результате анализа статистических данных уровня материального благосостояния населения Российской Федерации определено, что имеет место не только существенный уровень неравенства среди населения в целом, но также наблюдается существенная неоднородность показателей материального достатка в различных регионах Российской Федерации. На примере Республики Тыва показана структура занятости населения, описаны её специфические черты и отдельные формы, а также влияние на социальное расслоение населения региона. Авторами выявлены закономерности влияния включённости членов общества в систему экономических отношений, влияния уровня и характера занятости на материальное положение населения региона. Представлена общая характеристика рынка труда с учётом факторов бедности населения. Особое внимание уделяется раскрытию понятий «социальное расслоение» и «социальное неравенство». В статье также содержатся рекомендации для органов государственной власти, направленные на совершенствование их работы по обеспечению более высокого уровня и качества жизни населения республики, преодоления социального расслоения.

Ключевые слова: занятость, Республика Тыва, социальное расслоение, социальное неравенство, рынок труда, бедность

В Конституции РФ закреплено (часть 1 статьи 7), что Российская Федерация является социальным государством. Это предполагает, что одной из главных задач государства является создание условий для удовлетворения жизненных потребностей населения, прежде всего обеспечение базовых материальных потребностей граждан. Это определяет значимость экономического аспекта жизни населения и целесообразность мер, направленных на поддержание материальных возможностей граждан в ситуациях, когда они обладают ограниченными ресурсами. В этом контексте очевидно, что проблема бедности является одной из наиболее актуальных, а её разрешение входит в число первостепенных задач государственного управления. При этом возможность эффективного воздействия на ситуацию во многом определяется своевременным получением представителями власти исчерпывающей информации о её специфике, что позволяет оценить масштабы проблемы на локальном уровне, а также сформировать соответствующую стратегию ее разрешения.

В результате анализа мониторинга статистических данных уровня материального благосостояния населения Российской Федерации [9] нами определено, что имеет место не только существенный уровень неравенства среди населения в целом, но также наблюдается выраженная неоднородность показателей материального достатка в различных регионах страны. При этом одним из наименее благополучных регионов является Республика Тыва, где доля бедных граждан, чей уровень дохода ниже прожиточного минимума, превышает 40% от общего числа населения. Это абсолютный максимум по России, свидетельствующий о крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации в данном регионе, требующей обстоятельного исследования и принятия определённых мер по её исправлению. Авторами настоящей работы осуществлено комплексное изучение характера материального положения населения Республики Тыва как на основании анализа данных математической обработки исследований 2019–2021 гг. [5], так и при использовании актуальных эмпирических данных.

Поскольку материальное положение граждан напрямую коррелирует с их включённостью в систему экономических отношений (а на макроуровне – с состоянием экономической сферы региона в целом), одним из важнейших показателей ситуации в регионе является уровень и характер занятости членов общества. Соответственно, настоящая статья направлена на отражение проблемы занятости граждан, проживающих на территории Республики Тыва. Это позволяет, с одной стороны, определить общий характер сложившейся ситуации, с другой – сформировать необходимые для дальнейшего анализа поставленной проблемы теоретико-методологические установки.

Прежде всего, следует обратиться к категории занятости, определить, какие именно её аспекты имеют решающее значение для социально-экономической обстановки (как для конкретных людей, так и на уровне региона в целом). Под занятостью обычно понимается включённость в область трудовых отношений, что может быть связано с оказанием услуг либо производством разнообразных благ. Примечательным в данном случае является определение занятости, данное ФЗ № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». Согласно данному определению, «занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход». Таким образом, занятость представляет собой форму экономических отношений, выраженную в том, что, совершая определённые действия, человек, с одной стороны, тем самым удовлетворяет общественные потребности, с другой – получает вознаграждение, что уже характеризует реализацию его собственных, личных интересов.

Занятость населения – это одна из фундаментальных характеристик социально-экономической ситуации в обществе, причём речь идёт сразу о нескольких аспектах.

1. Общий уровень интенсивности общественно-полезной деятельности, осуществляемой членами общества.
2. Уровень доступа населения к источнику материальных ресурсов, в роли которого выступает преимущественно область трудовой деятельности.
3. Уровень покупательной способности населения, напрямую проистекающий из доступа населения к источникам дохода.
4. Степень социальной самореализации членов общества в конкретном регионе.

С учётом того, что нас интересует в первую очередь проблематика качества жизни членов общества и социально-экономической обстановки, связанной с занятостью, наибольшее внимание в рамках проводимого анализа мы уделим второму и четвёртому аспектам, поскольку именно они в конечном счёте определяют социальное положение и благосостояние граждан, в то время как первый и третий аспекты отражают значение совокупного уровня занятости для общества в целом и лишь отчасти характеризуют качество жизни населения. Соответственно, в рамках теоретико-методологической части исследования нами будет проанализировано отношение характеристики занятости населения к области потребностей членов общества. А это, в свою очередь, предполагает анализ следующих аспектов занятости:

- занятость как внутренняя потребность членов общества;
- занятость как внешняя необходимость.

Что касается занятости как внутренней потребности членов общества, то следует отметить, что речь идёт, в первую очередь, о реализации не материальных запросов членов общества, а потребностей более высокого порядка [1], связанных с включённостью в социальную среду и самореализацией. Следует отметить, что внутренняя потребность в занятости – это, прежде всего, стремление к расширению круга общения и приложению личных сил и способностей в деятельности, которая оценивается самим действующим субъектом в качестве значимой. Авторские исследования показывают, что включённость в общественную жизнь является одним из важнейших условий благоприятного самоощущения членов общества, в связи с чем возможность активного участия в определённой сфере деятельности имеет большое социально-психологическое, можно даже сказать экзистенциальное, значение. Причём мы не склонны недооценивать данный аспект занятости, поскольку он напрямую влияет на степень социальной удовлетворённости членов общества, а также на уровень качества их жизни, поскольку последнее определяется не только материальными возможностями, но и степенью реализации человеческих потребностей более высокого порядка.

Следует, однако, отметить, что потребность в самореализации далеко не всегда решается посредством включения в определённую социальную среду, поскольку в отдельных случаях социальная включённость

не соответствует творческому потенциалу личности и потребностям её самоактуализации. По этой причине мы не можем судить о степени реализации данной потребности только по статистическим данным тех людей, которые заняты в тех или иных сферах. Вместе с тем возможно судить о потенциальных социальных проблемах в регионе по статистическим данным, отражающим количество людей, не включённых в трудовую деятельность вообще (незанятых, безработных).

Обратимся ко второму аспекту рассматриваемого вопроса, а именно к необходимости занятости. Противопоставление потребности и необходимости состоит в данном случае в том, что потребность исходит от самого субъекта общественной активности, в то время как необходимость имеет объективный, внешний для него характер. В этом контексте необходимость занятости чаще всего обусловлена наличием материальных запросов социального субъекта, удовлетворить которые он может при помощи трудовой деятельности, вознаграждаемой материально. Таким образом, необходимость занятости связана с потребностями в материальных ресурсах. В рассмотренном выше вопросе о внутренней потребности в занятости последняя предстаёт в качестве цели, что и знаменует фундаментальное различие между занятостью как потребностью и занятостью как необходимостью. Это различие зачастую определяет вынужденный характер трудовой деятельности в определённых сферах в ситуациях, когда человек оказывается в стеснённых обстоятельствах. Вместе с тем следует отметить, что, по сути, оба аспекта значимости занятости имеют место быть, поскольку, с одной стороны, для членов общества имеет значение возможность продуктивного приложения собственных сил и способностей, с другой – приобретение через это ресурсов для решения личных задач. В этом контексте особое значение приобретает отсутствие занятости (безработица), по которому можно судить как о нехватке у членов общества возможности социальной самоактуализации, так и о дефиците материальных ресурсов и, соответственно, низком уровне качества жизни.

Обратимся к такому значимому аспекту построения теоретико-методологической базы исследования, как анализ существующих исследований, относящихся к затрагиваемой тематической сфере. Прежде всего, следует отметить, что тематика трудовых отношений является одним из ключевых вопросов теоретической социологии, ввиду чего ряд классических работ в той или иной мере охватывает в том числе вопросы занятости. Особенно это прослеживается на примере работ, написанных представителями структурно-функционального подхода, в которых вопросы занятости поднимаются контекстуально, в рамках общего системного рассмотрения происходящих на уровне структуры общества процессов. В частности, следует отметить работы Э. Дюркгейма [6], Р. Мёртона [7], Т. Парсонса [8], обращение к которым способствовало формированию общего теоретического контекста исследования. Также существенное значение имеют работы таких авторов, как З. Бауман [2], У. Бек [13],

Л. Болтански [4], Г. Стэндинг [12]. В работах данных авторов осуществляется разносторонний анализ социальных тенденций, влияющих на изменение характеристик и значения занятости в современном обществе, а также ставится вопрос о трансформации значения занятости в будущем. Среди отечественных исследователей заслуживают внимания работы таких авторов, как В. Н. Бобков, В. Г. Крачев, Н. В. Локтюхина [3], Е. Н. Соломатина [11], Л. Я. Саксельцева, Ю. И. Тарский [10], существенно продвинувших понимание отдельных социальных аспектов занятости. Обращение к трудам данных исследователей способствовало углублённому осмыслению ряда аспектов занятости, что, в частности, обогатило работу и способствовало более адекватному осмыслению полученных в ходе эмпирического исследования данных.

Прежде всего, следует отметить, что полученные наработки определяют необходимость конкретизации области исследования и поставленной исследовательской задачи в силу того, что проблема занятости имеет крайне обширный характер, и область факторов занятости членов общества, равно как и социальных последствий конкретного уровня занятости населения, крайне широка. Вместе с тем очевидно, что сложность проблемы определяет неудовлетворительность исключительно частных, узких исследований, посвящённых какому-либо одному аспекту занятости. В этом контексте, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных подходов является соотнесение категории занятости с социальной проблемой, тесно связанной с причинами пристального исследовательского внимания к данной сфере, а именно сопоставление занятости и социального расслоения, как того деструктивного процесса, который сопровождает кризисные процессы в регионах, наименее благополучных по критерию трудоустройства населения.

Прежде всего, следует отметить, что занятость представляет собой, с одной стороны, источник социальных возможностей, с другой – одну из форм приобретения социального статуса, поскольку для многих людей в современном обществе актуальной является идентификация по профессиональному критерию. При этом вторым значимым моментом в данном случае является то, что материальный статус в настоящее время является одним из ключевых аспектов социальной идентификации. В этих условиях важно, что повышение личных возможностей и статуса реализуется членами общества через действующие социальные институты, в том числе через сферу экономики. Однако это справедливо лишь в том случае, когда на рынке труда имеются вакансии, иными словами, когда занятость возможна. И в этом контексте одной из фундаментальных характеристик социальной среды является наличие рабочих мест, которое определяет, в свою очередь, социальные перспективы членов общества. Чем выше конкуренция за рабочие места, тем, соответственно, актуальнее наличие социального расслоения по критерию наличия или отсутствия трудоустройства.

Таким образом, не только реальная, но и потенциальная занятость влияет на социальное расслоение. Это является одним из важнейших аспектов, определяющих ситуацию на уровне конкретного региона. При этом характеристики занятости определяют не только статусный аспект определённости членов общества (что является одним из доминирующих оснований в формировании отношений между ними), но и задают образ жизни людей. Последний определяется как распределением времени, так и расхождением в уровне возможностей, закономерно проистекающим из различий в доступности трудовой деятельности.

Обратимся к актуальным данным, полученным в результате эмпирического исследования, проведённого авторами в Республике Тыва [5]. Для начала охарактеризуем общий социальный портрет респондентов. В рамках исследования были опрошены жители Республики Тыва. Всего было опрошено 2859 респондентов, проживающих в различных населённых пунктах региона (при общей численности населения 327 383 чел.). Исследование было выстроено таким образом, чтобы охватить основные группы населения, что выражается во включении представителей всех возрастных (исключая детей, которые не могут работать, по крайней мере, официально), гендерных и этнических групп, в пропорции, сопоставимой со средней выборкой населения исследуемого региона. Обширная выборка исследования и, в частности, широкая география проведённого опроса способствуют избеганию погрешностей, связанных с неправомерным обобщением полученной информации.

Охарактеризуем общие демографические характеристики опрошенного населения Республики Тыва. Среди опрошенных 46% респондентов – мужчины, 54% – женщины. Распределение по критерию возраста следующее: от 18 до 24 лет – 13%, 25–34 – 24,5% респондентов, 35–44 – 21,4%, 45–54 – 18,2, 55–64 – 13,1%, 65 лет и старше – 8,4% респондентов. 1,6% опрошенных отказались указать свой возраст.

Важным показателем является уровень образования жителей региона. Согласно результатам опроса, 36,4% опрошенных имеют высшее либо неоконченное высшее образование; 38,6% – среднее специальное образование; 20,5% – среднее общее образование; 2,5% – неполное среднее образование и менее 1% – начальное.

По этническому критерию абсолютное большинство населения Республики Тыва – это тувинцы 92,2%, 6,1% респондентов приходится на русских, 0,7% – на другие национальности, и около 1% респондентов отказались указывать свою этническую принадлежность.

Среди опрошенных 49% проживают в городах, 6,3% – в посёлках городского типа, 44,7% – в сельской местности.

Следующим шагом является анализ основных маркеров социального положения и занятости населения Республики Тыва. Ниже представлена таблица, характеризующая ключевые социальные проблемы, отмеченные респондентами.

Таблица 1 (Table 1)

Ключевые социальные проблемы населения Республики Тыва
Key social problems of the population of the Republic Tyva

Какие проблемы вашего города/посёлка Вы считаете самыми важными для вас?	Количество	%
Высокая стоимость угля для отопления	903	58,7
Плохие дороги	747	48,5
Низкий уровень благоустройства города/посёлка	692	44,9
Низкое качество медицинских услуг	642	41,7
Маленькая заработная плата, маленькая пенсия	639	41,5
Плохое освещение улиц	572	37,2
Проблема вывоза бытового мусора	466	30,3
Отсутствие мест в яслях, детских садах	380	24,7
Невозможность найти подходящую работу в своём городе/посёлке	355	23,1
Периодические отключения света	304	19,8
Плохая работа общественного транспорта	271	17,6
Экологические проблемы: загрязнённость воздуха, воды, лесов	271	17,6
Невозможно найти подходящую подработку, дополнительную работу	233	15,1
Скука, отсутствие культурного досуга	223	14,5
Неудовлетворительная работа чиновников городской/поселковой администрации	205	13,3
Неустроенность детского и подросткового досуга	198	12,9
Обветшание жилищного фонда, отсутствие капремонта	181	11,7
Нехватка мест в школах	138	9,0
Низкий уровень преподавания в школах	135	8,7
Плохая работа коммунальных служб	118	7,7
Нарушения теплоснабжения	90	5,8
Невозможность продолжить образование	71	4,6
Межнациональные конфликты	44	2,8
Другое (что именно)	27	1,8
Нет ответа	13	0,9
Затрудняюсь ответить	8	0,5
Нет никаких проблем	5	0,3
Не хочу отвечать на этот вопрос	2	0,2
Всего	1539	100,0

Как становится видно из приведённой таблицы, наиболее остро перед респондентами стоят вопросы обеспечения базовых потребностей, причём показатели недостатка материальных ресурсов и источни-

ков приобретения этих ресурсов фигурируют многократно как напрямую (маленькая заработная плата, невозможность найти подходящую работу в своём городе), так и косвенно – через акцентуацию на высокой стоимости ключевых продуктов. При этом актуальность поиска подработки для существенной доли респондентов свидетельствует о том, что для многих опрошенных условия на основном месте работы не удовлетворяют их в полной мере.

Большое значение имеет показатель доступности трудоустройства по полученной специальности. Примечательно, что 49,7% участвующих в опросе отметили, что найти работу по профессии трудно, 20,5% отметили, что это скорее трудно, чем легко, а 2,5% показали, что вакансий по полученной специальности в населённом пункте, где проживают, просто нет. Таким образом, три четверти респондентов считают проблематичным трудоустройство по специальности, что крайне негативно характеризует ситуацию на рынке труда региона.

Рассматривая блок вопросов, характеризующих занятость населения, отметим следующие результаты. Среди опрошенных соотношение трудоустроенных и безработных приблизительно равно: 49,1% респондентов имеют работу, 49,4% не трудоустроены и 1,5% респондентов воздержались от ответа. При этом среди занятого населения 88,5% опрошенных работают на постоянной работе, 10,3% – имеют собственный бизнес. Среди трудоустроенных 91,8% устроены официально, 8,1% работают неофициально. Очень показательным распределением трудоустроенного населения по профессиональным сферам: 82,6% опрошенных работает в организациях государственной и муниципальной формы собственности, и лишь 16,3% респондентов трудоустроены в частных организациях. Примечательно, что среди опрошенных 18,9% имеют подработку, что свидетельствует о недостаточности заработной платы по основному месту их работы. Одним из показательных результатов проведённого исследования является то, что существенная доля населения Республики Тыва имеет проблемы с трудоустройством по месту проживания, в связи с чем более половины респондентов склоняется к тому, чтобы выбрать при такой возможности удалённый формат работы.

Резюмируя полученные данные, следует отметить, что в рамках текущей ситуации основная проблема состоит в крайне слаборазвитой экономике региона. Это порождает пониженное количество рабочих мест и, как следствие, приводит к серьёзному имущественному расслоению. Вместе с тем нельзя сказать, что в текущих условиях трудоустроенные граждане обладают каким-либо разительным отличием материального статуса по отношению к гражданам, не работающим на данный момент, поскольку, с одной стороны, существенная доля населения находится на социальном обеспечении, с другой – сам факт трудоустройства зачастую не гарантирует серьёзных финансовых возможностей. Ситуация в рассматриваемом нами регионе имеет значительно более серьёзный характер, нежели только недостаточное количество рабочих мест. Имеет место негативная качественная определённость, в связи с чем проблема заня-

тости, по сути, приобретает двойкий характер: с одной стороны, необходимо общее развитие экономического сектора, в результате которого снизится конкуренция на рынке труда и улучшатся условия трудовой деятельности. С другой стороны, важно создание условий для повышения качественных характеристик доступных жителям Республики Тыва вакансий, в контексте чего видится перспективной организация удалённой трудовой деятельности с целью снижения предпосылок развития социального неравенства как внутри региона, так и по отношению к жителям других регионов РФ.

Библиографический список

1. Ашмаров И. А. Применение методологического принципа иерархии в экономической теории // Змиевское краеведение. 2019. № 1. С. 25–33.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 2005. 390 с.
3. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 81–86.
4. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛО, 2013. 576 с.
5. Голенкова З. Т. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва. М., Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.
6. Дюркгейм Э., Гофман А. Б., Сапов В. В. О разделении общественного труда: Метод социологии / Пер. с фр. М.: Наука. 1991. 572 с.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ, 2006. 873 с.
8. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2019 год: научная монография / коллектив авторов; гл. научн. ред. В. Н. Бобков; А. А. Гулюгина (зам. гл. ред.). М.: Фабрика Офсетной Печати, 2020. 116 с.
9. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
10. Саксельцева Л. Я., Тарский Ю. И. Проблемы занятости и трудоустройства молодежи в фокусе социологии // Вестник ПАГС. 2016. № 4 (55). С. 85–91.
11. Соломатина Е. Н. Современная социология о трансформации форм занятости в России и за рубежом // Теория и практика общественного развития. 2019. № 11 (141). С. 37–41.
12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

13. Beck U. The brave new world of work. Cambridge. Malden: Blackwell Publishers; Polity Press, 2000. 202 p.

Получено редакцией: 15.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимова Татьяна Германовна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Маршак Аркадий Львович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.847

EDN: VYGSGE

Social Stratification and Employment (Regional Aspect)

Tatyana G. Anisimova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: anissimova07@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3770-2746

Zinaida T. Golenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: golenko@isras.ru

ORCID: 0000-0002-3341-0773

Arkady L. Marshak

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: marshak_al@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7180-9331

For citation: Anisimova T. G., Golenkova Z. T., Marshak A. L. Social stratification and employment (regional aspect). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.847; EDN: VYGSGE

Abstract. Based on the analysis of the theoretical heritage of leading sociologists, the article examines the socio-economic factors that determine the social stratification of the inhabitants of the Republic of Tyva. A comprehensive study of their financial situation and the characteristics of the social and labour sphere of the population of the Republic is carried out. An analysis of research data from 2019–2021 is made as well as research of the current year. In the course of the work, the defining features of the employment of the population as a condition for the formation of social inequality are revealed. The role of quantitative and qualitative indicators of the labour market in shaping the way of life of certain groups of society is studied. On the example of the presented materials, the correlation between the key social problems faced by the population of the region and the working conditions is demonstrated, the indirect factors affecting the satisfaction of the vital needs of the population are disclosed in detail, ways to satisfy them are fixed, the role of the social protection service in this process is shown.

The analysis of statistical data on the level of material well-being of the population of the Russian Federation determines that there is not only a significant level of inequality among the population as a whole, but also a significant heterogeneity of indicators of material well-being in various regions of the Russian Federation. On the example of the Republic of Tyva, the structure of employment of the population is shown, its specific features and individual forms are described, as well as the impact on the social stratification of the population of the region. The authors have identified patterns of influence of the involvement of members of society in the system of economic relations, the influence of the level and nature of employment on the financial situation of the population of the region. The general characteristics of the labour market are presented with taking into account the factors of poverty of the pop-

ulation. Particular attention is paid to the disclosure of the concepts of “social stratification” and “social inequality”. The article also contains recommendations for public authorities aimed at improving their work to ensure a higher level and quality of life for the population of the Republic to overcome social stratification.

Keywords: employment, the Republic of Tyva, social stratification, social inequality, labour market, poverty

References

1. Ashmarov I. A. Application of the methodological principle of hierarchy in economic theory. *Zmievsкое kraevedenie*, 2019: 1: 25–33 (in Russ.).
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Transl. from Eng. ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Logos. 2005: 390 (in Russ.).
3. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyukhina N. V. Unstable employment: the economic and sociological genesis of the concept. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2016: 4: 81–86 (in Russ.).
4. Boltanski L. Criticism and justification of justice: Essays on sociology of Gradov. Moscow, LO, 2013: 576 (in Russ.).
5. Golenkova Z. T. Socio-stratification processes in the Republic of Tyva. Moscow-Kyzyl, FNISTC RAS, 2020: 128 (in Russ.).
6. Durkheim E., Gofman A. B., Sapov V. V. O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sociologii. [On the division of social labor: Method of sociology] / Trans. from French. Moscow, Nauka, 1991: 572 (in Russ.).
7. Merton R. Social`naya teoriya i social`naya struktura [Social theory and social structure] / Transl. from Eng. by E. N. Egorova and others. Moscow, AST, 2006: 873 (in Russ.).
8. Monitoring doxodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2019 god [Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia] / Main scientific ed. Bobkov V. N.; Gulyugina A. A. Moscow, Fabrika Ofsetnoj Pechati, 2019: 116 (in Russ.).
9. Parsons T. The system of modern societies / Transl. from Eng. by L. A. Sedova, A. D. Kovalev; ed. by M. S. Kovaleva. Moscow, Aspect Press, 1998: 270 (in Russ.).
10. Sakseltseva L. Ya., Tarsky Yu. I. Problems of employment and youth employment in the focus of sociology. *Vestnik PAGES*, 2016: 4 (55): 85–91 (in Russ.).
11. Solomatina E. N. Modern sociology on the transformation of forms employment in Russia and abroad. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2019: 11(141): 37–41 (in Russ.).
12. Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass [Precariat: a new dangerous class] / G. Standing. Moscow: Ad Marginem Press. 2014: 328 (in Russ.).
13. Beck U. A brave new world of work. Cambridge. Malden: Blackwell Publishers. Political press. 2000: 202.

The article was submitted on: August 15, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Tatyana G. Anisimova, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Zinaida T. Golenkova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Arkady L. Marshak, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.848

EDN: SGSUEW

Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы

Ссылка для цитирования: Горина Т. И. Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 26–52. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.848; EDN: SGSUEW

For citation: Gorina T. I. Regional labour market of the Republic of Tyva: trends and challenges. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 26–52. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.848; EDN: SGSUEW

Горина Татьяна Ивановна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

tagor03@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 632381

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные параметры рынка труда Республики Тыва, которые являются системообразующими факторами экономики региона. Анализируемые данные были получены по итогам двух эмпирических исследований, проведённых в Республике Тыва (2019 и 2021 гг.) Центром изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством д.ф.н., проф. З. Т. Голенковой. Данные исследовательские проекты осуществлялись в различные временные фазы функционирования республиканского рынка труда: докризисный период (2019 г.) и кризисный период эпидемии COVID-19 (2021 г.). Можно сказать, что исследование 2021 г. было первой фиксацией реакции регионального рынка труда на трансформацию экономической системы, вызванную пандемией. Пандемия более всего сказалась на физическом состоянии населения – пятая часть респондентов переболели COVID-19. Признаки крупномасштабных социальных конфликтов в трудовой сфере исследование не выявило. Тех, кто потерял работу или ликвидировал свой бизнес, в сумме не более 6%. Массовых высвобождений сотрудников организаций и масштабного сокращения численности предпринимателей за период пандемии коронавируса в регионе не произошло. И в то же время уровень зарегистрированной безработицы увеличился в 2021 году по сравнению с 2019 годом почти на 10%. Одной из основных причин роста этого показателя, как полагают авторы, является значительно возросший в этот период объём социальных трансфертов для официально зарегистрированных безработных. Также в данной статье

приводятся количественные показатели рынка труда, делается сравнение ключевых индикаторов модели рынка труда в динамике – уровня экономической активности, занятости и безработицы (официальной и нерегистрируемой). Особое внимание уделяется оценке распространённости различных видов неформальной занятости. Показано, что предпринимательская инициатива населения является своего рода гарантом обеспечения желаемого уровня материального дохода, ориентации на антипатерналистские установки. Также авторами сделана попытка расчёта общего пула наиболее активных акторов рынка труда, их адаптационных стратегий. Авторы приходят к выводу, что рыночная модель продемонстрировала устойчивость и стабильность в ответ на внешние воздействия кризиса.

Ключевые слова: социология, рынок труда, занятость, безработица, предприниматели, самозанятость, доход

Изученность темы

Весомый вклад в изучение региональных рынков труда делает Росстат РФ. Его выборочные наблюдения являются основой для любого сравнительного анализа. Приведём только некоторые обследования: «Обследование рабочей силы»¹, «Выборочное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов»², «Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств»³, «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах»⁴, «Комплексное наблюдение условий жизни населения»⁵ и так далее. На основании данных, получаемых органами государственной статистики от предприятий, организаций, населения в ходе проведения статистических наблюдений, переписей, выборочных обследований, данных министерств и ведомств Российской Федерации, а также информации, получаемой от организаций, которые проводят обследования, опросы по сбору сведений экономического и социального характера, Росстат на сайте публикует оперативную статистическую информацию, бюллетени, доклады, публикации и сборники. Данные по регионам представлены в следующих изданиях:

¹ Микроданные выборочных обследований рабочей силы. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.04.2022)

² Итоги выборочного статистического наблюдения за использованием труда мигрантов. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 12.04.2022).

³ Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. Сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Итоги выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах. Сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 12.04.2022).

«Регионы России. Социально-экономические показатели»¹, «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации»², «Труд и занятость в России»³, «Рабочая сила, занятость и безработица в России»⁴. Росстатом рассчитываются основные показатели рынка труда в региональном разрезе: численность населения, численность рабочей силы, уровень занятости, уровень безработицы, численность официально зарегистрированных безработных, среднегодовая численность занятых, среднесписочная численность работников организаций, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, выпуск квалифицированных рабочих, служащих, специалистов среднего звена, бакалавров и др.

Среди работ отечественных социологов следует отметить деятельность Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ и Научно-исследовательский центр социально-политического мониторинга РАНХиГС. Этими организациями проведены фундаментальные исследования по изучению различных аспектов функционирования региональных рынков труда. Сравнительному анализу региональных рынков труда посвящены работы В. Е. Гимпельсона [1; 15], Р. И. Капелюшниковой [13; 15], А. Ю. Ощепкова [13], С. Ю. Роцина [15], Т. М. Малевой, М. К. Кириллова, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринской, В. А. Ляшок [7], А. О. Макаренцевой, Н. В. Мкртчян, Н. В. Зубаревич [10], изучению проблем неформальной занятости в России В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой [1], Д. О. Стребкова, А. В. Шевчука [18], А. Л. Лукьяновой [9], А. В. Покида, И. В. Зыбуновской [14], влияние миграционных процессов на рынки труда освещены в работах Т. М. Малевой, М. К. Кириллова, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринской [19], изменения на рынке труда под влиянием пандемии анализируются в работах Р. И. Капелюшниковой [6], Н. В. Зубаревич [10], К. Ю. Ерицян, М. М. Русаковой, А. А. Александровой, Н. М. Усачева [5].

В последние годы научное сообщество открыло для себя Республику Тыва, появилось много работ, освещающих социально-экономическую ситуацию именно в этом регионе. ФНИСЦ РАН внёс достойный вклад в изучение проблематики Тувы, в том числе её рынка труда [2]. Особенности трансформационных процессов описаны в работе З. Т. Голенковой, Ю. В. Голиусовой, А. Д.-Б. Самбы [3], гендерные особенности изучались О. Д. Натсак [11], социологический анализ финансового поведения населения проведен, изучением влияния традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка занимался А. Ч. Кылыгдай [8], изменения в социально-профессиональной структуре

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 12.04.2022).

² Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 12.04.2022).

³ Труд и занятость в России. Сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России. Сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 12.04.2022).

региона были изучены А. Д. Самба [16], сценарий развития Республики Тыва предложили В. К. Севек, Х. Б. Бадарчи, Р. М. Севек, Ч. С. Манчык-Сат, А. Э. Чульдум [17].

Методология исследования

Информационную базу для сравнительного анализа параметров рынка труда составили два социологических опроса проведённых в Республике Тыва (2019 и 2021 гг.) Центром изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством д.ф.н., проф. З. Т. Голенковой. Исследования были инициированы Министерством труда Республики Тыва. В первом опросе изучалась проблемная ситуация бедности населения. Объектом исследования выступало местное домохозяйство. Объём выборочной совокупности составил 1200 домохозяйств. Подробное описание методологии исследования изложено статье Т. И. Гориной [4].

Целью исследовательского проекта 2021 года было изучение социально-экономического положения населения Республики Тыва. Более подробно остановимся на его параметрах.

Дизайн выборки

В исследовании была использована модель многоступенчатой стратифицированной выборки на основе статистических данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва по численности постоянного населения на 1 января 2021 г. и распределению численности населения Республики Тыва по полу и возрасту на начало 2020 г.

Генеральную совокупность, служащую основой для построения выборочной совокупности при проведении исследования, составило всё население Республики Тыва старше 18 лет. Расчёт совокупности опрашиваемых по Республике был основан на предельном значении ошибки $\pm 2,6\%$. Таким образом, был определён необходимый размер выборочной совокупности, который составил 1500 респондентов.

На стадии проектирования выборки было принято решение обеспечить максимальную эффективность сравнения сельской и городской частей выборки путём представленности всех городов, посёлков городского типа и каждого муниципального района. На основе данных Росстата по территориальному распределению населения производилось вычисление доли городского и сельского населения Республики. Городское население составило 54%, сельское 46%. Далее определялась численность выборочной совокупности для каждого муниципального образования (пропорционально его численности населения). Из генеральной совокупности были удалены сёла районов со сложной транспортной доступностью, также были элиминированы сёла с населением менее 300 человек.

Отбор сельских населённых пунктов в районе (после осуществления процедуры элиминации) производился случайно-вероятностным методом. Для оптимизации транспортных и финансовых затрат расчётным минимумом на сельский населённый пункт было принято 20 анкет. В исследовании использовался метод опроса по месту жительства, в домохозяйстве для взятия интервью отбирался один респондент. Отбор респондента проводился в соответствии с заданными квотами. Каждому интервьюеру задавалась квота по половозрастному распределению его объёма работы (предусматривалась дифференциация опрошенных на 6 возрастных групп). Непропорциональность в распределении выборки при анализе компенсировалась весовыми коэффициентами.

Общая численность реализованной выборки превысила её расчётные показатели. В итоге выборочная совокупность составила 1539 респондентов. Исследование проходило в 88 населённых пунктах Республики Тыва. Методом сбора информации являлось 20-минутное личное интервью, которое проводилось по формализованному опроснику.

Демографические особенности Республики Тыва

Более подробно остановимся на некоторых социально-демографических особенностях Республики Тыва. Республика Тыва выделяется среди всех регионов России высоким уровнем рождаемости. В РФ всего 16 регионов, где наблюдается положительный прирост населения естественного характера, Республика Тыва в их числе. При сравнении половозрастной структуры России и Республики Тыва наблюдается, что более половины (54%) населения региона находится в возрасте до 30 лет¹. Согласно данным Росстата, в Республике Тыва 34% населения моложе трудоспособного возраста, и это самый высокий показатель по России (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Сравнение распределения населения по возрастным группам, %
Comparison of population distribution by age groups, %

Группы по возрасту, <i>лет</i>	РФ в целом (на 01.01.2020)	Республика Тыва в целом (на 01.01.2020)
0–14	18	33
15–29	16	21
30–44	24	21
45–64	27	19
Старше 65	15	6
Итого	100	100

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 12.04.2022).

Также наблюдается один из самых высоких показателей среднего размера домохозяйства у городского населения 3,1 человека, сельского – 3,9. Заметим, что по итогам исследования 2019 года средний размер домохозяйства в целом по выборке также составил – 3,9 чел.

Констатируем, что Республика Тыва – безусловный лидер среди субъектов РФ по рождаемости. Но по продолжительности жизни – явный аутсайдер. Тыва занимает предпоследнее место (на последнем месте Чукотский автономный округ) среди регионов России по показателю ожидаемой продолжительности жизни в 2020 г. – 66,3 (в среднем по РФ – 71,5)¹. При детальном изучении данного показателя наблюдается характерный разрыв (во всех субъектах РФ) в большей продолжительности жизни женщин и меньшей продолжительности жизни сельского населения (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Предварительная оценка ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2020 год, число лет

Estimated life expectancy at birth for 2020, number of years

	Городское население		Сельское население	
	Россия в целом	Республика Тыва	Россия в целом	Республика Тыва
Мужчины	66,60	64,00	65,97	58,90
Женщины	76,60	72,60	75,80	66,30

При этом в Тыве сельские мужчины в ожидаемой продолжительности жизни демонстрируют один из минимальных показателей – 58,9, наряду с другими 5 регионами России (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Наименьшая ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин сельского населения среди субъектов РФ за 2020 год, число лет²

The lowest life expectancy at birth of rural males among the constituent entities of the Russian Federation for 2020, number of years

Субъект РФ	Ожидаемая продолжительность жизни
Магаданская область	55,12
Чукотский автономный округ	55,95
Ненецкий автономный округ	56,52
Республика Тыва	58,91
Республика Карелия	59,19
Камчатский край	60,35

¹ Ожидаемая продолжительность жизни. Сайт Красноярскстат. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 18.04.2022).

² Там же.

Ожидаемая продолжительность жизни одна из важнейших характеристик уровня и качества жизни. Этот показатель зависит от многих факторов: от образа жизни, уровня доходов, воспитания и образования человека, наследственности, уровня загрязнения окружающей среды, качества питания, развития системы здравоохранения, уровня преступности, распространённости алкоголизма и других.

Занятость населения

Уровень занятости населения в Республике Тыва, по оценкам Росстата, равен 49%¹. По России это довольно низкий показатель, меньше только в некоторых республиках Северного Кавказа: Карачаево-Черкесская Республика – 46,7%, Республика Дагестан – 47,4%, Республика Северная Осетия – Алания – 48,2%². Сравнение показателей рынка труда настоящего опроса со статистическими показателями Росстата может быть только косвенным, поскольку наш опрос охватывал население старше 18 лет, тогда как методология МОТ подразумевает расчёт рабочей силы, уровня занятости, уровня безработицы в возрастных категориях от 15 лет и старше.

Показатели занятости были получены из ответов на 2 вопроса анкеты: «Скажите, пожалуйста, есть ли у вас сейчас постоянная работа или какой-либо свой бизнес? Не важно, работаете ли вы официально или нет, зарегистрирован бизнес или вы работаете сами на себя без регистрации» (рис. 1) и «Какое ваше основное занятие?» (табл. 4).

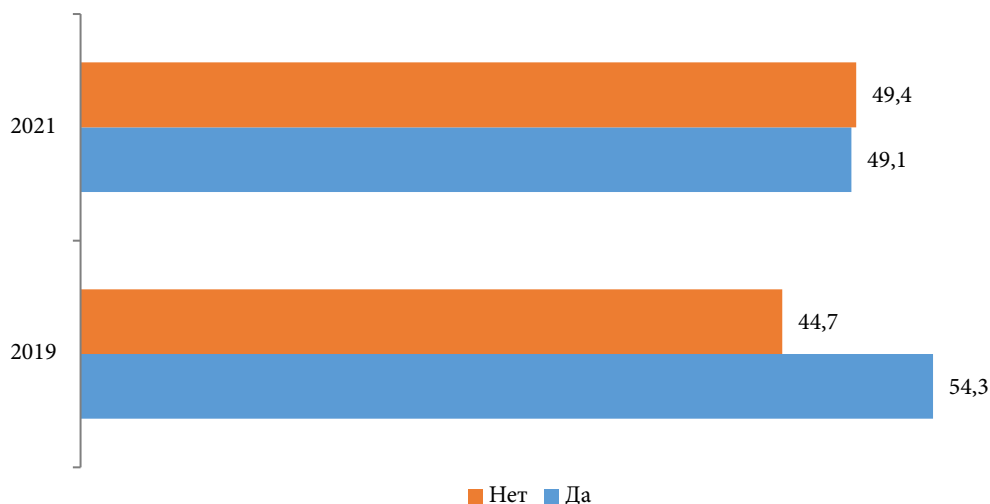

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, есть ли у вас сейчас постоянная работа или какой-либо свой бизнес?, %

Figure 1. Tell me, please, if you currently have a permanent job or any business of your own?, %

¹ Занятость и безработица в РФ. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL:<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BCqQK9QM/zanyatost.pdf> (дата обращения: 18.07.2021).

² Итоги обследования рабочей силы. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL:https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/17.htm (дата обращения: 18.07.2021).

Если мы произведём распределение занятого населения по ответам на этот вопрос, то общее количество опрошенных составило 1539 чел., респондентов, у которых есть постоянная работа или свой бизнес, – 755 чел. То есть доля имеющих постоянную работу или бизнес в общем числе опрошенных – 49%. В 2019 году этот показатель был 54,3%. Таким образом, за два года количество занятых уменьшилось, но это уменьшение минимальное, практически в пределах нормативной ошибки выборки.

Если за основу для расчёта взять группировки по основному занятию, в этом случае группа занятых увеличивается. Формулировка вопроса несколько изменила данные этого показателя.

Таблица 4 (Table 4)

Основное занятие респондентов, %
Main occupation of respondents, %

Вид деятельности	Занятые
Работа по найму на постоянной долговременной основе	41,4
Официально зарегистрированный бизнесмен, ИП, самозанятый	4,2
Работа в собственном ЛПХ	3,3
Неофициальная работа по устным договоренностям, работа временная, работа на себя	8,1
Вид деятельности	Незанятые
Учёба в дневном техникуме, училище, колледже, в вузе	5,5
Пенсия по возрасту, инвалидности	14,9
Ведение домашнего хозяйства	2,6
Безработный, зарегистрированный в службе занятости	7,1
Безработный, не зарегистрированный в службе занятости	12,3

Заметим, что некоторые респонденты, идентифицирующие себя по основному занятию как работники собственного ЛПХ и работающие по устным договорённостям, в вопросе «есть ли у вас сейчас постоянная работа или какой-либо свой бизнес» отметили, что у них есть постоянная работа или бизнес (работники ЛПХ – 23,5%, работающие по устным договорённостям – 29%), другая же часть респондентов этих групп отметили, что у них нет постоянной работы. Скорее всего, на эти неустойчивые позиции самоопределения влияет стабильность получения прибыли от деятельности и временная загрузка этой деятельностью работающего.

Согласно данным, представленным в таблице 4, группа занятых респондентов насчитывает 57%, незанятых – 42,4%. В исследовании 2019 г. по степени занятости опрошенные разделились следующим образом: занятых или работающих среди респондентов насчитывается 54,3%; незанятых или неработающих – 44,7%. То есть показатели занятости 2019 и 2021 гг. почти совпадают. Конечно, делать какие-то далеко идущие выводы относительно процессов и в экономике в целом, и на рынке труда Республики на фоне пандемии некорректно. Однако счи-

таем необходимым подчеркнуть тот факт, что снижения уровня занятости в Туве в этой ситуации нами не выявлено. Безусловно, это можно считать положительным явлением.

Влияние эпидемии COVID-19 на рынок труда

Предполагалось, что воздействие эпидемии COVID-19 могло сказаться на уменьшении количества занятых. Однако данная гипотеза не нашла подтверждения. В анкете содержался вопрос: «*Какие из перечисленных событий произошли с вами в период эпидемии коронавируса?*»

Последствия эпидемии ощутили на себе 49% опрошенных, но более всего она отразилась на здоровье населения, пятая часть респондентов переболела COVID-19. Тех, кто потерял работу или вынужден был закрыть свой бизнес, в сумме не более 6%. В общем масштабе это не впечатляющие показатели. Но 60% тех, кто потерял работу, так и не смогли её найти. На момент опроса они идентифицировали себя как безработные.

Таблица 5 (Table 5)

Последствия эпидемии COVID-19, %
Consequences of the COVID-19 epidemic, %

Последствия эпидемии COVID-19	Доля отметивших данную альтернативу в общей выборке
Вы болели коронавирусом	23,5
Вы потеряли постоянную работу	3,8
Были задержки выплаты вам заработной платы	5,2
Вы были вынуждены взять неоплачиваемый отпуск	2,2
Вам пришлось ликвидировать свой бизнес	1,4
Вам пришлось на время прекратить деятельность своего бизнеса	1,9
Вы лишились своих подработок, временной работы	9,8
Ничего из перечисленного не произошло	50,9

Чтобы понять объём высвобождения сотрудников в период пандемии (январь-декабрь 2020 г.) в ГМЦ Росстата была заказана сводка (источник данных – ф.№П-4 (квартальная разработка) за январь-декабрь 2020 года) по средней численности работников за период 2019–2020 г. предприятий и организаций различных форм собственности Республики Тыва по всем обследуемым видам экономической деятельности. Расчёт производился по крупным, средним предприятиям и организациям со средней численностью работников до 15 человек, не являющимся субъектами малого предпринимательства (табл. 6). То есть микропредприятия и индивидуальные предприниматели не учитывались.

Таблица 6 (Table 6)

**Темпы роста средней численности работников организаций
всех форм собственности за 2020 год**
*Growth rate of the average number of employees of organisations
of all forms of ownership for 2020*

	Количество организаций	За период с начала отчетного года (2020 г.), чел.	За соответствующий период предыдущего года (2019 г.), чел.	Темпы роста периода с начала года к соответствующему периоду, %
Всего по субъекту	1579	66 228,19	66 141,44	100,13
Собственность субъектов Российской Федерации и муниципальная собственность	1145	46 207,85	45 793,53	100,90
Государственная и муниципальная собственность	1357	57 809,91	57 438,42	100,65
Российская собственность	1558	64 023,39	63 940,25	100,13
Государственная собственность	511	32 123,37	31 882,44	100,76
Федеральная собственность	212	11 602,06	11 644,89	99,63
Собственность субъектов Российской Федерации	299	20 521,31	20 237,55	101,40
Муниципальная собственность	846	25 686,54	25 555,98	100,51
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	7	125,64	147,59	85,13
Частная собственность	172	5610,92	5835,71	96,15
Смешанная российская собственность	14	416,24	440,97	94,39
Собственность потребительской кооперации	8	60,68	77,57	78,23
Иностранная собственность	13	1989,55	2019,70	98,51
Собственность иностранных юридических лиц	13	1989,55	2019,70	98,51
Совместная российская и иностранная собственность	8	215,25	181,49	118,60
Совместная собственность субъектов Российской Федерации и иностранная собственность	1	10,39		
Совместная частная и иностранная собственность	7	204,86	181,49	112,87

Продолжение таблицы 6

	Количество организаций	За период с начала отчетного года (2020 г.), чел.	За соответствующий период предыдущего года (2019 г.), чел.	Темпы роста периода с начала года к соответствующему периоду, %
Смешанная российская собственность с долей федеральной собственности	7	357,70	373,99	95,64
Смешанная российская собственность с долей собственности субъектов Российской Федерации	2	2,50	2,50	100,00
Иная смешанная российская собственность	5	56,04	64,48	86,92
Собственность политических общественных объединений	2	52,33	46,68	112,12
Собственность общественных объединений	5	73,31	100,92	72,64
Иностранная собственность и совместная российская и иностранная собственность	21	2204,80	2201,19	100,16
Смешанная и другие формы собственности	42	2746,68	2789,75	98,46

*Расчёт темпа роста производится делением текущего значения на значение прошлое, а результат умножается на 100 и показывается в процентах. Если показатель менее 100%, то это уменьшение численности, если более 100% – увеличение численности.

Эти данные свидетельствуют, что массового высвобождения работников не произошло. В отчётной документации Министерства труда Республики Тыва за 1 квартал 2021 г. констатируется: «Сведения об увольнении работников в связи с сокращением численности представили 26 организаций, высвобождению подверглись 244 человека».

Чтобы понять ситуацию с малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями в Республике, в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы¹ были запрошены сведения по численности по двум периодам – на начало 2020 и начало 2021 года (табл. 7). Убыль произошла только среди индивидуальных предпринимателей, их число уменьшилось на 157 ед. Это сокращение численности ИП привело к сокращению на 2% общей численности работников организаций малого бизнеса и ИП. Масштабным это явление никак нельзя назвать.

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы. Сайт Единого реестра налоговой службы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 19.07.2021).

Таблица 7 (Table 7)

**Динамика численности малых, микроорганизаций и ИП
за 2020–2021 гг. Республики Тыва, ед.**

*Dynamics of the number of small, micro-organisations and individual entrepreneurs
for 2020–2021 in the Republic of Tyva, unit*

Республика Тыва	Всего	Юридических лиц				Индивидуальных предпринимателей			
		всего	микро	малое	среднее	всего	микро	малое	среднее
По состоянию на 10.01.2020	7007	1148	1075	67	6	5859	5825	34	0
По состоянию на 10.01.2021	6850	1148	1073	68	7	5702	5669	33	0
Сравнение 2021 г. с 2020 г., разница показателей	157	0	2	-1	-1	157	156	1	0

Для сравнения проанализируем показатели Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы по Москве, региону с наибольшим удельным весом индивидуальных предпринимателей в структуре экономики (табл. 8).

Таблица 8 (Table 8)

**Динамика численности малых, микроорганизаций и ИП
за 2020–2021 гг., г. Москва, ед.**

*Dynamics of the number of small, micro-organisations and individual entrepreneurs
for 2020–2021, Moscow, units*

Москва	Всего	Юридических лиц				Индивидуальных предпринимателей			
		всего	микро	малое	среднее	всего	микро	малое	среднее
По состоянию на 10.01.2020	74 8354	463 943	425 790	34 774	3379	284 411	283 546	856	9
По состоянию на 10.01.2021	72 8251	426 527	389 677	33 334	3516	301 724	300 680	1030	14
Сравнение 2021 г. с 2020 г., разница показателей	20 103	-737	-354 903	-29 955	280 895	-17 313	-17 134	-174	-5

Более всего эпидемия COVID-19 в столице страны сказалась на численности индивидуальных предпринимателей, их число за год уменьшилось на 6% (от общей численности 2020 года), то есть в три раза больше, чем в Республике Тыва. Констатируем факт, что массовых высвобождений сотрудников организаций и масштабного сокращения численности предпринимателей за период эпидемии коронавируса в Республике Тыва не произошло. В период с 2019 по 2021 год численность занятых почти не изменилась.

Динамика численности основных групп в общем числе незанятого населения

Динамика доли основных групп в общем числе незанятого населения: пенсионеров, учащихся, безработных и домохозяек, среди опрошенных в 2019 и 2021 годах представлена следующими показателями (табл. 9).

Таблица 9 (Table 9)

Динамика изменения доли основных групп в общем числе незанятого населения, %
Dynamics of changes in the share of major groups in the total number of unemployed population, %

Основные группы незанятого населения	2019	2021
Пенсионер	29	27
Студент/школьник	20	10
Зарегистрированный безработный	11	13
Незарегистрированный безработный	23	23
Домохозяйка/домохозяин	12	5

Доля пенсионеров и незарегистрированных безработных практически осталась неизменной по сравнению с 2019 годом. Мы ожидали получить более масштабные показатели численности зарегистрированных безработных, но, скорее всего, пик их численности уже был достигнут в начале 2021 г. По отчётным данным Министерства труда Республики Тыва, общая численность безработных (по методологии МОТ) в 2019 году составила 14 400 чел., за 2020 год – 23 500 чел., за первый квартал 2021 года – 26 000 чел.

Попробуем рассчитать уровень безработицы по методологии Росстата. Уровень безработицы – отношение численности безработных определённой возрастной группы к численности рабочей силы (занятых и безработных) соответствующей возрастной группы, в процентах. По итогам опроса, уровень зарегистрированной безработицы будет равен 14%. По данным Центров занятости населения уровень зарегистрированной безработицы продемонстрировал значительный рост: в 2019 году составлял 4,3%, в 2020 г. – 13,5%, на 01.01.2021 г. – 12%. По мнению А. О. Макаренцевой, Н. В. Мкртчян и Н. В. Зубаревич [10], «такая динамика была обусловлена институциональными факторами – увеличением размера пособий по безработице и упрощением процедуры регистрации в службах занятости. Именно меры, принятые правительством в период кризиса, привели к быстрому росту показателей зарегистрированной безработицы в регионах».

Предприниматели

В указанном опросе мы дифференцировали занятых как наёмных сотрудников и предпринимателей. В данной категории преобладают наёмные сотрудники (88,5%), предприниматели составляют только десятую часть категории занятых (10,3%) (рис.2).

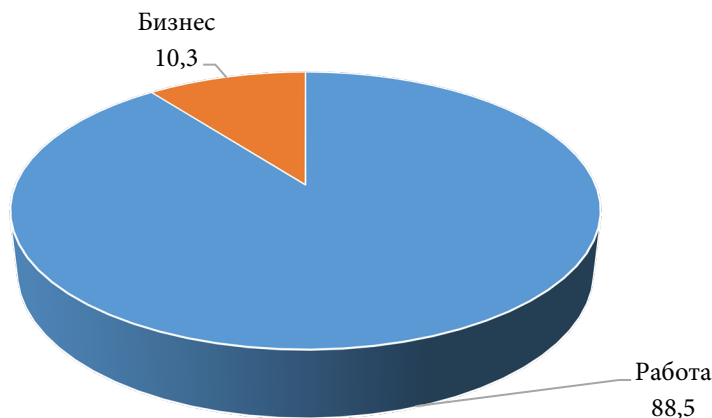

Рис. 2. Это постоянная работа или ваш бизнес?, %
Figure 2. Is this a full-time job or your business?, %

Если произвести расчёт доли бизнесменов по вышеприведённым статистическим показателям (табл. 4), суммируя среднее число занятых в крупном/среднем/малом бизнесе с числом занятых в микропредприятиях и ИП, то также получим 10%.

Обычно в публикациях Росстата приводится доля индивидуальных предпринимателей в структуре субъектов МСП (малого и среднего предпринимательства), а не в общем числе занятых. В 2018 году для написания научной статьи авторами были запрошены в ГМЦ Росстата общероссийские данные по доле официально зарегистрированных работников малых и микропредприятий и ИП в общей численности занятых в экономике. Эта доля по РФ в целом составила 20%. Если посмотреть на региональные показатели, то менее всего экономически активного населения занято в малом, микробизнесе (включая ИП) в Курганской области (1%), Республике Дагестан (2%), Магаданской области (4%) и Республике Ингушетия (4%), а более всего – в Хабаровском крае (26%), Свердловской области (27%), Новосибирской области (27%) и Калининградской области (27%). Республика Тыва по удельному весу предпринимателей в общем числе занятых в экономике располагается в группе регионов с низкой предпринимательской активностью.

Распределение группы опрошенных бизнесменов на подгруппы по юридическому формату организации показывает преобладание индивидуальных предпринимателей и самозанятых (табл. 10).

Таблица 10 (Table 10)

Распределение общей группы предпринимателей по юридическому статусу, %
Distribution of the general group of entrepreneurs by legal status, %

Статус предпринимателя	Доля в общей группе
Официально зарегистрированный собственник бизнеса	13,1
Официально зарегистрированный индивидуальный предприниматель	43,0
Официально зарегистрированный самозанятый	26,3
Официально зарегистрированный фермер КФХ	5,4
Работаю сам на себя без регистрации	10,8

Самозанятые

Акцентируем внимание на самозанятых. При проведении общереспубликанского опроса в 2019 году эта категория не была зафиксирована. За два года социальная группа самозанятых приобрела реальные очертания. Причём если в целом по России, наряду с уникальными регистрациями, наблюдается некоторое перетекание индивидуальных предпринимателей и наёмных работников в категорию самозанятых (из-за более выгодной системы налогообложения), то в Тыве, где подход к каждому самозанятому практически персонифицированный, эту группа сформирована теми, кто легализовал свою неформальную деятельность. Это показательный результат эффективной работы Министерства труда Республики Тыва. Нужно отметить, что потенциал для масштабирования этой группы есть. По данным опроса, работающих в собственном ЛПХ – 3,3% в общей выборке и работающих по устным договорённостям – 8,1%.

Кто они, тувинские предприниматели? В группе предпринимателей немного больше мужчин (табл. 11), чем женщин (55/45%), тогда как в общей группе занятых доминируют женщины (59,5%). По возрасту 75,4% предпринимателей относятся к средней группе (25–44 года), по сравнению с занятыми это более «молодая» категория, лиц старше 45 лет среди бизнесменов 19%, а в среднем среди занятых – 33%. Подавляющее большинство предпринимателей имеет профессиональное образование (84%), впрочем, в занятом населении в целом доля ещё выше (87%). Материальное положение респондентов, занимающихся бизнесом, немного выше, чем у занятого населения в целом. Тех, чьи доходы используются только на питание, среди предпринимателей 18%, среди занятых – 22%. Распределение их по месту проживания более равномерное между городом и селом (56/44%), чем в целом по занятому населению, где большинство (58,4%) проживает в городских поселениях.

Таблица 11 (Table 11)

Социально-демографический портрет предпринимателей, %
Socio-demographic portrait of entrepreneurs, %

	Доля социально-демографических групп в общей группе предпринимателей	Доля социально-демографических групп в общей группе занятых
Пол		
Мужской	54,6	40,5
Женский	45,4	59,5
Возраст, лет		
18–24	4,0	6,6
25–34	42,3	32,1
35–44	33,1	26,1
45–54	11,5	20,1
55–64	4,9	11,3
65 и старше	3,0	1,8
Образование		
Высшее/неоконченное высшее образование	46,5	50,7
Среднее специальное	37,5	36,8
Среднее общее (8/9 или 10/11 классов)	16,1	11,5
Неполное среднее (7–9 классов)	0,0	0,3
Начальное образование (1–4 класса)	0,0	0,0
Не имею начального образования	0,0	0,0
Материальное положение		
Денег не хватает даже на питание	2,8	4,5
Денег хватает только на питание	14,8	17,3
На питание и одежду денег хватает, но более крупные покупки приходится откладывать, брать кредит	45,8	54,7
Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	12,9	7,7
Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом	5,7	8,9
Мы можем позволить себе купить машину, дачу, словом ни в чем себе не отказываем	4,5	1,4
Место проживания		
Город	55,6	58,4
Село	44,4	41,6

Наёмные сотрудники

Наёмные сотрудники, работники предприятий и организаций Тувы составляют 41% от общей выборки и 88,5% от занятого населения. В большинстве своём они устроены на работу по договору/контракту, то есть официально. Так было в 2019 году (86,5%), эта же тенденция сохранилась и в 2021 году (рис. 3).

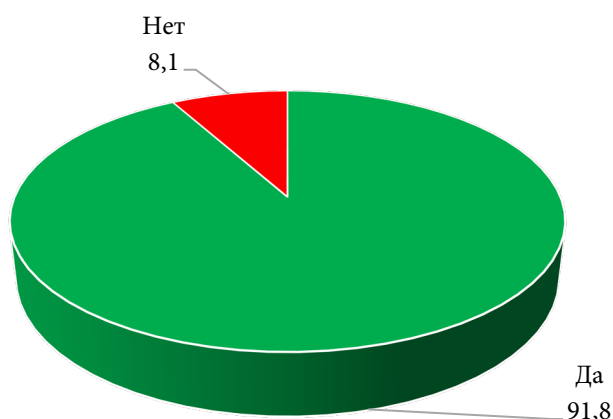

Рис. 3. Вы устроены на эту работу официально?, %
Figure 3. Are you officially employed in this job?, %

В 2019 году форма собственности организации респондентов определялась по её наименованию (школа, детский сад, поликлиника и т. д.), что, конечно, приводило к некоторым погрешностям, не все организации удалось определить. Но общий вывод был таков, что около 70% занятых (у кого мы точно смогли определить место работы) трудились в бюджетных организациях. В опросе 2021 года вопрос в анкете был сформулирован чётко и конкретно (табл. 12).

Таблица 12 (Table 12)

Ответ на вопрос: «Вы работаете в организации государственной, муниципальной формы собственности или частной?»

Answer to the question: Do you work in a state, municipal or private organisation?

Формы собственности	%
Государственная, муниципальная	82,6
Частная	16,3
Другая	0,2

Для верификации данного вывода в ГМЦ Росстата авторы запросили сводку по численности работников предприятий Республики Тыва всех форм собственности (без включения микропредприятий и ИП). Согласно полученным сведениям, доля работников частных предприятий составляет 13%, в организациях государственной и муниципальной собственности трудится 83% занятого населения.

Таблица 13 (Table 13)

Численность работников предприятий Республики Тыва всех форм собственности (данные Росстата)*Number of employees of enterprises of the Republic of Tyva of all forms of ownership (Rosstat data)*

Наименование	Код формы собственности	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.
Всего	199	67 821
Частная собственность, включая собственность потребительской кооперации и собственность российских граждан, постоянно проживающих за границей	107	8874
Российская собственность	10	65 681
Государственная собственность	11	31 169
Федеральная собственность	12	11 475
Собственность субъектов Российской Федерации	13	19 694
Муниципальная собственность	14	25 093
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	15	154
Смешанная российская собственность	17	393
государственная и муниципальная (11+14)	80	56 261
Иностранная собственность и совместная российская и иностранная собственность (20+30)	108	2139
Собственность субъектов Российской Федерации и муниципальная собственность (13+14)	110	44 786
Совместная российская и иностранная собственность и другие формы собственности	198	11 560

Данные, полученные в ходе опроса, вполне сопоставимы с показателями Росстата. Таким образом, можно констатировать, что доминирующая часть занятого населения трудится в организациях государственного сектора экономики. Даже если присовокупить численность занятых в микроорганизациях и число индивидуальных предпринимателей к общей численности занятых в организациях частной формы собственности, то и в этом случае численность занятых в бюджетных организациях составит 77%.

Дополнительная/неформальная занятость

Адаптационные стратегии, профессиональную мобильность населения мы рассматривали в контексте наличия у респондентов дополнительных заработков. Профессиональная мобильность рабочей силы связана с наличием дополнительных или смежных специальностей, мотивацией, нацеленной на изменение своего финансового положения, гибкой и разнообразной трудовой деятельностью.

В 2019 году дополнительная/временная занятость учитывалась в вопросе про получаемые доходы домохозяйства, в 15% опрошенных семей респонденты эти доходы указали. В 2021 году объектом исследования было население, то есть мы спрашивали про наличие любых подработок у каждого опрошенного.

Соотношение на рис. 4 показывает, что только 18,9% опрошенных имели какие-либо подработки в месяц проведения опроса (май 2021 г.).

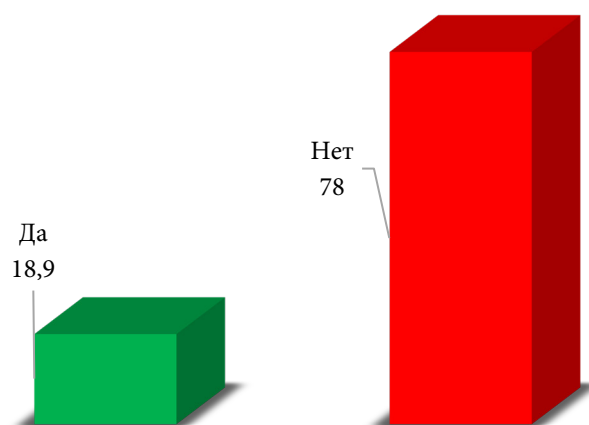

Рис. 4. Скажите, пожалуйста, в этом месяце есть ли у вас какая-нибудь подработка, дополнительная работа (независимо от постоянной работы или бизнеса), что позволяет получить какую-то оплату?, %

Figure 4. Tell me, please, if you have any part-time, additional work this month (regardless of a permanent job or business) that allows you to get some kind of payment?, %

Этот вопрос был сформулирован таким образом, потому как по итогам опроса 2019 г. было замечено, что некоторые опрошенные не воспринимали работу у родственников (даже за оплату) именно как работу, а считали её помощью родным. Всего 11,7% опрошенных имели оплачиваемую подработку у родственников, при этом у трети группы респондентов, имевших подработки у родственников, наблюдался этот эффект замещения понятия «подработки» на «помощь». То есть общая группа имеющих неформальные источники доходов пополнилась теми, кто нашёл работодателя в кругу родственников (рис. 5).

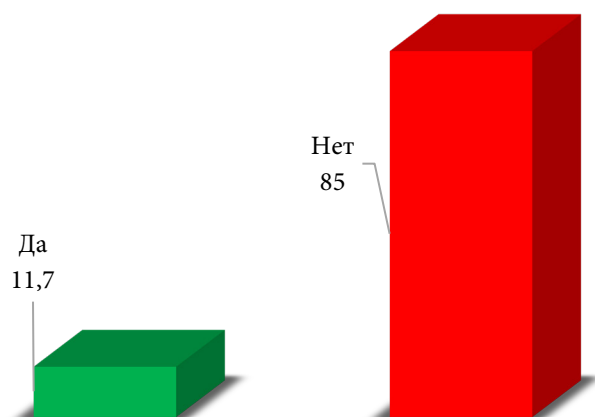

Рис. 5. Возможно, вы выполняли какую-нибудь работу в фермерском хозяйстве или на предприятии, принадлежащем кому-либо из ваших родственников за оплату?, %

Figure 5. Have you done any paid work on a farm or in a business owned by one of your relatives?, %

Как показывают данные табл. 14, во всех категориях респондентов есть люди, стремящиеся увеличивать свой доход с помощью подработок. Причём неформальная занятость в формате подработок характерна для 15,3% занятого населения и 22,2% незанятого населения. Наименьшую распространённость дополнительные заработки имеют среди наёмных сотрудников и пенсионеров, а наибольшую – среди работающих в своём ЛПХ и работающих по устным договорённостям. Можно было ожидать большего числа подрабатывающих среди безработных, так как за неимением постоянных источников такой способ является единственным для получения какого-либо дохода. Но данный факт характеризует безработных как маломобильную часть населения.

Таблица 14 (Table 14)

Доля респондентов, имеющих подработки в каждой из категорий по основному занятию, %

The share of respondents who have part-time jobs in each category by main occupation, %

Категории опрошенных по основному занятию	Доля, имеющих подработки в каждой из категорий
Работаю по найму на постоянной долговременной основе	12,0
Официально зарегистрированный бизнесмен, ИП, самозанятый	25,3
Работаю в своём ЛПХ	45,3
Не официально работаю по устным договорённостям, работаю временно, работаю сам на себя	55,3
Учусь в дневном техникуме, училище, колледже, в вузе	15,6
Нахожусь на пенсии по возрасту, инвалидности	10,5
Веду домашнее хозяйство	25,1
Временно не работаю, безработный, зарегистрирован в службе занятости	20,4
Временно не работаю, безработный, не зарегистрирован в службе занятости	19,5

Виды выполняемых работ по сравнению с 2019 годом существенно не изменились. Строительные работы, транспортные услуги и торговля были и являются наиболее востребованными сферами неофициальной деятельности у населения Республики.

Для сопоставления полученных данных с общероссийскими показателями были проанализированы результаты обследования Росстата, опубликованные в сборнике «Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2020 год»¹. В этом обследовании изучались занятые в неформальном секторе. По методологии Росстата к занятым в неформальном секторе относятся лица, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Удельный вес занятых в неформальном секторе в 2019 году составил 20,6% в общей численности занятых. По результатам исследования в Республике Тыва 2021 г. среди занятого населения этот показатель равен 15,3% (для сравнения данных мы сопоставили вопросы с похожими формулировками). Нужно учитывать, что занятое население по методологии Росстата учитывается с 15-летнего возраста, а в нашем случае с 18-летнего возраста. Заметим, что 15–17-летние находятся, как правило, на иждивении родственников, а вариантов подработок для них немного. Наблюдаемая разница между общероссийским и республиканским показателями констатирует не значительный, но всё-таки разрыв.

Республике Тыва присущ своего рода бренд «самый бедный регион Российской Федерации»². В условиях, когда в обществе имеется феномен «работающих бедных», можно предположить, что население должно развивать вторичную занятость, которая может служить ещё одним источником дополнительных доходов и улучшения материального положения семей. Но, как мы видим, этого не происходит. Воспроизводится известная тенденция рынка труда: наименее обеспеченные малоактивны в поиске источников дополнительных доходов.

Заключение

По итогам проведённых региональных исследований можно зафиксировать отличительные характеристики рынка труда в Республике Тыва. Доля имеющих постоянную работу или бизнес в общем числе опрошенных – 49%, эта величина почти идентична показателю Росстата. И это довольно низкий уровень в сравнении с другими регионами РФ. Уровень занятости в Туве по сравнению с 2019 годом практически не

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 14.09.2021).

² Численность малоимущего населения по субъектам Российской Федерации в 2020 г. Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_Ind_bedn_2013-2020.pdf (дата обращения: 14.09.2021).

изменился. В группе занятых преобладают наёмные сотрудники (88,5%), предприниматели составляют только десятую часть этой категории (10,3%). Республика Тыва по удельному весу предпринимателей в общем числе занятых в экономике располагается в группе регионов с низкой предпринимательской активностью. Наблюдается позитивная тенденция увеличения численности самозанятых (хотя она и невелика). При проведении опроса в 2019 году эта категория не была зафиксирована, а в 2021 г. самозанятые в общей выборке составили 1% опрошенных. Данный факт является результатом эффективной работы Министерства труда Республики Тыва.

Наёмные сотрудники, работники предприятий и организаций Тувы составляют 41% от общей выборки и 88,5% от занятого населения. В большинстве своём они устроены на работу по договору/контракту, то есть официально. Так было в 2019 году (86,5%), рост отмечен в 2021 году (98%). Среди занятого населения доля работников частных предприятий составляет 13%, в организациях государственной и муниципальной собственности трудится 83% граждан, имеющих работу. И эти показатели не претерпели значительных изменений по сравнению с 2019 г.

По итогам опроса 18,9% респондентов имели подработки/временную/дополнительную работу. В 2019 году дополнительная/временная занятость учитывалась в вопросе про получаемые доходы домохозяйства, в 15% опрошенных семей респонденты эти доходы указали. Так как методология проведения исследований была различной, мы можем констатировать, что доля тех, кто имеет неофициальные источники дохода, изменилась незначительно.

Во всех категориях респондентов есть люди, стремящиеся увеличивать свой доход с помощью подработок. Из всех занятых имеют подработки 15,3%, а из незанятых – 22,2%. Наименьшую распространённость дополнительные заработки имеют среди наёмных сотрудников и пенсионеров, а наибольшую – среди работающих в своём ЛПХ и работающих по устным договорённостям. Только пятая часть безработных имеет источники дохода в виде подработок, что демонстрирует низкую трудовую активность этой категории. Виды выполняемых работ в секторе неформальной занятости по сравнению с 2019 годом существенно не изменились. Строительные работы, транспортные услуги и торговля были и являются наиболее востребованными сферами деятельности у населения Республики.

Кризисные явления эпидемии COVID-19 значимо не повлияли на рынок труда: последствия её ощутили на себе 49% опрошенных. Прежде всего, она отразилась на здоровье населения: пятая часть опрошенных переболели COVID-19. Тех, кто потерял работу или вынужден был закрыть свой бизнес, в сумме не более 6%. Массовых высвобождений сотрудников организаций и масштабного сокращения численности предпринимателей за период пандемии коронавируса в Республике Тыва не произошло. Увеличение уровня зарегистрированной безработицы пре-

жде всего связано с выплатами социальных трансфертов, увеличением размера пособий по безработице и упрощением процедуры регистрации в Центрах занятости населения.

Одним из свойств рынка труда Республики Тыва является инерционность. Инерционность, которая характеризует социально-экономические процессы, подразумевает, что система реагирует на приложенные к ней управленческие воздействия с некоторой задержкой во времени. Это качество может иметь как положительные, так и отрицательные эффекты. Достоинство высокой инерционности – в сохранении устойчивости и управляемости системы, а недостаток – в низкой восприимчивости к внешним раздражителям. Результирующий вектор инерционности будет являться актуальной темой будущих исследований.

Библиографический список

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 535 с.

2. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Сушко П. Е. Региональные особенности доходной стратификации в контексте занятости и финансового поведения (на примере Республики Тыва) // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2020. С. 33–54. DOI: 10.19181/ezheg.2020.2

3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Самба А. Д.-Б. Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 167–183. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8440

4. Горина Т. И. Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва // ИНАБ. 2019. № 3. С. 18–28. DOI: 10.19181/inab.2019.3.2

5. Ерицян К. Ю., Русакова М. М., Александрова А. А., Усачёва Н. М. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250–270. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1893

6. Капелюшников Р. И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 33–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68

7. Комплексное исследование региональных рынков труда: структурные дисбалансы и поведение участников. Мониторинг заработной платы, опыт реформирования системы оплаты труда работников бюджетной сферы. Препринт. М.: РАНХиГС, 2015. 69 с.

8. Кылгыдай А. Ч. Роль традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка труда региона: новые подходы // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. №1. С. 65–70. DOI: 10.14258/erb201960

9. Лукьянова А. Л. Самозанятость, вторичная занятость и неравенство трудовых доходов в России (2000–2014 гг.) // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 1. С. 101–124. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-1-101-124

10. Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В., Зубаревич Н. В. Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 10. С. 73–88.

11. Натсак О. Д. Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 120–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.11

12. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. 71 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598 (дата обращения: 12.04.2022). DOI: 10.19181/INAB.2019.3

13. Ощепков А. Ю., Капелюшников Р. И. Региональные рынки труда: 15 лет различий [Электронный ресурс]: препринт WP3/2015/10 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2015. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 73 с. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/16/1081330247/WP3_2015_10_.pdf?ysclid=lbotva7jyt411708016 (дата обращения: 12.04.2022).

14. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Мотивы участия граждан в «теневых» процессах на современном рынке труда // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Мат. всеросс. науч. конф. с межд. участием / Науч. редактор Н. А. Матвеева; отв. редактор Т. П. Сухотерина. Барнаул: АГПУ, 2020. С. 483–486.

15. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ / Под ред. В. Е. Гимпельсона, А. А. Зудина, Р. И. Капелюшникова и др. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 145 с.

16. Самба А. Д. Изменения в социально-профессиональной структуре региона (на примере Республики Тыва) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 18–29. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.2

17. Севек В. К., Бадарчи Х. Б., Севек Р. М., Манчык-Сат Ч. С., Чульдун А. Э. Исследование сценария развития Республики Тыва в системе территории опережающего развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 6. С. 43–58.

18. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. Стр. 81–94.

19. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.

Получено редакцией: 15.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Горина Татьяна Ивановна, научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.848

EDN: SGSUEW

Regional Labour Market of the Republic of Tyva: Trends and Challenges

Tatiana I. Gorina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: tagor03@mail.ru

For citation: Gorina T. I. Regional labour market of the Republic of Tyva: trends and challenges. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 26–52. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.848; EDN: SGSUEW

Abstract. The paper discusses the main parameters of the labour market of the Republic of Tyva, that are the system-forming factors of the region's economy. The analysed data were obtained from the results of two empirical studies conducted in the Republic of Tyva (2019 and 2021) by the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS under the guidance of prof. Z. T. Golenkova, PhD. These research projects were carried out in various time phases of the functioning of the Republican labour market: the pre-crisis period (2019) and the crisis period of the COVID-19 epidemic (2021). It can be said that the 2021 study was the first record of the reaction of the regional labour market to the transformation of the economic system caused by the pandemic. The pandemic most of all affected the physical condition of the population – a fifth of the respondents had been ill with COVID-19. The study did not reveal signs of large-scale social conflicts in the labour sphere. Those who lost their jobs or liquidated their business amount to no more than 6%. Neither mass layoffs of employees nor a large-scale reduction in the number of entrepreneurs took place in the region during the period of the coronavirus pandemic. At the same time, the level of registered unemployment increased in 2021 compared to 2019 by almost 10%. One of the main reasons for the growth of this indicator, as the authors believe, is the significantly increased volume of social transfers for officially registered unemployed during this period. The article also provides quantitative indicators of the labour market and compares the key indicators of the labour market model in dynamics – the level of economic activity, employment and unemployment (official and unregistered). Particular attention is paid to assessing the prevalence of various types of informal employment. It is shown that the entrepreneurial initiative of the population is a kind of guarantor of the desired level of material income, orientation towards anti-paternalistic attitudes. The authors also made an attempt to calculate the total pool of the most active labour market actors and their adaptation strategies. The authors come to the conclusion that the market model has demonstrated sustainability and stability in response to the external impacts of the crisis.

Keywords: sociology, labour market, employment, unemployment, entrepreneurs, self-employment, income

References

1. In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market. Ed. V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikova. Moscow, VSHE, 2014: 535 (in Russ.).

2. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V., Sushko P. E. Regional features of income stratification in the context of employment and financial behavior (on the example of the Republic of Tyva). *Rossiia reformiruyushhayasya: ezhegodnik* [Russia reforming: yearbook]. Issue 18 (ed. by M. K. Gorshkov). Moscow, Noviy Hronograf, 2020: 33–54 (in Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2020.2
3. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V., Samba A. D.-B. Transformation of the regional socio-professional space (on the example of the Republic of Tyva). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9: 3: 167–183 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8440
4. Gorina T. I. Methodological foundations of the study of the problems of poverty in the Republic of Tyva. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*, 2019: 3: 18–28 (in Russ.). DOI: 10.19181/inab.2019.3.2
5. Yeritsyan K. Yu., Rusakova M. M., Alexandrova A. A., Usacheva N. M. Survive lockdown: changes in employment and psychological well-being of the population in the era of the pandemic. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'ny'e peremeny*, 2021: 3: 250–270 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1893.
6. Kapelyushnikov R. I. Anatomy of the coronacrisis through the prism of the labor market. *Voprosy ekonomiki*, 2022: 2: 33–68 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68
7. Kompleksnoe issledovanie regional'nykh rynkov truda: strukturnye disbalansy i povedenie uchastnikov [Comprehensive study of regional labor markets: structural imbalances and behavior of participants]. *Monitoring zarabotnoj platy, opyt reformirovaniya sistemy oplaty truda rabotnikov byudzhethnoj sfery* [Wage monitoring, experience in reforming the wage system of public sector employees]. Preprint. Moscow, RANEPА, 2015: 69 (in Russ.).
8. Kylgydai A. Ch. The role of traditional employment of Tuvinians in solving problems of the labor market of the region: new approaches *Ekonomika. Professiya. Biznes*, 2020: 1: 65–70 (in Russ.). DOI: 10.14258/epb201960
9. Lukyanova A. L. Self-employment, secondary employment and inequality of labor income in Russia (2000-2014). *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2022: 23: 1: 101–124 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2022-1-101-124
10. Makarentseva A. O. Mkrtchyan N. V. Zubarevich N. V. Demographic situation and social-economic development of Russian regions in the first half of 2020. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2020: 27: 10: 73–88 (in Russ.).
11. Natsak O. D. Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tyva: trends and prospects. *Narodonaselenie*, 2021: 24: 2: 120–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.11
12. Features of social stratification in the Republic of Tyva. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*, 2019: 3: 71 (in Russ.). Accessed 12.04.2022. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598. DOI: 10.19181/INAB.2019.3
13. Oshchepkov A. Yu., Kapelyushnikov R. I. Regionalny'e rynki truda: 15 let razlichij [Regional labor markets: 15 years of differences]. Electronic resource: WP3 preprint/2015/10 / National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, VSHE, 2015: (WP3 series “Labor Market Problems”): 73 (in Russ.). Accessed 12.04.2022. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/16/1081330247/WP3_2015_10_.pdf?ysclid=lbotva7jyt411708016
14. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Motives of citizens' participation in “shadow” processes in the modern labor market // *Fundamental'nye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh projektov RFFI. Mat. vseross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem* [Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of RFBR research projects. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Ed. by N. A. Matveeva, T. P. Sukhoterin. Barnaul, AGPU, 2020: 483–486 (in Russ.).
15. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes. Ed. by V. E. Gimpelson, A. A. Zudina, R. I. Kapelyushnikova. Moscow, TSSR, 2017: 145 (in Russ.).
16. Samba A. D. Changes in the socio-professional structure of the region (by example Republic of Tyva). *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, 2020: 8: 18–29 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2020.8.2
17. Sevek V. K., Badarchi H. B., Sevek R. M., Manchyk-Sat C. S., Chuldum A. E. Study of the development scenario of the Republic of Tyva in the system of the territory of advanced development. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2016: 6: 43–58 (in Russ.).

18. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Labor values of independent and organizational employment. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 1: 81–94 (in Russ.).

19. Florinskaya Yu. F., Mkrtychyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. Migratsiya i rynek truda [Migration and the labor market]. Moscow, “Delo” RANEPА, 2015: 108 (in Russ.).

The article was submitted on: August 15, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Gorina, Researcher, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.849

EDN: PDJRSX

О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва

Ссылка для цитирования: Орехова И. М. О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 53–67. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.849; EDN: PDJRSX

For citation: Orekhova I. M. On the demand for professions in the regional labour market: the example of the Republic of Tyva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 53–67. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.849; EDN: PDJRSX

Орехова Инесса Михайловна ¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

22376369@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 589811

Аннотация. Представленная статья основана на материалах социологических исследований, проведённых в Республике Тыва в 2019 и 2021 гг. В статье проанализировано положение в профессиональном сегменте рынка труда указанного региона РФ, в частности проблема профессиональной востребованности и невостребованности. Дисбаланс спроса и предложения на рынке труда рассматривается с точки зрения взаимодействия профессиональных учебных заведений и работодателей в области образовательных программ. Автор полагает, что российская система профессионального образования в целом инертна и неповоротлива, поэтому решать проблему взаимодействия системы образования и работодателей легче в отдельном регионе. Как пример приводится совместная работа Министерств образования и труда Республики Тыва. Они объединили усилия, пытаются постепенно изменить систему подготовки специалистов различного уровня и профиля, для чего запущено несколько проектов. Однако и здесь несогласованность действий разработчиков проектов обрекла это полезное и нужное начинание на неудачу. Именно несогласованность действий различных ведомств, по мнению автора, не позволяет своевременно реагировать на экономические изменения, в том числе трансформации профессионального сегмента рынка труда. Нерешённая проблема приводит к неэффективному и нерациональному использованию накопленного человеческого капитала и ко многим проблемам в социально-экономической сфере, в частности к высокому уровню безработицы и к бедности значительной

доли населения. Автор далее рассматривает изменения профессиональной востребованности в регионе на фоне сложной экономической ситуации в стране. В профессиональном сегменте на рынке труда в России в настоящее время существует огромная востребованность IT-специалистов. Эксперты считают, что это связано, главным образом, с оттоком этих профессионалов из страны. В итоге автор приходит к выводу, что в настоящее время в профессиональном сегменте рынка труда и занятости Тувы сложилась достаточно неблагоприятная ситуация как для работников, так и для работодателей. Первые не могут найти работу в соответствии с полученной специальностью, вторые – полностью удовлетворить свои кадровые потребности.

Ключевые слова: профессия, рынок труда, профессиональная структура, цифровые технологии, занятость, регион. профессиональная группа

Проблема рационального использования имеющегося человеческого капитала носит общемировой характер. Россия и её регионы в этом плане не являются исключением. Республика Тыва обладает значительными накопленными профессиональными ресурсами: а именно, занятым населением с высоким уровнем профессионального образования и квалификации. Проведённые в 2019 и 2021 годах в регионе исследования выявили, что большинство занятого населения Тувы – 82,6% – имеет профессиональное образование (46,7% имеют высшее образование и 35,9% – среднее специальное). В то же время на рынке труда республики этот ресурс имеет низкую степень эффективности использования. Одной из причин такого положения вещей является невостребованность на рынке труда профессий, полученных респондентами в процессе обучения, то есть определённый дисбаланс спроса и предложения в этом сегменте рынка [1, 2].

Положения в профессиональном сегменте рынка труда и занятости региона

Методика исследования 2021 года позволила определить специальность респондентов: список включил 150 наименований профессий. В целях упрощения анализа специальности респондентов были сгруппированы в 15 профессиональных групп, которые представлены в таблице 1.

Сравнение данных о профессиональной принадлежности респондентов, полученных в исследованиях 2019 и 2021 гг., позволило сделать вывод о том, что профессиональная структура региона за этот период и в количественном, и в качественном отношении не претерпела больших изменений. Как показали исследования, рынок труда и занятости в Туве отличается стабильностью, если не сказать инертностью (по крайней мере, на протяжении последних 5 лет, о которых были получены данные). Примером может служить потребность в специалистах цифровых технологий (IT). В республике сотни предприятий

и организаций в различных отраслях экономики, которые в настоящее время трудно представить, самое малое, без компьютеров или собственных сайтов в интернете. Для их обслуживания необходимы специалисты – системные администраторы, программисты и т. п., то есть профессионалы, которые занимаются IT-инфраструктурой компании. Однако в профессиональной структуре Тувы, по данным наших исследований, специалисты этого профиля составляют десятые доли процента.

Таблица 1 (Table 1)

Профессиональная структура респондентов, %
Professional structure of respondents, %

Профессиональная принадлежность	Количество респондентов
Педагогика, психология	13,5
Экономика, финансы	9,9
Медицина	8,5
Транспорт и связь	7,4
Рабочие специальности	7,3
Юриспруденция	6,4
Строительство	6,3
Технические специальности	5,2
Сфера обслуживания	4,8
Сельское и лесное хозяйство	3,7
Торговля	3,0
Военные специальности	2,6
Наука и творчество	2,0
Государственное и муниципальное управление	1,5
Компьютерные технологии	0,3
Невозможно определить профессиональную принадлежность	7,6

Вообще огромная востребованность IT-специалистов – главный «тренд» в профессиональном сегменте на российском рынке труда в настоящее время. Эксперты считают, что это связано, главным образом, с оттоком этих профессионалов из страны.

В этой ситуации было бы логичным увеличить объём подготовки специалистов по IT-профессиям. Тем более, что язык программирования можно освоить за 4–6 месяцев¹.

К сожалению, система профессионального образования в нашей стране инертна и неповоротлива. В частности, нет налаженной связи по части формирования образовательных программ между учебными заведениями и работодателями. Отсюда – проблемы дисбаланса спроса и пред-

¹ Штурма Я. «Халява закончилась»: какие профессии будут востребованы на фоне санкций. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/03/16/14635807.shtml> (дата обращения: 22.04.2021).

ложения на рынке труда. Более того, постоянно появляющиеся новые технологии предъявляют и новые требования к уже известным специальностям, то есть список профессиональных навыков постоянно меняется. Дисбаланс ещё более увеличивается, поскольку у работодателей возникают претензии уже к уровню квалификации нужных им специалистов. По данным опроса HeadHunter, 93% работодателей заявили, что уровень квалификации принятых ими на работу выпускников высших профессиональных учебных заведений 2021 года – средний или ниже среднего¹.

По нашему мнению, решать проблему взаимодействия системы образования и работодателей легче в отдельном регионе, чем в стране в целом. В Тыве Министерство образования и Министерство труда объединили усилия, пытаясь постепенно изменить систему подготовки специалистов различного уровня и профиля. В этих целях было запущено несколько проектов. Один из них предполагает постепенно сворачивать обучение маловостребованным специальностям и открывать обучение новым – востребованным на рынке труда. Это предполагает и перепрофилирование, что должно дать невостребованным в регионе специалистам возможность переобучения. Для этого будет постепенно проходить профессиональная переориентация ряда училищ и техникумов, которые вскоре могут получить статус колледжей². В колледжах, в отличие от техникумов, ведётся обучение по программам не только базового, но и углубленного уровня. Обычно колледжи – это структурные подразделения вузов.

С теоретической стороны проект логичен и обоснован. К сожалению, его практическое осуществление оставляет желать лучшего.

Во-первых, отсутствует действенная взаимосвязь между двумя разработчиками проекта – Министерством труда и Министерством образования республики. Например, перечень востребованных и невостребованных на региональном рынке труда специальностей министерства готовили независимо друг от друга. Поэтому их мнения о профессиональных потребностях регионального рынка труда имеют значительные, если не сказать принципиальные, различия. Например, Министерство труда в своём перечне необходимых и дефицитных специальностей среди прочих отмечает IT-профессии (связанные с компьютерным делом и программированием); профессии сферы обслуживания, такие как повар и парикмахер. В то же время на сайте Правительства Республики сообщается о том, что в Тыве намерены свернуть подготовку наименее перспективных и не нужных для региона профессий. В перечень этих профессий, который, как утверждается на сайте, появился в результате тщательного анализа трудоустройства выпускников профессиональных учебных заведений, проведенного Министерством образования, попали

¹ Работодатели назвали самых невостребованных молодых специалистов. URL: <https://iz.ru/1218177/2021-09-07/rabotodateli-nazvali-samykh-nevostrebovannykh-molodykh-spetcialistov> (дата обращения: 22.04.2021).

² О нужных и ненужных профессиях в Тыве. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/1492-prof.html> (дата обращения: 22.04.2021).

специалист-компьютерщик, повар, парикмахер, то есть те специальности, которые в перечне Министерства труда были названы одними из самых востребованных в регионе.

Во-вторых, как было отмечено выше, в Республике предполагается перепрофилирование ряда профессиональных учебных заведений из училищ и техникумов в колледжи. На фоне развития реального сектора экономики Тувы такая «перестройка» профессионального образования выглядит нецелесообразной. В течение ближайшего десятилетия в регионе предполагается ввести в эксплуатацию железную дорогу Курагино–Кызыл до 8 горнорудных месторождений. Для осуществления этих планов в регионе нужно подготовить значительное число работников как рабочих, так и технических, инженерных специальностей. То есть система профессионального образования в Туве должна работать на реальную перспективу. В Министерстве образования региона считают, что ставку нужно делать на переориентацию и подготовку кадров в техникумах и профессионально-технических училищах Тувы. Это правильное решение. Поскольку техникумы и ПТУ готовят кадры технической и инженерной направленности **различного уровня квалификации**. Колледж даёт среднее специальное профессиональное образование **высокой квалификации**, требующее в большей степени теоретических знаний, а не практических навыков.

В-третьих, все предлагаемые в проектах и планах действия предполагается предпринимать «поэтапно», что в регионе равносильно понятию «неспешно». Тогда как на благоприятные, пусть и только намечающиеся, ситуации для трудоустройства жителей региона необходимо реагировать оперативно и как можно более эффективно. Например, строительство железной дороги Курагино–Кызыл может создать 10 тысяч рабочих мест. Это строительство предполагают начать в 2026 году. Времени, стало быть, осталось как раз столько, чтобы подготовить квалифицированные кадры внутри региона, а не ввозить специалистов из соседних.

В настоящее время в профессиональном сегменте рынка труда и занятости республики сложилась достаточно неблагоприятная ситуация как для работников, так и для работодателей. Первые не могут найти работу в соответствии с полученной специальностью, вторые – полностью удовлетворить свои кадровые потребности.

Данные таблицы 2 расширяют и дополняют сведения о занятости респондентов различных профессиональных групп и позволяют определить разницу внутри этих групп между количеством респондентов, имеющих постоянную работу и не имеющих таковую.

В таблице показана корреляция между полученной профессией и занятостью респондентов. Наибольшая разница как с положительным, так и с отрицательным балансом отмечена внутри малочисленных профессиональных групп в составе занятого населения. В профессиональной группе «государственное и муниципальное управление» положительная разница составляет 10 раз. Обратим особое внимание на эту группу. В исследовании 2019 года она была одной из самых больших по числен-

ности среди профессиональных групп работающих респондентов – 13,3%. Данные исследования 2021 года не позволяют сделать вывод о значительном количественном уменьшении этой профессиональной группы из-за различных формулировок вопросов. Например, в исследовании 2019 г. профессии респондентов определялись на основании полученного ими профессионального образования, а их непосредственное занятие – на основании конкретного места работы. Однако вывод о том, что на протяжении нескольких последних лет эта группа является одной из самых профессионально востребованных, не вызывает сомнения.

Таблица 2 (Table 2)

**Распределение респондентов по занятости
в зависимости от полученной ими специальности
в процессе профессионального обучения, %**

*Distribution of respondents by employment, depending on the specialty they received
in the process of vocational training, %*

Профессиональная принадлежность	Есть ли постоянная работа		Разница занятости, раз
	да	нет	
Педагогика, психология	18,9	8,0	+2,4
Экономика, финансы	11,7	8,2	+1,4
Медицина	10,2	7,0	+1,5
Юриспруденция	8,1	4,9	+1,7
Техническая специализация	6,1	4,4	+1,4
Рабочие профессии	5,9	9,1	-1,5
Транспорт и связь	5,6	9,0	-1,6
Строительство	4,4	9,0	-2,0
Торговля	3,9	2,2	+1,8
Военная специализация	3,0	2,0	+1,5
Сфера обслуживания	2,7	6,1	-2,3
Наука и творчество	2,5	1,1	+2,3
Сельское и лесное хозяйство	2,2	4,3	-2,0
Государственное и муниципальное управление	2,0	0,2	+10,0
Компьютерные технологии	0,1	0,3	-3,0

Проблемы занятости специалистов цифровых технологий были упомянуты выше. Остальные профессиональные группы с отрицательной разницей занятости расположились следующим образом (по мере убывания разницы):

- сфера обслуживания – 2,3;
- сельское и лесное хозяйство – 2,0;
- строительство – 2,0;
- транспорт и связь – 1,6;
- рабочие профессии – 1,5.

Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что общероссийские и глобальные факторы экономического развития оказывают определённое влияние на социально-экономическое состояние региона. Например, отрицательную разницу занятости в сферах обслуживания, транспорта и связи, строительства можно объяснить пандемией коронавируса. Эти отрасли экономики входят в список наиболее пострадавших отраслей, принятый Правительством РФ.

Отрицательная разница занятости в группе рабочих профессий свидетельствует о том, что в Тыве меняется выявленная исследованием 2019 г. тенденция преобладания и роста на региональном рынке труда спроса на малоквалифицированный труд. Это, пожалуй, единственное заметное изменение в структуре профессиональной занятости Тувы с 2019 г.

О востребованности или невостребованности приобретённой респондентами специальности говорит степень сложности поисков работы, которая ей соответствует. Мнения респондентов об этом представлены в таблице 3.

Таблица 3 (Table 3)

Мнения респондентов о степени сложности поисков работы, соответствующей полученной специальности, в месте их проживания, %
Opinions of respondents on the degree of difficulty in finding a job corresponding to the specialty they have received in their place of residence, %

Степень трудности	Количество респондентов
Легко (скорее легко)	7,8
Трудно (скорее трудно)	70,2
Нет работы для моей специальности	2,5
Нет никакой работы	4,1
Нет профессии	9,4

Судя по данным таблицы, степень трудности поисков работы по полученной специальности очень высока – 70,2% респондентов, устраиваясь на работу, прилагают максимум усилий. А 6,6% респондентов никакие усилия не способны помочь трудоустроиться, поскольку в месте их проживания нет или вообще никакой работы, или же работы по их специальности. Однако, по нашему мнению, прежде чем делать окончательный вывод о трудности поисков работы, необходимо прояснить некоторые вопросы.

Во-первых, можно ли данные таблицы 3 и выводы, сделанные на их основании, экстраполировать на всю республику, поскольку формулировка вопроса касается непосредственно места проживания респондента: «Легко ли найти работу в Вашем городе/селе людям Вашей профессии?»

Во-вторых, насколько выявленная проблема поиска работы по специальности в принципе важна для респондентов? Например, отвечая на вопрос 1 анкеты исследования – «Какие проблемы Вашего города/посёлка Вы считаете самыми важными для Вас?», – проблему невозмож-

ности найти здесь подходящую работу отметили менее четверти респондентов (23,1%). Эта цифра в 3 раза меньше количества респондентов, считающих поиски работы трудными.

В таблице 4 представлены профессии, обладателям которых легче найти работу в регионе в целом.

Таблица 4 (Table 4)

Профессии с наибольшим потенциалом поиска работы, %

Professions with the highest job search potential, %

Профессия	Степень трудности поиска работы	
	легко	трудно
Педагогика (преподаватель, воспитатель)	39,4	28,9
Медицина (врач, медсестра)	24,2	7,2
Водитель	13,5	13,8
Юрист	12,8	16,2
Продавец	9,9	4,4

Анализ данных, приведённых в таблице, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, четыре профессии, указанные в ней, – водитель, продавец, педагог, медик – одни из самых массовых. Именно в такой последовательности они входят в десятку самых массовых профессий в России¹.

Во-вторых, массовая профессия – не значит самая востребованная. Профессии с наибольшим потенциалом поиска работы одновременно являются и лидерами по степени трудности этих поисков. Скорее всего, подобный феномен можно объяснить именно массовостью этих профессий и, как следствие, переизбытком на рынке труда соответствующих кадров.

Место жительства респондентов практически не влияет на распределение их ответов на вопрос о степени трудности поисков работы. Как и такая демографическая характеристика, как пол. Что касается возраста, здесь на общем фоне выделяется группа респондентов 18–24 лет. Общая тенденция в этой группе такая же, как и во всех остальных возрастных группах респондентов: большинство считают поиски работы по своей профессии трудными. Но именно из-за возраста в этой группе более трети респондентов (35,5%) ещё не имеет профессии и, следовательно, опыта поисков работы.

IT-профессии на рынке труда региона

Как уже было отмечено выше, в настоящее время одна из самых востребованных профессий на рынке труда в России – IT-специалисты различного профиля. В то же время, по данным исследований 2019 и 2021 годов, в Республике Тыва специалистов цифро-

¹ Топ 10-ти самых массовых профессий в РФ. URL: <https://burckina-new.livejournal.com/893224.html> (дата обращения: 22.04.2022).

вых технологий в регионе можно едва ли не пересчитать по пальцам. Используя создавшееся положение на рынке труда, в регионе с минимальными материальными и временными затратами можно организовать систему переподготовки специалистов по IT-профессиям. В Тыве есть достаточная образовательная база, трудоспособное население в регионе (занятые и безработные) обладает достаточно высоким уровнем образования. Кроме того, IT-специалисты, как никакие другие, имеют возможность работы онлайн в любом регионе страны.

Методика исследования 2021 года предполагала изучение компьютерной грамотности населения республики. Анализ полученных данных привёл к выводу о высокой степени охвата населения республики компьютерными технологиями.

По данным исследования 2021 года, количество пользователей интернета в Тыве составляет 78,3%. Эта цифра практически равна такому же показателю по России в целом – 81,0%¹. По данным исследования 2021 года, в Тыве 78,3% респондентов имеют гаджеты, подключённые к интернету. Поэтому, говоря о том, что эти респонденты являются пользователями интернета, мы используем определённое допущение. 19,7% респондентов не имеют такого рода гаджетов. И в этом случае нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью, что все они не пользуются интернетом. Кто-то из них может использовать интернет на работе или пользоваться компьютером родственников, друзей, знакомых и т. д. Поэтому, по нашему мнению, цифра 78,3% пользователей интернета отражает реальную ситуацию.

Круг интересов пользователей интернета в регионе также мало отличается от общероссийского. Данные представлены в таблице 5 (респонденты могли отметить несколько вариантов).

Как видим, большинство респондентов (62,6%) используют интернет для общения в социальных сетях. Второе место занимает получение различной информации – для этого пользуются интернетом более половины опрошенных. Популярностью пользуются также развлекательные сайты. Нужно отметить, что результаты, полученные в исследовании, почти полностью совпадают с аналогичными результатами опроса Росстата. Задачей опроса было выявить, с какой целью россияне чаще всего пользуются интернетом. Опрос показал следующее: 62% опрошенных россиян используют интернет для общения в социальных сетях; половина опрошенных пользуется сетью для чтения статей и новостей, то есть для получения информации; фильмы, игры и музыку в интернете скачивают 36% участников опроса². На основании этих данных можно сделать вывод, что большинство пользователей интернета относятся к дилетантам, то есть людям, занимающимся какой-либо деятельностью без профессиональных знаний и подготовки. Причём такое положение вещей характерно не только для Тывы, но и для России в целом.

¹ Статистика пользователей интернета в России. URL: <https://rusind.ru/polzovateli-interneta-v-rossii.html> (дата обращения: 05.11.2022).

² Росстат рассказал, для каких целей россияне пользуются интернетом. URL: <https://ria.ru/20190505/1553266648.html> (дата обращения: 22.04.2021).

Таблица 5 (Table 5)

Интересы респондентов при использовании интернета, %
Interests of respondents when using the Internet, %

Занятия	Количество респондентов
Общение	
Общаюсь в социальных сетях/мессенджерах	62,6
Пользуюсь электронной почтой	29,1
Получение информации	
Узнаю информацию о республике, городе, селе	51,9
Читаю новости, смотрю беседы, интервью	47,9
Ищу информацию для учебы/работы	30,4
Ищу информацию для саморазвития, дополнительного обучения	21,3
Узнаю, как провести время/организовать досуг	5,5
Развлечения	
Смотрю развлекательные, спортивные передачи, кино	25,8
Слушаю и скачиваю музыку	21,4
Смотрю/слушаю/читаю блогеров	15,4
Играю в онлайн-игры	9,3
Работа	
Работаю	15,2
Пытаюсь заработать деньги	7,3
Поиски, покупки	
Захожу, чтобы что-то купить, заказать	17,8
Ищу работу	14,2

Уровнем выше находятся пользующиеся интернетом для поиска работы. В Тыве таких пользователей 14,2%, в России в целом, по данным Росстата, – около 30%. Для такого поиска уже нужно иметь определённые знания и умения. Например, умение составить грамотное резюме и правильно разместить его на сайте. Наше исследование показало, что размещали резюме на сайтах поиска работы 25,2% респондентов, а не размещали 72%. Обращает на себя внимание расхождение почти в два раза в количестве использующих интернет для поиска работы (14,2%) и разместивших для этого резюме (25,2%). Здесь сыграл роль временной фактор. Формулировка вопроса о резюме – «Было ли когда-нибудь на сайтах поиска работы размещено Ваше резюме?» – не ограничивала респондентов временными рамками. Тогда как вопрос о занятиях в интернете относится к настоящему времени.

Причины того, что респонденты никогда не размещали свои резюме в интернете, следующие:

- не искал работу – 25,4%;
- не искал работу таким способом – 50,3%;
- не умею – 13,2%.

Последняя цифра служит подтверждением вывода о том, что поиск работы в интернете требует определённых знаний и умений.

На ещё более высоком уровне находятся респонденты, работающие в интернете, – таких в исследовании 15,2%. С большой долей вероятности можно предположить, что данные респонденты на момент проведения исследования делали это вынужденно в силу внешних обстоятельств, то есть работали удалённо из-за пандемии коронавируса. По результатам опроса, который провёл сервис «Работа.ру», в России в период пандемии работали удалённо через интернет 14% занятых¹. И это число постоянно сокращается с постепенной отменой ограничительных мер. Между тем первоначально вынужденная удалённая работа через интернет становится более популярной. В Министерстве труда России считают, что удалённая работа будет востребована даже после снятия всех ограничений, введённых в связи с пандемией коронавируса. Совмещение занятости в офисе и на дому будет обычным, а соотношение этих двух форматов занятости – оптимальным. В Тыве на вопрос – «Могли бы Вы работать удалённо?» – респонденты ответили следующим образом:

- да – 33,5%;
- скорее, да – 20,1%;
- скорее, нет – 13,9%;
- нет – 24,9%.

В целом по стране по данным опроса сервиса «Работа.ру» больше всего дистанционных работников в сфере IT-технологий – 16%. По 13% опрошенных работают удалённо в сфере образования и торговли. Каждый десятый «удалённый» работник занимается маркетингом, рекламой и PR. В Тыве, по данным нашего исследования, перспективы удалённой работы достаточно высоки – скорее всего согласились бы работать удалённо более половины респондентов (53,6%). Больше всего респондентов, согласных работать удалённо в сфере образования (30,0%), финансов (20,8%) и права (18,7%). В области IT-технологий доля таких респондентов составляет 3,2% от общего количества имеющих профессию. Однако внутри самой профессиональной группы IT-специалистов могли бы работать удалённо практически все сто процентов респондентов. Профессиональная структура согласных работать удалённо позволяет сделать, по крайней мере, два обоснованных вывода. Во-первых, наибольшее количество респондентов, считающих возможным для себя работать удалённо, имеют профессию, которая позволяет им работать из дома. Во-вторых, работать удалённо они могли бы именно по уже имеющейся у них специальности.

¹ Названа доля работающих на удалёнке россиян. URL: <https://lenta.ru/news/2021/01/27/udalennrab/> (дата обращения: 22.04.2022).

Наконец, ещё одну группу пользователей с определённой долей приближения можно было бы назвать профессионалами. В эту группу входят 7,3% респондентов, которые отметили, что пытаются заработать деньги через интернет. Инструментарий исследования не позволяет детально определить, какие действия в интернете предполагает позиция «зарабатывать деньги через интернет». Можно предположить, что это и фриланс, и разного рода финансовые операции онлайн, возможно даже майнинг и действия с криптовалютами и т. п. Эта группа среди респондентов слишком малочисленна, чтобы можно было делать какие-либо обобщения по её поводу. Но можно сказать, что эта группа пользователей вписывается в современную тенденцию на рынке труда, связанную с цифровизацией экономики и появлением множества новых форм и видов занятости [3].

Достаточно большое количество респондентов считают эффективным поиск работы через интернет, в том числе поиск на специальных сайтах – 26,2% и поиск в социальных сетях – 17,8%.

Приведённые выше данные позволяют говорить о том, что население Тувы обладает относительно высоким уровнем компьютерной грамотности, который в республике используется пока что малоэффективно, особенно в нынешней ситуации в профессиональном сегменте рынка труда в стране.

Заключение

Профессиональная структура в исследуемом регионе за период наблюдения и в количественном, и в качественном отношении не претерпела больших изменений. Как показали исследования, рынок труда и занятости в Туве, в том числе его профессиональный сегмент, отличается определённой инертностью (по крайней мере, на протяжении последних пяти лет, о которых были получены данные). На протяжении последних лет профессиональная группа «государственное и муниципальное управление» является одной из самых востребованных на рынке труда Тувы. А самой малочисленной профессиональной группой на рынке труда Тувы вопреки общим тенденциям является группа IT-специалистов.

В результате дисбаланса в системе «спрос – предложение» в профессиональном сегменте рынка труда в структуре занятого населения республики образовались профессиональные группы с отрицательной разницей занятости. То есть такие группы, в которых преобладают респонденты, не сумевшие найти работу по специальности. Это работники сферы обслуживания, сельского и лесного хозяйства, строительства, транспорта и связи, также имеющие рабочие профессии. Отрицательную разницу занятости в сфере обслуживания, строительства, а также транспорта и связи можно объяснить пандемией коронавируса. Эти отрасли экономики входят в список наиболее пострадавших отраслей, принятый Правительством РФ. Остальные профессиональные группы с отрица-

тельной разницей занятости, как мы полагаем, – целиком и полностью результат ошибок в социально-экономической политике региональных органов власти.

Конечно, система профессионального образования в стране в целом – инертна и неповоротлива. В частности, нет налаженной связи между профессиональными учебными заведениями и работодателями в области формирования образовательных программ. Дисбаланс спроса и предложения на рынке труда – во многом производная этой застарелой проблемы. В этом сходятся многие эксперты [4, 5]. По их мнению, решать проблему взаимодействия системы образования и работодателей легче в отдельном регионе, чем в стране в целом. В Туве Министерство образования и Министерство труда объединили усилия, пытаясь постепенно изменить систему подготовки специалистов различного уровня и профиля. В этих целях было запущено несколько проектов. Однако и здесь сработала достаточно распространённая в сфере государственного управления России проблема – несогласованность действий различных ведомств, в данном случае – разработчиков проектов. Именно несогласованность действий не позволяет своевременно реагировать на экономические изменения, например на изменения в профессиональном сегменте рынка труда.

Республика Тыва обладает значительным человеческим капиталом. В данной статье рассмотрен лишь один его элемент, связанный с высоким уровнем профессионального образования занятого населения республики. К сожалению, неэффективное и нерациональное его использование приводит ко многим проблемам в социально-экономической сфере, в частности к высокому уровню безработицы и к бедности значительной части граждан.

Библиографический список

1. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с. DOI: 10.31857/S013216250013770-0
2. Самба А. Д. Изменения в социально-профессиональной структуре региона (на примере Республики Тыва) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 18–29. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.2
3. Аранжин В. В. Глобальные тренды и тенденции в области занятости // Экономика труда. 2019. Том 6. № 4. С. 1354–1371. DOI: 10.18334/et.6.4.41195
4. Вадова Л. Ю. Система взаимодействия вуза и работодателей в подготовке будущих специалистов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5 (Часть 2). С. 311–315.

5. Сухаева А. Р., Иванова С. В. Проблемы качества профессиональной подготовки специалиста // Современные наукоёмкие технологии. 2010. № 7. С. 283–285.

Получено редакцией: 15.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Орехова Инесса Михайловна, старший научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.849

EDN: PDJRSX

On the Demand for Professions in the Regional Labour Market: The Example of the Republic of Tyva

Inessa M. Orekhova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 22376369@mail.ru

For citation: Orekhova I. M. On the demand for professions in the regional labour market: the example of the Republic of Tyva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 53–67. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.849; EDN: PDJRSX

Abstract. The presented article is based on the materials of sociological studies conducted in the Republic of Tyva in 2019 and 2021. The article analyses the situation in the professional segment of the labour market of the specified region of the Russian Federation, in particular, the problem of professional demand and lack of demand. The imbalance of demand and supply in the labour market is considered from the point of view of interaction between professional educational institutions and employers in the field of educational programmes. The author believes that the Russian system of vocational education as a whole is inert and clumsy, therefore it is easier to solve the problem of interaction between the education system and employers in a particular region. As an example, the joint work of the Ministries of Education and Labour of the Republic of Tyva is given. They joined forces with the objective to gradually change the system of training specialists of various levels and profiles, for which several projects had been launched. However, here, too, the inconsistency of the actions of the project developers doomed this useful and necessary undertaking to failure. It is the inconsistency of the actions of various departments, according to the author, that does not allow a timely response to economic changes, including the transformation of the professional segment of the labour market. The unresolved problem leads to inefficient and irrational use of accumulated human capital and to many problems in the socio-economic sphere, in particular, to a high level of unemployment and poverty of a significant proportion of the population. The author further examines the changes in professional demand in the region against the background of the difficult economic situation in the country.

In the professional segment of the labour market in Russia, there is currently a huge demand for IT specialists. Experts believe that this is mainly due to the outflow of these professionals from the country. As a result, the author comes to the conclusion that at present, in the professional segment of the labour market and employment in Tyva, there is a rather unfavourable situation for both workers and employers. The former cannot find a job in accordance with their specialty, the latter cannot fully satisfy their staffing needs.

Keywords: profession, labour market, professional structure; digital technologies, employment, region, professional group

References

1. Socio-stratification processes in the Republic of Tyva / Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Kyzyl, FNISTC RAS, 2020: 128. DOI: 10.31857/S013216250013770-0

2. Samba A. D. Changes in the socio-professional structure of the region (on the example of the Republic of Tyva). *Theory and practice of social development*, 2020: 8: 18–29. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.2

3. Aranjin V. V. Global trends and trends in employment. *Labor economics*, 2019: 6: 4: 1354–1371. DOI: 10.18334/et.6.4.41195
4. Vadova L. Yu. The system of interaction between the university and employers in the training of future specialists. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016: 5 (part 2): 311–315.
5. Sukhaeva A. R., Ivanova S. V. Problems of the quality of professional training of a specialist. *Modern high-tech technologies*, 2010: 7: 283–285.

The article was submitted on: August 15, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Inessa M. Orekhova, Senior Researcher at the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.850

EDN: PCUGXZ

Женское предпринимательство в Республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности

Ссылка для цитирования: Натсак О. Д. Женское предпринимательство в Республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 68–93. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.850; EDN: PCUGXZ

For citation: Natsak O. D. Women's Entrepreneurship in the Republic of Tuva: Motives, Barriers and Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 68–93. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.850; EDN: PCUGXZ

Натсак Органа Доржуевна¹

¹Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия

nod695596@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 1079250

Аннотация. В представленной статье проанализированы гендерные особенности экономической и предпринимательской активности населения специфического региона РФ – Республики Тыва.

Трансформация структуры региональной экономики и рынка труда в постсоветский период заключалась в существенном сокращении первичного и вторичного секторов из-за разрушения аграрного и индустриального комплексов Тувы, в которых преимущественно были заняты мужчины. В период социально-экономического кризиса 1990-х гг. сохраняются избыточно феминизированные отрасли третичного сектора, как образование, здравоохранение, социальная помощь. Кроме того, более высокий уровень образования женщин в республике по сравнению с мужчинами повышал их адаптационные возможности в условиях кризиса. По этим причинам в Тыве с 1990-х гг. началась устойчивая и длительная тенденция, при которой женщины демонстрируют большую экономическую активность по сравнению с мужчинами, что не совпадает с российскими и мировыми трендами. Гендерный разрыв в пользу женщин в сфере занятости был обусловлен также общими модернизационными процессами в тувинском обществе в XX в., результатом которых стало возникновение нового гендерного порядка и нового типа семьи с двойным доходом и двумя кормильцами. Анализ экономической активности женщин в целом и предпринимательской деятельности на современном этапе показал, что в формировании социальной группы предпри-

нимателей и собственников малого и среднего бизнеса женщины играют ключевую роль. Региональной особенностью является то, что предприниматели как социальная группа пока малочисленны в социальной структуре тувинского общества. Тот факт, что в гендерном составе индивидуальных предпринимателей Тувы женщины незначительно, но всё же количественно превышают число мужчин, демонстрирует нивелирование социокультурных стереотипов, связанных с исторически сложившимся распределением гендерных ролей. Анализ гендерной дифференциации по видам экономической деятельности показывает, что женщины представлены во многих направлениях, которые традиционно считались «мужскими», что в экономике сегодня практически нет гендерно маркированных областей. По мнению женщин-предпринимателей, опрошенных автором, институциональных, формальных барьеров, препятствующих женскому предпринимательству, в Туве нет. В то же время актуальными остаются общие проблемы бедности населения, обуславливающие затруднения в стартовых финансовых возможностях у большинства населения, барьеры социально-психологического характера.

Ключевые слова: экономическая активность, занятость, безработица, самозанятость, женское предпринимательство, мотивации и барьеры

Для многих стран мира вопросы гендерного неравенства, проявляющегося в законах, регулирующих экономическую активность, доступе женщин к ресурсам, управленческим позициям в бизнесе, к возможностям в предпринимательстве, остаются важной проблемой. В России вопросы активности женщин в экономике в целом и предпринимательстве в частности также представляют собой перспективное исследовательское направление. Внутри страны отдельные регионы могут иметь свою специфику социально-структурных процессов. В этой связи исследование экономической активности женщин на рынке труда в целом и в особенности в предпринимательстве, роли женщин в социальных изменениях в современном обществе является актуальным вопросом. Эти тенденции затрагивают и регионы, в которых ещё сильны элементы аграрно-традиционного общества, в том числе и Туву. Таким образом, на примере Республики Тыва можно видеть, каким образом традиционное общество трансформируется под влиянием указанных глобальных трендов. Немаловажным является и то, что женщины в современном тувинском обществе представляют собой важный социально-экономический потенциал в силу таких демографических факторов, как преобладание в половой структуре населения, особенно в группах трудоспособного возраста, и большая продолжительность жизни по сравнению с мужчинами.

Целью представленного исследования является изучение особенностей экономической активности женщин в Республике Тыва, в рамках которого рассматриваются гендерные аспекты регионального рынка труда, а также мотивы и условия реализации предпринимательской активности женщин. Для достижения исследовательской цели были поставлены задачи по проведению гендерного анализа показателей заня-

тости, безработицы, характеризующих уровень экономической активности женщин Тувы; изучению статистических и иных данных, касающихся количественной динамики предпринимательства в республике, проведению социологического исследования с применением качественных методик.

Основная гипотеза, сформулированная нами, заключается в том, что с гендерной точки зрения женщины в современном тувинском обществе более активно участвуют в структурных изменениях, чем мужчины, и это касается не только сферы занятости в целом, но и предпринимательства. Исходя из повседневной социальной практики, была выдвинута гипотеза о том, что среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых количественно лидируют женщины, однако доля женщин среди руководителей организаций коммерческого сектора остаётся незначительной. Эмпирической проверки требовало предположение о том, что женское предпринимательство характеризуется разнообразием сфер применения. Базой представленного исследования послужили данные Росстата, открытые данные федеральных и региональных органов власти, данные информационно-аналитической системы «СПАРК». Также эмпирическую основу составили результаты качественного социологического исследования, проведённого автором в Республике Тыва в мае-июне 2022 г. Дополнительно использованы отдельные данные из ранее проведённых исследований ФНИСЦ РАН в 2019, 2021 гг. в Туве, авторского исследования тувинских семей в 2020–2021 гг.¹ Авторское исследование с применением качественной методологии было проведено среди женщин-предпринимателей, занимающихся разными видами экономической деятельности в мае-июне 2022 г. в г. Кызыле, столице Республики Тыва. Всего было проведено 20 интервью. Отбор респондентов осуществлялся по единому критерию – полу. Это женщины, занятые в негосударственном секторе экономики, ведущие предпринимательскую деятельность. Планируя пул потенциальных респондентов, автор руководствовался задачей представления многообразия по опыту, сферам деятельности. Исходя из этого, участниками исследования стали женщины, находящиеся на разных этапах предпринимательской активности: занимающиеся бизнесом на раннем этапе (до 1 года); более 5 лет; более 10 лет; с разными качественными характеристиками: учредители и собственники компаний, индивидуальные предприниматели, самозанятые, работающие в специальном налоговом режиме. Методом сбора данных стало личное интервью по гайду, содержащему неформализованные вопросы.

¹ Генеральную совокупность составили все брачные пары, проживающие на территории Республики Тыва. Размер выборочной совокупности составил 380 ед., но с учетом погрешности метода было принято решение увеличения выборки до 450 ед. Домохозяйства на счетном участке определялись по принципу случайного отбора. Исследование проведено методом личного интервью по формализованному опроснику. В каждом домохозяйстве опрашивался один из супругов.

О теоретических основаниях и разработанности проблематики исследования

В современной научной литературе тема женского предпринимательства представлена многочисленными исследованиями, в том числе глобальными международными проектами. Тематика их разнообразна, приведем наиболее известные: «Женщины, бизнес и закон» (Women, Business and the Law)¹, исследующий юридические нормы и правовое поле разных стран с точки зрения барьеров в женском предпринимательстве; «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor – GEM)², в рамках которого проводятся сравнительные исследования институциональных и иных условий ведения бизнеса, в том числе для женщин; доклад Г. Торнтон «Женщины в бизнесе» (Women in Business)³, направленный на анализ гендерного состава высшего руководства компаний среднего бизнеса в разных странах мира.

Результаты этих исследований показывают, что в современном мире ландшафт традиционного делового мира, ориентированного, прежде всего, на мужчин, меняется. Женское предпринимательство, занимая всё более уверенные позиции, становится фактором стабилизации рынков труда, создавая новые рабочие места, увеличивая доходы семей, развивая социально ориентированную тематику деятельности. Как отмечает С. Альхалид, опираясь на теорию «тихого вторжения» А. Баята [29], женское предпринимательство следует рассматривать не только в рамках неоклассической парадигмы индивидуального своекорыстного предпринимателя, а более широко – как платформу расширения возможностей женщин и как катализатор социальных изменений [27, с. 950–952].

Темпы развития кластера женского бизнес-сообщества имеют ярко выраженную национальную и страновую зависимость. Концептуальной особенностью современных исследований женского предпринимательства является исходный посыл о неравном доступе женщин к ресурсам, институтам и возможностям, также и гендерно обусловленных формальных, неформальных барьерах в экономической деятельности.

Женское предпринимательство как вид экономической активности автор рассматривает с позиций гендерного подхода, обоснованного в исследованиях отечественных социологов Е. А. Здравомысловой и А. А. Тёмкиной [10, 11], Г. Г. Силласте [20], А. Е. Чириковой [25], З. А. Хоткиной, В. Г. Доброхлеб, Н. Е. Русановой [24]. Гендерный подход акцентирует внимание на социальном характере различий между мужчинами и женщинами, который предопределяет гендерное неравенство и социальные асимметрии в доступе к социальным, экономическим и политическим ресурсам в обществе.

¹ Women, Business and the Law 2021. International Bank for Reconstruction and Development / World Bank Group. Washington. 2021. 118 p.

² Global Entrepreneurship Monitor 2021/2022. Global Report Opportunity Amid Disruption. Babson College. London Business School. 2022. С. 62.

³ Women in Business 2020: Putting the Blueprint into Action. Grant Thornton. 2020. 6 p.

Анализируя экономическую активность женщин в социальном контексте этнорегионального сообщества, а также социально-экономическую мотивацию женщин в предпринимательстве, их ценности, барьеры и возможности, автор опирался на методологию экономической социологии, разрабатываемой в работах В. В. Радаева [18], С. Ю. Барсуковой [4]. Для данного исследования также был важным тезис, который выдвинул академик М. К. Горшков: «Социальное – мощный драйвер (определяющий фактор) обратного влияния на функционирование и развитие экономики, которое реализуется через социальные группы, экономически активную часть населения» [9, с. 14].

В современной российской научной литературе женское предпринимательство исследуется с разных методологических позиций, включающих анализ трансформации гендерных ролей в семье и обществе, в контексте выполнения ими репродуктивных функций, функций заботы, распределения домашнего труда. Феномен «возрастного женского предпринимательства» анализировался А. Е. Колобовой [13], особенности гендерной дифференциации по видам экономической деятельности исследовались А. А. Илимбетовой [12], социальное значение предпринимательской деятельности женщин актуализировалось Ю. А. Семеновой [19]. Факторы развития женского предпринимательства в России изучались в работах Л. В. Бабаевой и А. Е. Чириковой [3], Ю. С. Пиньковецкой [17], Н. Ю. Уткиной [23], О. В. Бессчетновой, М. М. Крековой, Е. Л. Арзамасовой [5], Р. Р. Галлямова [7].

Если обобщить результаты, получится несколько тезисов: в сфере бизнеса женщины сталкиваются с гендерным неравенством; женские траектории попадания в предпринимательские круги всё ещё сложны; женщины мало представлены в бизнесе, несут большую нагрузку в бытовом хозяйстве; женщины чаще представлены в малом бизнесе и сфере самозанятости. Дискурс-анализ публикаций в российском сегменте по теме женского предпринимательства, проведённый А. И. Воронковой, показал, что в 30 из 70 анализируемых публикаций повторяющимся нарративом является гендерная дискриминация в бизнесе [6, с. 241]. Исследования в данном предметном поле за последние годы расширились за счёт новых ракурсов рассмотрения проблематики в контексте цифровых трансформаций, которые меняют устойчивые дискурсы о неравенстве и барьерах, акцентируя внимание на возможностях и новых моделях женского предпринимательства в условиях цифровой экономики [см.: 14; 2]. Таким образом, в России, как и во многих других странах мира, вопрос женского предпринимательства является важной частью проблемы равных возможностей мужчин и женщин в экономике. Во многих странах, в том числе и в России, несмотря на позитивные изменения, женщины в бизнесе остаются в меньшинстве не только количественно, но и качественно с точки зрения доступа к руководящим позициям и принятию решений.

Следует отметить, что специальных исследований, посвящённых экономической, в том числе предпринимательской, активности женщин в Туве, ранее не было предпринято. Вместе с тем результаты

исследований особенностей социально-стратификационных процессов, происходящих в современной Туве, проведённые группой учёных ФНИСЦ РАН под руководством З. Т. Голенковой в 2019 и 2021 гг., представляют собой весьма ценные эмпирические данные, характеризующие в том числе гендерные аспекты экономической активности населения [22]. Полагаем, что исследование гендерного состава экономически активного населения, мотиваций, ценностных установок с социологической точки зрения является ключевым элементом анализа потенциала структурных изменений в тувинском обществе.

Следует отметить, что в исследовании женского предпринимательства важно учитывать социально-демографические и экономические особенности российских регионов, которыми они выделяются на фоне показателей других субъектов РФ и общероссийских. Важно учитывать и тот факт, что Тува является регионом, позднее всех присоединившимся к экономике страны.

Социально-демографической спецификой Республики Тыва, к примеру, является высокая рождаемость – по данным 2020 г., Тува занимает первое место в России по общему коэффициенту рождаемости. Данный фактор предопределяет то, что в регионе наблюдается самый высокий в России удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста – 34,1%, в то время как в целом по России данная категория составляет 18,1% в структуре населения¹. Следовательно, коэффициент демографической нагрузки (в данном случае в части лиц моложе трудоспособного возраста) также является самым высоким по России. Кроме того, больше половины детей рождается в неполных материнских семьях. Эти факторы в совокупности с экономическими причинами обуславливают то, что медианный среднедушевой доход населения является одним из самых низких по стране, более низкое, чем в Туве, значение данного показателя наблюдается только в Республике Ингушетия². Статистически Тува являлась самым бедным регионом – по численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (31,7%) республика в 2020 г. занимала первое место в России, несмотря на позитивные тенденции по снижению этого показателя начиная с 2018 г., и существенный по сравнению со многими регионами прирост денежных активов (на 28,3%) и денег у населения в 2020 г. (на 33,2%)³. По итогам 2021 г. самым бедным регионом стала Республика Ингушетия. Республика Тыва занимает предпоследнее место среди субъектов РФ по потребительским расходам на душу населения. Структура доходной стратификации в Туве, если исходить из распределения общего объёма доходов по 20-процентным группам населения, отличается от общей

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. С. 52–66 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.09.2022).

² Там же. С. 200–201.

³ Там же. С. 246–247.

российской структуры тем, что доля группы населения с наименьшими доходами превышает российский показатель, а доля группы с наибольшими доходами существенно ниже, чем в среднем по России¹.

Данные социально-экономические условия являются непростыми для вовлечения женщин в предпринимательство, вместе с тем укрепившаяся в постсоветский период общая экономическая активность женщин способствует их включению в сферу малого и среднего предпринимательства.

Экономическая активность женщин в Республике Тыва

Как отмечают исследователи, женщины традиционно демонстрируют сниженную конкурентоспособность в сфере занятости, и в России, несмотря на довольно высокий уровень активности женщин, наблюдается устойчивый гендерный разрыв в экономической активности населения в пользу мужчин в диапазоне 10–12 процентных пунктов [21, с. 108]. Статистика в сфере занятости по Туве показывает несколько иную картину, отличающуюся от общероссийского тренда.

По данным выборочных обследований рабочей силы уровень занятости женщин Тувы в 2021 г. составил 58,5%, что превышает уровень занятости мужчин на 5,1 процентных пункта (53,4%). Показатель уровня безработицы среди женщин республики по данным 2021 г. ниже, чем аналогичный показатель среди мужчин, – 11,8% и 20,0% соответственно (таблица 1). В составе безработного населения мужчины составляют 63,16%, женщины – 36,84%². Тува является единственным регионом (субъектом) РФ, в котором мужская занятость ниже, чем женская.

Таблица 1 (Table 1)

Показатели занятости и безработицы по полу в 2021 г., %³
Employment and unemployment rates by gender in 2021, %

Показатели	Российская Федерация		Республика Тыва	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Уровень занятости	80,6	75,2	53,4	58,5
Уровень безработицы	4,9	5,3	20,0	11,8
Занятые	51,0	49,0	46,3	53,7
Безработные	50,6	49,4	63,0	36,8

¹ Социально-экономические индикаторы бедности 2015–2020. Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 05.09.2022).

² Итоги выборочного обследования рабочей силы в 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 05.06.2022).

³ Составлено автором на основе данных Росстата. Итоги выборочного обследования рабочей силы в 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 05.06.2022).

Превышение уровня мужской безработицы над женской является устоявшейся и долговременной характеристикой экономики Республики (табл. 2). Если брать уровень женской безработицы, то он был выше уровня мужской безработицы только в отдельные годы – в 2003 и 2005 годах, и поступательно снижался последние 15 лет. Уровень мужской безработицы с 2005 г. демонстрировал волнообразные колебания роста и снижения. Наибольший гендерный разрыв наблюдался в 2020 г., когда уровень мужской безработицы в два раза превышал аналогичный показатель среди женщин.

Таблица 2 (Table 2)

Гендерные различия в уровне безработицы в Туве (1995–2021 гг.), %¹
Gender differences in the unemployment rate in Tuva (1995–2021), %

Годы	Уровень безработицы	
	мужчины	женщины
1995	29,1	14,1
2000	24,3	21,4
2005	21,4	22,3
2010	26,5	18,2
2015	22,2	15,1
2020	24,2	12,0
2021	20,0	11,8

Количественное превышение женщин в структуре занятых в Туве начинается с 1980-х годов и усиливается после разрушения индустриальной модели экономики в 1990-е гг., когда рабочие места сохранялись преимущественно в «третичном» (т. е. сферы здравоохранения, социального обеспечения, образования, культуры) секторе экономики. На региональном рынке труда уже не было массовых рабочих мест для мужчин, которые создавались в период индустриализации Тувы [16, с. 124]. Это было характерно для всего постсоветского пространства. Как указывают Ю. Косякова и Д. Куракин, бывшие «приоритетные» сектора (энергетический, металлургический, транспортный) сократились при одновременной экспансии сервисного сектора [15, с. 134, 137]. Кратно уменьшилась численность населения, занятого в таких отраслях, как промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, в то время как социальная сфера и органы управления имели тенденцию к росту числа занятых (таблица 3). В Туве, как и во всей стране, именно в сервисном секторе и были сконцентрированы женщины.

¹ Составлено автором на основе данных Росстата. Приложения к статистическому сборнику «Труд и занятость в России» 2021, 2017 гг. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210ser55> (дата обращения: 30.05.2022); Статистический сборник «Труд и занятость в России» 2005 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210ser55> (дата обращения: 30.05.2022).

Таблица 3 (Table 3)

Численность занятого населения по отдельным отраслям экономики¹
The number of employed population in individual sectors of the economy

№	Отрасли экономики	Численность занятых, тыс. чел.	
		1990	2003
1	Промышленность	16,5	9,1
2	Сельское хозяйство, лесное хозяйство	28,7	13,5
3	Строительство	18,6	4,8
4	Здравоохранение, физическая культура, соцобеспечение	10,8	12,6
5	Образование, культура, искусство	24,1	28,2
6	Органы управления	5,1	9,9

Сокращение ряда отраслей, вызванное закрытием предприятий, привело к существенным социоструктурным изменениям в тувинском обществе: в доходной стратификации выросла доля бедного населения, произошло снижение экономической активности населения, уровня занятости. Если в 1990 г. только 18,1% лиц трудоспособного возраста не были заняты в экономике, то в 2003 г. – 52,3%². Именно из этой категории в социальной структуре тувинского общества возникает новый класс лиц с деформированной занятостью – прекариат, к которому исследователи относят не только занятых в неформальном секторе, но и вынужденных безработных и отчаявшихся найти работу [8, с. 12–13]. Это были общие кризисные явления, характерные для России в целом, однако в Туве они протекали более остро благодаря социально-демографическим особенностям, которые отмечены выше, и экономическим причинам: многодетность семей и связанная с ней высокая демографическая нагрузка способствовали более быстрому росту масштабов бедности, чем по стране; поздняя индустриализация республики и её незавершённость, связанные с тем фактом, что Тува вошла в советскую экономику только в 1944 г. после присоединения к СССР, в кризисные годы обусловили низкий запас прочности крупных предприятий, из которых ни одно не сохранилось; разрушение советской модели сельского хозяйства (животноводства) привело к тому, что большинство сельского населения перешло в категорию незанятого населения, вовлечённого в мелкие личные хозяйства. Соответственно, изменилась и структура образования доходов населения, в которой доля оплаты труда снижалась, а доля социальных трансфертов росла. Так, если оплата труда в структуре доходов населения республики составляла 74,4% в 1990 г., то в 2003 г. – 40,5%, социальные трансферты в 1990 г. – 12%, в 2003 г. – 18,8%³.

Последствия этих процессов наблюдаются и на современном этапе. Это, прежде всего, высокий уровень напряжённости на рынке труда. Так, по таким характеристикам, как уровень занятости, уровень безработицы,

¹ Составлено автором на основе статистических данных. 60 лет вхождения Республики Тыва в состав Российской Федерации. Юбилейный статистический сборник. Кызыл: Комитет государственной статистики Республики Тыва, 2004. С. 28.

² Там же.

³ Там же. С. 32.

республика занимает последние места (82-е, 83-е) среди субъектов РФ¹. В настоящее время доля социальных трансфертов в структуре доходов населения республики является самой высокой среди российских регионов и имеет тенденцию к росту: в 2020 г. она составила 40,8% при среднероссийском значении 21,5%. По сравнению с 2019 г. она выросла на 6,8% при снижении доли доходов от предпринимательской деятельности, от собственности, а также оплаты труда².

В этих условиях важную роль в адаптационных возможностях играет более высокий уровень образования женщин в республике. Об усилении гендерной дифференциации по уровню образования свидетельствуют данные переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., а также исследования ФНИСЦ РАН 2019 и 2020 годов [22].

Кроме активности на рынке труда, женщины в республике в большей степени, чем мужчины, готовы к миграционной мобильности для улучшения своего социально-экономического положения. На вопрос «*Рассматриваете ли Вы для себя возможность переезда в другой город, село, регион для поиска более подходящей работы?*» в рамках авторского исследования брачных пар Республики Тыва (декабрь 2020 – январь 2021 г.) положительно ответило 33,6% опрошенных женщин и 15% мужчин.

Женщины чаще мужчин в семье получают банковские кредиты (53,3% и 28,5% соответственно), а также оформляют на себя ресурсы семьи в виде банковских сбережений (13,7% и 3,6% соответственно). На вопрос «*Рассматриваете ли Вы для себя возможность заняться собственным бизнесом в ближайшие три года?*» утвердительно ответили 13% опрошенных мужчин и 33,6% опрошенных женщин.

Таким образом, на основании приведённых гендерных показателей занятости, безработицы, миграционных интенций мужчин и женщин, кредитной и сберегательной активности населения можно сделать вывод о том, что женщины в Туве проявляют более заметную экономическую активность и конкурентоспособность в сфере занятости по сравнению с мужчинами, несмотря на то, что женщины выполняют большую часть домашнего неоплачиваемого труда, а также совмещают трудовую деятельность с выполнением репродуктивной функции (деторождение и уход за детьми, особенно в ранний период их жизни).

Безусловно, общие социально-экономические условия, связанные с бедностью региона, многодетностью семей, могут влиять на вынужденную трудовую активность женщин. Вместе с тем полагаем, что ключевым фактором является трансформация гендерных ролей в семье – женщины всё более принимают на себя лидерские функции практически во всех важных аспектах экономики семьи, и на первый план выходит её функция кормильца. В особенности это проявляется в неполных материнских

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.09.2022).

² Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm (дата обращения: 01.09.2022).

семьях, в которых женщины являются единственными кормильцами. Указателем на распространенность неполных семей является доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке, в общем числе родившихся. По данным Росстата за 2020 г., 57,7% детей в Тыве родилось в неполных семьях¹. Кроме того, как показало исследование, проведенное в Тыве ФНИСЦ РАН в 2019 г., в 26% обследованных домохозяйств полных семей единственным работающим кормильцем является женщина.

Тувинские женщины в предпринимательстве

В 2022 г. в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) по Республике Тыва зарегистрировано всего 7762 юридических лица и индивидуальных предпринимателя². Это – показатель общей предпринимательской активности населения республики. Анализ количественной динамики субъектов МСП за последние 5 лет показал, что колебания были в целом не столь существенными за исключением 2022 г., когда по сравнению с 2021 г. произошёл рост числа зарегистрированных субъектов МСП на 560 единиц. Наибольший прирост наблюдается среди индивидуальных предпринимателей – на 432 ед., другими словами, 0,24% от общего числа трудоспособного населения республики за последний год открыли свой бизнес.

Если посмотреть долю индивидуальных предпринимателей в общем количестве трудоспособного населения, то они в 2021 г. составляли всего 3,15%³. Доля чрезвычайно мала. Удельный вес индивидуальных предпринимателей среди всех занятых в экономике республики равнялся 5,21%⁴.

В целом незначительна доля тех, кто работает в частном секторе. Среднегодовая численность населения, работающего в частном секторе, в 2020 г. составила 13% в общей структуре занятых в органи-

¹ Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>. (дата обращения: 01.06.2022).

² Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Республика Тыва // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=7&ssrf=17> (дата обращения: 26.05.2022).

³ Расчет сделан на основе следующих данных: Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Республика Тыва // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2021&level=0&fo=7&ssrf=17&t=1653801868681&t=1653801868681> (дата обращения: 27.05.2022); Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

⁴ Социально-экономическое положение Республики Тыва в январе–марте 2021 года. Доклад, № 1.37.2 РТ // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). URL: https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/omAMwALd/1%2037%202-03_%D0%A0%D0%A2.pdf. (дата обращения: 27.05.2022).

зациях всех форм собственности, а в государственном и муниципальном сегментах суммарно сосредоточено 83% всех работников¹. Доля лиц в частном секторе в 6 раз меньше занятых в госсекторе, при этом количество работников государственных организаций имеет тенденцию к росту по сравнению с 2010 г.

Таким образом, предприниматели как социальная группа занимают довольно скромное место в социальной структуре современного тувинского общества. Рассмотрим же, какое место занимают женщины в составе предпринимателей. Российские исследователи отмечают тот факт, что для предпринимательства в стране характерен ярко выраженный гендерный дисбаланс в пользу мужчин [5, с. 3059].

Среди самозанятых Тувы, численность которых в 2022 г. достигла 7372 чел., женщин – 3756, мужчин – 3616². Среди зарегистрировавшихся как самозанятые женщин больше, чем мужчин.

Среди индивидуальных предпринимателей Тувы женщин также больше. Индивидуальные предприниматели – это та категория, которая более чётко показывает реальные гендерные разрывы, чем руководители юридических лиц, так как в данном случае могут быть допущения, связанные с номинальными/наёмными руководителями и фактическими собственниками бизнеса. По данным ФНС, на 01.05.22 в республике зарегистрировано 34 индивидуальных предпринимателя, из которых женщин – 50,64%, мужчин – 49,36%. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что активность женщин, опережающих мужчин на региональном рынке труда в целом, характерна и для предпринимательства.

Однако среди руководителей компаний становится заметным численное превышение мужчин. Чем больше размер бизнеса, как по среднесписочному составу работников, так и по доходам, доля женщин-руководителей уменьшается, и количественный разрыв с мужчинами-руководителями становится всё более заметным. Необходимо отметить, что женщин среди руководителей компаний не так мало. На основе данных ИАС «СПАРК» был проанализирован гендерный состав руководителей организаций частного сектора республики (юридические лица). Из них 60% возглавляются мужчинами, 40% – женщинами³. Следует признать, что доля организаций в сфере бизнеса в Туве, возглавляемых женщинами, является достаточно высоким в контексте вышеупомянутых показателей международных исследований. Рассмотрим эти показатели в сравнении с данными другой национальной республики Сибирского федерального округа – Республики Алтай (таб. 4), более близкой к Туве по уровню социально-экономического развития.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 136–137 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

² Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 25.05.2022).

³ СПАРК – информационно-аналитическая система, работающая с доступной информацией о компаниях. URL: <https://spark-interfax.ru/about> (дата обращения: 22.02.2022).

Таблица 4 (Table 4)

**Гендерный состав индивидуальных предпринимателей
в Республике Тыва и Республике Алтай, %¹**
*Gender composition of individual entrepreneurs
in the Republic of Tuva and the Republic of Altai, %*

Доля мужчин среди ИП	Доля женщин среди ИП	Доля мужчин- руководителей МСП (юридические лица)	Доля женщин- руководителей МСП (юридические лица)
Республика Тыва			
49,36	50,64	60,00	40,00
Республика Алтай			
55,00	45,00	64,00	36,00

Тенденции на уровне индивидуальных предпринимателей двух регионов не совпадают, а среди руководителей юридических лиц наблюдаем аналогичный тренд – мужчин больше.

Для проверки гипотезы о том, что организации с наибольшим доходом возглавляют мужчины, на основе данных «СПАРК» мы ранжировали организации частного сектора в Туве: из топ-20 организаций по доходам 20% возглавляются женщинами-руководителями, соответственно 80% – мужчинами.

Таким образом, ситуация в сфере бизнеса имеет схожие черты с гендерным распределением во власти и политике: чем выше уровень власти и политики, тем меньше женщин. При этом низовой и средний уровни характеризуются значительным преобладанием женщин². Аналогичный расклад в сфере бизнеса указывает на то, что институциональные барьеры формального характера для женщин в бизнесе отсутствуют, однако по мере роста и движения вверх значение и роль неформальных факторов, ограничивающих шансы женщин, могут усиливаться. Тем не менее мы видим, что женщины в Туве вносят существенный вклад в развитие предпринимательства.

Существуют ли «женские специализации» в бизнесе?

В структуре занятости по видам экономической деятельности в 2020 г. в Туве лидировала сфера оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов. Среди индивидуальных предпринимателей Тувы этим видом занимается 52,1%³. В целом в структуре МСП в Туве преобладает потребительский сектор.

¹ Составлено автором на основе расчетов по данным информационно-аналитической системы СПАРК по состоянию на 22.02.2022 г.

² Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) «Женщины и мужчины России 2020» // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 30.05.2022).

³ Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого предпринимательства Республики Тыва в 2020 г. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат) [сайт]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/28192> (дата обращения: 28.05.2022).

Для ответа на вопрос о том, существует ли «гендерная специализация» в сфере бизнеса, обусловленная особенностями пола, был проведён сравнительный анализ видов экономической деятельности, которыми занимаются индивидуальные предприниматели обоих полов в Туве. Было выявлено, что большинство видов экономической деятельности относится к смешанной группе (представлены и мужчины, и женщины). Существуют виды деятельности, которыми занимаются исключительно мужчины-предприниматели, это – узкоспециализированные и малочисленные по составу участников направления, как «строительство инженерных коммуникаций для водоснабжения, водоотведения, газоснабжения». Среди отобранных 11 видов деятельности (таблица 5), в которых зарегистрировано более 100 предпринимателей, женщины количественно преобладают в разных подвидах торговли, ресторанном бизнесе и услугах по доставке продуктов питания, оказании юридических услуг, мужчины – в деятельности автомобильного грузового транспорта, регулярных перевозках пассажиров автобусами в городском и пригородном направлениях, разведении молочного крупного рогатого скота с производством сырого молока.

Таблица 5 (Table 5)

Гендерная дифференциация в отдельных видах экономической деятельности¹
Gender differentiation in certain types of economic activity

№	Вид экономической деятельности	Количество предпринимателей	
		мужчины	женщины
1	Торговля розничная преимущественно продуктами питания, включая напитки и табачные изделия	275	451
2	Разведение овец и коз	462	126
3	Разведение молочного крупного рогатого скота с производством сырого молока	177	65
4	Деятельность розничной торговли с большим товарным ассортиментом с преобладанием продовольственных товаров в неспециализированных магазинах	46	94
5	Деятельность ресторанов и услуги по доставке продуктов питания	54	85
6	Деятельность ресторанов и кафе	50	84
7	Перевозка грузов неспециализированными автотранспортными средствами	94	17
8	Деятельность автомобильного грузового транспорта	105	30
9	Деятельность в области права	41	61
10	Регулярные перевозки пассажиров автобусами в городском и пригородном направлениях	62	40
11	Строительство жилых и нежилых зданий	83	26

¹ Составлено автором на основе данных информационной системы СПАРК по состоянию на 22.02.2022 г.

За редким исключением, практически нет видов, которыми не занимаются женщины-предприниматели. Наблюдается и обратная тенденция: мужчины также занимаются теми видами, которые условно считаются «женскими», как, например, «предоставление услуг парикмахерскими и салонами красоты». Таким образом, в видах экономической деятельности пол не имеет определяющего значения, гендерно маркированных видов, в которых заняты представители исключительно одного пола, – единицы.

Мотивации предпринимательской деятельности

Планируя интервью с женщинами-предпринимателями, мы стремились выявить региональную, этнонациональную специфику в мотивах предпринимательской деятельности. Исследование показало, что мотивы занятия бизнесом в принципе не отличаются от мотивов предпринимателей в России в целом [1].

1. Анализ прихода женщин в бизнес показывает ярко выраженную ориентацию женщин на независимость и не только финансовую. Прежде всего подразумевается независимость от отношений подчинения, субординации в рамках иерархически структурированных государственных организаций, на самостоятельное формирование своих жизненных и карьерных стратегий. Это свидетельствует об определённых трансформациях ценностных установок женщин. Для тех, кто пришёл в предпринимательство, устарела «жертвенная» модель, при которой женщина на протяжении всей жизни работает наёмным работником по единожды выбранной специальности в госсекторе со строго регламентированным графиком, с дефицитом времени на другие сферы жизни, включая семью и детей. Респ. 1: *«Для меня очень важны отсутствие необходимости отчитываться перед начальством, принятие самостоятельных решений и свобода действий»*. Респ. 2: *«Мне сложно работать в статусе подчинённого, гораздо комфортнее чувствовать себя самостоятельной. Я полгода работала наёмным специалистом в салоне красоты. Как только накопила стартовые средства, я начала работать на себя»*. Респ. 3: *«Я имею опыт работы по найму, поэтому есть возможность сравнить. Преимущество моего положения в настоящее время в том, что я сама определяю график своей работы. При выстраивании плана дня приоритет отдаётся семье, детям, их образованию. Оставшееся время я посвящаю своей работе в сфере красоты»*.

2. Вторым важным мотивом является стремление к балансу между семьёй, родительством, с одной стороны, и работой, получением доходов – с другой. Проблема отсутствия баланса между работой и личной жизнью характерна в современном мире как для женщин, так и для мужчин. Но в связи с тем, что женщины несут основную ответственность за выполнение домашнего труда, ухода за детьми, они больше испы-

тывают трудности в совмещении социальных ролей сотрудницы, партнёра, матери, подруги, дочери [28, с. 159]. Как указывают В. А. Штроо и Е. А. Кольцова, представления о «хорошей семье», в которой оба супруга работают, создают дилемму между конфликтующими запросами на получение дохода и на проявление заботы с появлением в семье детей [26, с. 33]. Наше исследование показало, что именно такие трудности приводили женщин к пересмотру карьерной траектории. Респ. 4: *«Я проработала на государственной службе 9 лет, включая федеральные и региональные органы власти. Работа забирала практически всё время. Моим временем распоряжался работодатель, не я. Не было времени на детей, семью, здоровье, хобби, на себя. Решение уйти, изменить свою жизнь созрело быстро. Я поняла, что мои жизненные ценности не совпадают с ценностями службы. В предпринимательстве я нашла тот баланс распределения времени, когда я имею возможность быть ответственной матерью и получать доход».*

Для большинства современных женщин характерна модель «работающая мать». Фактор времени как важного ресурса был ключевым и критическим для женщин, которые приняли решение перейти с работы в государственной организации в сферу предпринимательства. Политика времени у женщин непосредственно вытекает из ежедневной многозадачности и серьёзного дефицита времени.

Однако найденный в предпринимательстве баланс между работой и личной жизнью может существовать только в определённых условиях: для самозанятых, на ранних этапах бизнеса и на этапах, когда бизнес стал устойчивым, многолетним и есть возможность делегирования полномочий. Чем выше уровень бизнес-притязаний женщин, чем больше масштаб бизнеса, тем труднее соблюдать баланс семейных, родительских обязанностей с профессиональной деятельностью. Именно из-за дефицита времени как ресурса возникает необходимость выбора приоритета. Респ. 5: *«Либо ты погружаешься в своё развитие, в свой бизнес и ставишь на второй план семью, детей, либо ты делаешь это параллельно, но получаешь что-то посредственное. Хотя бывают исключения. В целом хочется и с детьми быть как можно чаще, уделять их воспитанию больше времени, но и иметь спортивный интерес к своему бизнесу. “Параллелить” бизнес и семью сложно. Надо выбирать».*

3. Мотив финансового обеспечения. В ходе интервью было выявлено, что стремление к материальной защищённости более важно в условиях дефицита средств в семье. Респ. 6: *«Я хотела заработать. Денег в семье не хватало, воспитывала нас одна мама. Все деньги уходили на старшую сестру, которая в другом городе получала музыкальное образование. В предпринимательство я пришла в 1990-е гг. Продавать на рынке я начала с 18 лет, сначала овощи с собственного огорода, затем кондитерские изделия собственного производства. Затем перешла к торговле продуктами питания. Так и осталась в ней. Сегодня имею несколько торговых точек, являюсь учредителем нескольких юридических лиц».* Финансовая мотивация является также реша-

ющей в кризисных ситуациях, связанных с потерей работы. Респ. 7: *«Я ушла в бизнес, когда начальник отдела в ходе реорганизации не захотела брать меня в новый отдел. Я оказалась без работы. Я начала продавать косметику. Супруг взял для меня кредит, и я открыла небольшой отдел в торговом центре».*

Возможность ежедневно видеть и получать финансовые результаты своего труда также значима для респондентов. Респ. 2: *«Если в организации человек получает зарплату раз в месяц, то в моём деле оплата моей работы по факту выполнения поступает на счёт каждый день».*

4. Потребность в реализации творческого потенциала для некоторых участников интервью была важнее, чем финансовый мотив. Респ. 8: *«В момент прихода в бизнес у меня особых финансовых проблем не было, как и желания любыми способами быстро заработать. Гораздо важнее было творчески реализовать проект, я люблю делать всё качественно, с душой. И тогда приходят оценка и одобрение людей, а значит, и финансовый результат».* Респ. 9: *«В период пандемии и вызванного ею карантина я чувствовала, что избыток времени, избыток нереализованной творческой энергии приводят к профессиональной деформации и депрессии. Я решила запустить собственные онлайн-курсы. Весь мир тогда начал переходить в онлайн-формат работы. Финансовой мотивации тогда не было. Я не знала, что на курсах можно хорошо заработать».*

Таким образом, стремление к свободе, возможности самостоятельно формировать рабочий график, реализации творческого потенциала, а также финансовые мотивы, потеря работы являются ключевыми для женщин-предпринимателей, которые участвовали в исследовании.

Барьеры и возможности для женского предпринимательства

В России, соответственно и в Туве, правовых барьеров в том, чтобы женщины занимались предпринимательством, нет. Если есть ограничения, регуляторные преграды, то они гендерно не детерминированы, а являются общими для предпринимателей вне зависимости от пола. Барьеры в доступе к средствам государственной поддержки, участию в государственных программах также носят не гендерный, а иной характер. Наличие стартового капитала, доступ к банковским кредитам, микрозаймам фондов поддержки предпринимательства – эти вопросы индивидуальны в каждом конкретном случае и не связаны с полом. Для оценки доступности финансовой и нефинансовой помощи предпринимателям были проанализированы открытые данные о получателях поддержки со стороны микрокредитной компании «Фонд поддержки предпринимательства Республики Тыва». Среди 38 индивидуальных предпринимателей, получивших *финансовую поддержку* в виде займа, 21 мужчина

и 17 женщин¹. В данном случае особой разницы не наблюдается. Анализ гендерного состава получателей *нефинансовых мер* поддержки показал, что в получении консультативно-информационной помощи для развития своего бизнеса женщины-предприниматели почти в три раза чаще обращались в указанный Фонд². Эти данные показывают, что женщины более активны в получении знаний для продвижения своего бизнеса.

Главным барьером в развитии женского предпринимательства участники интервью считают общую социально-экономическую ситуацию и бедность населения, а также существующие в обществе стереотипы: «невозможно заработать на бизнесе – государство все отбирает»; «в Тыве невозможно заниматься бизнесом, условий нет», «лучше маленькая зарплата в государственной организации и стабильная работа, чем риски в бизнесе». Участники интервью в качестве препятствий в развитии женского предпринимательства указывали на негативные социально-психологические установки и неверие в себя.

В обсуждении вопроса о том, «кому легче заниматься предпринимательством в Тыве, женщинам или мужчинам?», оценки участников интервью разделились. Первая позиция заключалась в том, что женщинам в Тыве легче заниматься предпринимательством, так как они более успешно капитализируют образование и знания: женщины «более ответственные, образованны», «знают программы господдержки и как подготовить документы», «не довольствуются малым, стремятся к развитию». Респ. 9: *«Я вижу, что женщины более успешны в бизнесе, потому что они более образованны, чем мужчины. Они обучаются. У мужчин своя установка: бизнес должен приносить быстрый и ощутимый доход. Они не стремятся к развитию»*. Вторая позиция связана с идеей о том, что бизнес – мужская сфера, соответственно, мужчины в ней более успешны. Респ. 10: *«В бизнесе мужчины выигрывают благодаря таким качествам, как решительность, склонность к риску, стратегическое мышление. Бизнес – в большей степени прерогатива мужчин»*. Третья позиция заключается в том, что в современных условиях успех и доход в предпринимательстве в большой степени зависят от стартовых условий конкретного человека: образовательного уровня, деловых и коммуникативных навыков, финансового положения семьи, клана, неформальных связей, уровня мотивации, и практически не зависят от пола.

К возможностям женщин в предпринимательстве в текущих социально-экономических условиях Республики Тыва участники интервью относят, во-первых, институциональные возможности, связанные с инфраструктурой поддержки предпринимательства. Респ. 5: *«При*

¹ Микрокредитная компания «Фонд поддержки предпринимательства Республики Тыва». URL: <https://fpptuva.ru/reestr-poluchateley-nefinansovoy-pomoschi/> (дата обращения: 26.05.2022).

² Реестр нефинансовых мер поддержки с 2018 года (по состоянию на 21.10.2020) // Микрокредитная компания «Фонд поддержки предпринимательства Республики Тыва». URL: <https://fpptuva.ru/reestr-poluchateley-nefinansovoy-pomoschi/> (дата обращения: 30.05.2022).

наличии мало-мальских инвестиционных средств женщины могут заниматься бизнесом. Сегодня много возможностей по привлечению средств из разных фондов, для участия в конкурсах на получение грантов, субсидий». Во-вторых, возможности для переобучения, получения новых профессий и навыков. Респ. 5: «Сейчас профессиональное развитие женщин стало очень гибким по сравнению с прошлыми десятилетиями. Бесплатно переобучиться навыкам, которые позволят стать самозанятым, например, можно через центры занятости, и даже находясь в отпуске по уходу за ребёнком. Я считаю, что это – возможности для изменения жизни женщин».

Развитие сетевых технологий и социальных сетей, виртуального труда и интернет-занятости, когда стирается пространственное разделение работы и дома, являются новыми возможностями, способствующими экономической активности женщин. Участниками интервью социальные сети рассматриваются как важный канал продвижения рекламы услуг и товаров, достижения узнаваемости и получения обратной связи от аудитории.

Фактор образования в женском предпринимательстве

В ходе исследования было выявлено, что женщины-предприниматели Тувы направляют достаточно серьёзные временные и финансовые ресурсы на обучение новым компетенциям, на курсы и тренинги по бизнесу. В ходе интервью участники указали на то, что им приходится заниматься самообразованием на постоянной основе, обучаться отдельным навыкам профессионального характера, которые позволяют расширить спектр оказываемых услуг или повысить профессиональный уровень. Респ. 1: *«В индустрии фитнеса я работаю 10 лет, имею высшее образование в области физической культуры. Технологии работы быстро меняются, совершенствуются, как и смежные области, как медицина в спорте, поэтому я не менее двух раз в год прохожу обучение на курсах. Я постоянно учусь, чтобы быть профессионалом».*

Респ. 4: *«Я много училась на разных курсах, тренингах по бизнесу. Специфика многоуровневого маркетинга, которым я занимаюсь, заключается в том, что сама бизнес-модель сопряжена с образованием, и образование является приложением к ней. Минимум 4 раза в год прохожу разные обучающие курсы. Я вижу прямую корреляцию между уровнем знаний и уровнем дохода».*

Исследование показало, что чем больше масштаб предприятия, опыт работы в сфере бизнеса, тем выше осознанная потребность и мотивация в получении системных знаний в области предпринимательства. На уровне самозанятых или начинающих индивидуальных предпринимателей нет масштабов, наёмного персонала, сложных бизнес-процессов, горизонты планирования достаточно короткие. В этой связи в текущие задачи и краткосрочные планы женщин-предпринимателей входит при-

оритетная задача получения дохода, совмещение профессиональной деятельности с интересами семьи, материнства, но не обучение предпринимательству по профессиональным программам.

Участница интервью, получившая степень MBA, так охарактеризовала своё решение. Респ. 5: *«К моменту принятия решения о получении бизнес-образования в целом ощущала “потолок”, надо было получать новые знания, которых однозначно не хватало для развития бизнеса. Состояние компании было устойчивым, поэтому могла “отлучаться” на учёбу, делегировав на время полномочия по управлению на заместителей».*

Исследование показало, что непрерывный процесс обучения, начиная от конкретных сервисных навыков, заканчивая целостным бизнес-образованием, является неотъемлемой частью и условием предпринимательской деятельности женщин, однако это характерно в большей степени для более молодых городских женщин. В меньшей степени в обучении новым знаниям и навыкам заинтересованы женщины-предприниматели в возрастной группе 50 лет и более, а также работающие в сельской местности.

Заключение

На основе проведённого анализа с привлечением самостоятельно собранных эмпирических данных можно прийти к выводу, что женщины играют существенную роль в развитии сегмента малого и среднего бизнеса в Республике Тыва, количественно преобладая среди самозанятых, работающих в специальном налоговом режиме, и индивидуальных предпринимателей. Гендерное соотношение в составе руководителей компаний меняется в пользу мужчин, среди компаний с наибольшими доходами женщин меньше. Женщины в Туве занимаются разными видами экономической деятельности, включая и те, которые традиционно считались «мужскими».

В целом динамика качественных и количественных изменений в сфере бизнеса во многом является отражением и следствием социально-экономических проблем региона. Доля предпринимателей в структуре занятого населения, доля работников в частном секторе, а также доля доходов, получаемых от предпринимательской деятельности, являются незначительными. В этих процессах женщины играют значительную роль, способствуют развитию активных социальных групп и общностей в современном тувинском обществе.

Женщины приходят в бизнес по разным мотивам, главные среди них: стремление к свободе и независимости, возможность самостоятельно распоряжаться своим ценным ресурсом – временем, баланс между интересами семьи и получением дохода. Мотивы женщин во многом детерминированы изменяющимися ценностными установками и видением жизненных и карьерных проектов.

Исследование показало, что барьеры в предпринимательстве носят общий характер и не зависят от пола. В качестве важнейших барьеров были названы те факторы, которые носят скорее социально-психологический и социокультурный характер, чем институциональный. Женщины-предприниматели отмечают, что в настоящее время возможностей для вхождения в предпринимательство больше, чем в предыдущие периоды истории, – это касается инфраструктуры поддержки предпринимательства, возможностей для обучения, развития сетевых технологий соцмедиа.

Приложение

Таблица расшифровки кодовых наименований респондентов
в цитатах из интервью, приводимых в настоящей статье

Код	Пол	Возраст, лет	Населённый пункт	Семейное положение
Респ. 1	Женский	47	г. Кызыл	Состоит в браке
Респ. 2	Женский	33	г. Кызыл	Состоит в браке
Респ. 3	Женский	42	г. Кызыл	Не состоит в браке
Респ. 4	Женский	33	г. Кызыл	Не состоит в браке
Респ. 5	Женский	48	г. Кызыл	Состоит в браке
Респ. 6	Женский	41	г. Кызыл	В разводе
Респ. 7	Женский	38	г. Кызыл	Состоит в браке
Респ. 8	Женский	44	г. Кызыл	Состоит в браке
Респ. 9	Женский	40	г. Кызыл	В разводе
Респ. 10	Женский	26	г. Кызыл	Не состоит в браке

Библиографический список

1. Акимова О. Е. Мотивационные основы предпринимательской деятельности в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Вып. 1. С. 131–138.

2. Ананчева П. И. STEM-фриланс: новые возможности для женской самозанятости. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): мат. Всерос. конф. с межд. участием, 20-21 апреля 2018 г., ИвГУ. Иваново: ИвГУ, 2018. С. 131–134.

3. Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщина в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75–80.

4. Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 75–84.

5. Бессчетнова О. В., Крекова М. М., Арзамасова Е. Л. Женское предпринимательство в России: pro et contra // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 12. С. 3059–3074. DOI: 10.18334/err.10.12.111499
6. Воронкова А. И. Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. №4. С. 231–248. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618
7. Галлямов Р. Р. Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3 (131). С. 56–67.
8. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3 (03). С. 5–15.
9. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2
10. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: ЕУ в СПб., 2015. 768 с.
11. Здравомыслова О. М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2008. 50 с.
12. Илимбетова А. А. Альтернативные источники данных об уровне занятости российских женщин в предпринимательстве // Народонаселение. 2019. Т. 4. № 4. С. 90–102. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00041
13. Колобова А. Е. Женщины-предпринимательницы среднего и старшего возраста: штрихи к портрету // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 51–59.
14. Коробова О. О. Цифровая экономика: перспективы создания новых моделей женского предпринимательства. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018– 2030): мат. Всерос. конф. с межд. участием, 20-21 апреля 2018 г., ИвГУ. Иваново: ИвГУ, 2018. С. 64–68.
15. Косякова Ю., Куракин Д. Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 9 (88). С. 127–145.
16. Натсак О. Д. Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 120–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.11
17. Пиньковецкая Ю. С. Женское предпринимательство в России и зарубежных странах: монография. Ульяновск: УлГУ, 2020. 169 с.
18. Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №3. С. 21–34.

19. Семенова Ю. А. Женское предпринимательство в современном российском обществе: особенности и перспективы. Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2014. № 2. Т. 14. С. 17–19.
20. Силласте Г. Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 15–22.
21. Соболева И. В. Особенности женской занятости в свете мировых трендов продвижения гендерного равенства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 3–2. С. 108–112. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10448
22. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / Отв. ред. Голенкова З. Т., Сушко П. Е., Голиусова Ю. В. М., Кызыл : ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с. DOI: 10.31857/S013216250013770-0
23. Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 17–82.
24. Хоткина З. А., Доброхлеб В. Г., Русанова Н. Е. Гендерные проблемы в России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 135–149. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12
25. Чирикова А. Е. Женское предпринимательство в России: концептуальные подходы и направления исследований / Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: Русская панорама, 2002. 235–249.
26. Штроо В. А., Кольцова Е. А. Work life Balance, или есть ли жизнь после работы? // Психология в экономике и управлении. 2012. № 2. С. 30–37.
27. Alkhaleed S. Women’s Entrepreneurship in Saudi Arabia: Feminist Solidarity and Political Activism in Disguise? // Gender, Work and Organization. 2021. Vol. 28. P. 950–972. DOI: 10.1111/gwao.12626
28. Bayat A. Life as Politics: How Ordinary people Change the Middle East. Stanford University Press, 2013. 392 p.
29. Emslie C. and Hunt K. ‘Live to Work’ or ‘Work to Live’? A Qualitative Study of Gender and Work-Life Balance among Men and Women in Mid-Life // Gender, Work and Organization. 2009. Vol. 16. No 1. P. 151–172. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00434.x

Получено редакцией: 08.09.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Натсак Органа Доржуевна, кандидат философских наук,
ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.850

EDN: PCUGXZ

Women's Entrepreneurship in the Republic of Tuva: Motives, Barriers and Opportunities

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

For citation: Natsak O. D. Women's Entrepreneurship in the Republic of Tuva: Motives, Barriers and Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 68–93. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.850; EDN: PCUGXZ

Abstract. The article analyzes the gender characteristics of economic and entrepreneurial activity among the population of Tuva.

The transformation of the structure of the regional economy and the labor market in the post-Soviet period consisted in a significant reduction in the primary and secondary sectors due to the destruction of the agricultural and industrial complexes of Tuva, in which mainly men had been employed. During the socio-economic crisis of the 1990s, excessively feminized branches of the tertiary sector, such as education, healthcare, and social assistance, saved jobs. In addition, the higher level of education of women in the republic compared to men increased their adaptive capabilities in a crisis. For these reasons, a steady and long-lasting trend has begun in Tuva since the 1990s, in which women demonstrate greater economic activity compared to men, which does not coincide with global and Russian trends. The gender gap in favor of women in employment emerged also due to the general modernization processes in Tuvan society in the XX century, which resulted in the shaping of a new gender order and a new type of family with double income and two breadwinners.

The analysis of women's economic activity in general and entrepreneurship at the present stage has shown that women play a key role in the formation of a social group of entrepreneurs and owners of small and medium-sized businesses. A regional feature is that the share of entrepreneurship as a social community still remains insignificant in the social structure of Tuvan society. The fact that in the gender composition of individual entrepreneurs of Tuva, women slightly, but still quantitatively exceed the number of men, demonstrates the leveling of socio-cultural stereotypes associated with the historically established distribution of gender roles. The peculiarities of gender differentiation in economic activities are that women are represented in many areas that have traditionally been considered "male", that the gender-marked areas are practically absent. According to the opinion of women-entrepreneurs, there are no institutional, formal barriers to women's entrepreneurship in Tuva. At the same time, the general problems of poverty of the population remain relevant, causing difficulties in starting financial opportunities for the majority of the population, barriers of a socio-psychological nature.

Keywords: economic activity, employment, unemployment, self-employment, women's entrepreneurship, motivation and barriers

References

1. Akimova O. E. Motivational foundations of entrepreneurial activity in Russia. *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2013: 1: 131–138 (in Russ.).
2. Ananchenkova P. I. STEAM – freelancing: new opportunities for self-Employment of women. *Gendernoe izmerenie cifrovoj jekonomiki: ot strategii k dejstvuju (2018–2030): mat. Vseros. konf. s mezhd. uchastiem*, April 20-21, 2018 [The Gender Dimension of the Digital Economy: from Strategy to Action (2018-2030)]. IvSU. Ivanovo, IvGU, 2018: 131–134 (in Russ.).
3. Babaeva L. V., Chirikova A. E. Zhenshhina v biznese [A Woman in Business]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996: 3: 75–80 (in Russ.).
4. Barsukova S. Ju. Zhenskoe predprinimatel'stvo: specifika i perspektivy [Women's entrepreneurship: specifics and prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1999: 9: 75–84 (in Russ.).
5. Besschetnova O. V., Krekova M. M., Arzamasova E. L. Women's entrepreneurship in Russia: pro et contra. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2020: 10: 12: 3059–3074 (in Russ.). DOI: 10.18334/epp.10.12.111499

6. Voronkova A. I. Meta description of women's business engagement scenarios. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10: 4: 231–248 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618
7. Galljamov R. R. Features of women's entrepreneurship in modern Russia. *Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*, 2016: 3 (131): 56–67 (in Russ.).
8. Golenkova Z. T., Goliusova Ju. V. New social groups in modern stratification systems of global society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2013: 3 (03): 5–15 (in Russ.).
9. Gorshkov M. K. On the social results of post-soviet transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 11: 3–17 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007445-2
10. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. 12 lekcij po gendernoj sociologii: uchebnoe posobie [12 Lectures on gender sociology: a textbook]. St. Petersburg, EU v SPb., 2015: 768 (in Russ.).
11. Zdravomyslova O. M. Gendernye aspekty sovremennyh rossijskih transformacij: problemy metodologii issledovaniya [Gender aspects of modern Russian transformations: problems of research methodology]: Abstract of Diss. ...Dr. Philos. Sciences. Moscow. 2008: 50 (in Russ.).
12. Ilimbetova A. A. Alternative sources of data on the level of employment of Russian women in entrepreneurship. *Narodonaselenie*, 2019: 4: 4: 90–102 (in Russ.). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00041
13. Kolobova A. E. Women entrepreneurs of middle and older age: strokes to the portrait. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 2016: 1 (78): 51–59 (in Russ.).
14. Korobova O. O. Digital economy: prospects for creating new models of women's entrepreneurship. Gendernoe izmerenie cifrovoj jekonomiki: ot strategii k dejstvuju (2018–2030): materialy Vseros. konf. s mezhd. uchastiem, April 20–21, 2018 [The Gender Dimension of the Digital Economy: from Strategy to Action (2018–2030)]. IvSU. Ivanovo, IvGU, 2018: 64–68 (in Russ.).
15. Kosjakova Ju., Kurakin D. Do institutions matter? Professional gender segregation at the stage of entering the labor market in soviet and post-soviet Russia. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2016: 19: 9 (88): 127–145 (in Russ.).
16. Natsak O. D. Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tuva: trends and prospects. *Narodonaselenie*, 2021: 24: 2: 120–130 (in Russ.). DOI: 10.19181/population.2021.24.2.11
17. Pin'koveckaja Ju. S. Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii i zarubezhnyh stranah [Women's entrepreneurship in Russia and foreign countries]. Ulyanovsk: UIGU, 2020: 169 (in Russ.).
18. Radaev V. V. Once again about the subject of economic sociology. *Jekonomicheskaja sociologija*, 2002: 3:3: 21–34 (in Russ.).
19. Semenova Ju. A. Women's entrepreneurship in modern russian society: features and prospects. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Sociologija. Politologija*, 2014: 14: 2: 17–19 (in Russ.).
20. Sillaste G. G. Sociogendernye otnosheniya v period social'noj transformacii Rossii [Sociogender relations in the period of social transformation of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994: 3: 15–22 (in Russ.).
21. Soboleva I. V. Features of women's employment in the light of global trends in promoting gender equality. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*, 2019: 3–2: 108–112 (in Russ.). DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10448
22. Socio-stratification processes in the Republic of Tyva/ Ed. by Golenkova Z. T., Sushko P. E., Goliusova Ju. V. Moscow, Kyzyl, FNISTS RAN, 2020: 128 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013770-0
23. Utkina N. Ju. Objective and subjective factors of the development of women's entrepreneurship in Russia. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 2015: 1 (82): 17–82 (in Russ.).
24. Hotkina Z. A., Dobrohleb V. G., Rusanova N. E. Gender problems in Russia and the methodology of their analysis. *Narodonaselenie*, 2018: 21: 4: 135–149 (in Russ.). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12
25. Chirikova A. E. Women's entrepreneurship in Russia: conceptual approaches and research directions. Gender i jekonomika: mirovoj opyt i jekspertiza rossijskoj praktiki [Gender and economics: world experience and expertise of Russian practice]. Moscow, "Russkaja panorama". 2002: 235–249 (in Russ.).

26. Shtroo V. A., Kol'cova E. A. Work-life balance, or is there life after work? *Psihologija v jekonomike i upravlenii*, 2012: 2: 30–37 (in Russ.).
27. Alkhaleed S. Women's entrepreneurship in Saudi Arabia: feminist solidarity and political activism in disguise? *Gender, Work and Organization*, 2021: 28: 950–972. DOI:10.1111/gwao.12626
28. Bayat A. Life as politics: how ordinary people change the Middle East. Stanford University Press, 2013: 392.
29. Emslie C. and Hunt K. 'Live to work' or 'work to live'? A qualitative study of gender and work-life balance among men and women in mid-life. *Gender, Work and Organization*, 2009: 16: 1: 151–172. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00434.x

The article was submitted on: September 08, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Organa D. Natsak, Candidate of Philosophical Sciences, Academic Secretary of Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОИСК

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851
EDN: PPBYPK

К вопросу о концепции научно-образовательного знания в социологии¹

Ссылка для цитирования: Зборовский Г. Е. К вопросу о концепции научно-образовательного знания в социологии // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 94–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851; EDN: PPBYPK
For citation: Zborovsky G. E. To the question of applying the concept of scientific-educational knowledge in sociology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 94–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851; EDN: PPBYPK

Зборовский Гарольд Ефимович¹

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

garoldzborovsky@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 137655

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концепции научно-образовательного знания, мало разработанной в современной социологической науке. Предметом исследования является становление социологической концепции научно-образовательного знания, её основные характеристики и особенности взаимосвязи с отдельными видами знания, концепциями и отраслями социологической науки, их исследующими.

Статья состоит из двух основных разделов – историко-социологического обзора исследований образовательного знания и обоснования концептуального единства образовательного и научно-образовательного знания. В первом разделе характеризуются социологические исследования знания, в том числе образовательного. В этом ключе рассматриваются концепции О. Конта, М. Шелера, К. Манхейма, П. Бергера и Т. Лукмана. Автор обращает внимание на особенности образовательного знания и его связь с образовательными практиками, раскрытые в современных теориях профессионального образования. Эти теории представлены в работах британских исследователей Дж. Ферлонга, Г. Уитти, М. Янга, Дж. Мюллера, Дж. Хордерна, созданных на стыке с социологией знания и социологией образования. Обзор ранее выполненных исследований образовательного знания позволил выявить в них важные аспекты преемственности с современными концепциями. Во второй части статьи проанализировано концептуальное единство образовательного и научно-образовательного

¹ Данная работа продолжает исследование научно-образовательного знания, представленное в ряде работ [4, 5, 6, 7, 8].

знания. Выявлен основной понятийный ряд социологической концепции научно-образовательного знания, включающий понятия знания, образования, науки, образовательного знания, повседневного (обыденного) знания, социологического знания. В качестве центрального рассматривается понятие научно-образовательного знания. Среди отраслей социологии, для которых перечисленные понятия являются узловыми и выступают как категории, в статье рассмотрены социология знания, социология образования, социология науки, социология повседневности. Также в статье показано, что научно-образовательное знание формируется на стыке важнейших сфер деятельности: во-первых, научных исследований (научной работы), во-вторых, образования (учебной работы), в-третьих, производства, распространения и потребления особого типа знания, являющегося результатом взаимодействия субъектов науки и образования.

Ключевые слова: научно-образовательное знание, образовательное знание, повседневное знание, социология знания, социология образования, социология науки, социология повседневности, профессиональное образование, сообщества ученых и научно-педагогических работников, студенчество

Введение

В социологической науке знание является одним из наиболее распространённых объектов исследования. Анализу подвергается знание научное и обыденное, специализированное и повседневное, теоретическое и эмпирическое, практическое, донаучное, религиозное, художественное, мифологическое и др. Предметом данной статьи являются становление и основные характеристики социологической концепции научно-образовательного знания, её взаимосвязь с отдельными видами знания, концепциями и отраслями социологической науки.

В плане постановки проблемы статьи важно напомнить позицию Р. Мёртона, полагавшего, что понятие знания следует трактовать широко и видеть в нём «практически всю гамму продуктов культуры», а также рассматривавшего социологию знания как дисциплину, которая «интересуется, прежде всего, отношениями и взаимосвязями между знанием и другими факторами, существующими в обществе и культуре» [18, р. 456].

Социологическая наука откликнулась на растущий в обществе интерес к знанию с первых шагов своего становления в первой трети XIX в. (уже в работах О. Конта формулируется этот интерес). А в 1920-е гг. едва ли не первой отраслью нашей науки стала социология знания. Одним из её основателей, который ввёл в научный оборот название отрасли – *социология знания*, считается М. Шелер. Именно он предложил рассматривать знание как предмет социологического анализа, внося большой вклад в разработку самой отрасли.

С именем М. Шелера связано введение ещё одного термина, имеющего для нашей концепции ключевое значение, – *образовательное знание*. Но, в отличие от Шелера, характеризовавшего образовательное знание философии, мы исследуем образовательное знание как самостоятельный

феномен и выделяем в качестве его вида образовательное знание социологии. Именно такой подход является методологическим основанием рассмотрения в нашей статье концепции научно-образовательного знания.

Прежде всего остановимся на понимании того, что есть научная концепция. Мы принимаем интерпретацию концепции, согласно которой она выступает как «определённый способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности» [3, с. 625]. Научная концепция представляет собой комплекс идей, представлений, направленных на объяснение каких-либо явлений и процессов.

Концепция – это развитая система взаимосвязанных понятий, гипотез, способа объяснения целого класса объектов, система доказательств, выводов, связь (и взаимосвязь) с другими концепциями в рамках данной парадигмы и за её пределами [9, с. 46]. Содержание концепции выводится из некоторой совокупности утверждений и понятий – её исходного базиса.

Прежде всего выделим основной понятийный ряд, элементы которого будут присутствовать при рассмотрении социологической концепции научно-образовательного знания. Среди них: знание, образование, наука, образовательное знание, повседневное (обыденное) знание, социологическое знание. В качестве центрального нами рассматривается понятие *научно-образовательного знания*.

Важная особенность научно-образовательного знания состоит в том, что оно стремится трансформировать достижения науки в достояние людей, её изучающих, как на теоретическом, так и практическом уровне. Процесс усвоения и освоения студентами сложного знания может стать успешным при условии трансформации и интеграции нового научного знания в знание научно-образовательное, учитывающее потребности и возможности существующего уровня образования в данной отрасли науки. Концептуальный анализ научно-образовательного знания требует историко-социологического обзора созданных ранее концепций знания, в том числе образовательного, и характеристики некоторых современных трактовок этого вида знания, представленных в теориях образования. Далее обратимся к обзору предшествующих исследований.

Историко-социологический обзор исследований образовательного знания

*От «позитивного знания» О. Конта
к «образовательному знанию»
и социологии знания М. Шелера*

Идея единства и взаимосвязи знания, науки и образования появилась на заре социологии. Одним из первых развивал эту идею О. Конт. В соответствии с его концепцией позитивистской социологии он рассматривал связь между знанием, наукой и образованием под эгидой «позитивизма».

тивного знания». В работе «Дух позитивной философии» он понимал под ним реальное и полезное, строгое и точное, обоснованное и достоверное знание о природе и обществе [10, с. 39–40].

Учение О. Конта свидетельствует о том, что он пытался соединить некоторые идеи знания, науки, образования для решения практических задач развития капиталистического общества. И только спустя 100 лет появилась социология знания как отдельная отрасль науки. В её развитии большую роль сыграли взгляды М. Шелера, имеющие прямое отношение к проблематике знания, образования, науки, их взаимосвязи. Основные работы Шелера по социологии знания – «Проблемы социологии знания» (1924–1926), «Формы знания и общество» (1926) – были написаны им в последние годы жизни (хотя, по признанию самого автора, оказались результатом его десятилетних занятий)¹.

Рассматривая всякое знание под углом зрения его зависимости от социальных обстоятельств, М. Шелер утверждал, что любое знание имеет социологический характер: «...не подлежит сомнению социологический характер всякого знания, всех форм мышления, созерцания, познания...» [12, с. 114–115].

Задача социологии, по Шелеру, заключается в том, чтобы рассматривать знание как совокупность разнообразных представлений: научных, философских, религиозных, мистических. Отсюда вытекает классификация знания Шелера, выделение в нём трёх типов знания – научно-позитивного, метафизического и религиозного. Знание ради господства, или деятельностное знание позитивных наук, составляет содержание первого типа; знание ради образования, или образовательное знание философии – содержание второго типа; знание ради спасения, или религиозное знание – содержание третьего типа. Эти три типа получили наименования позитивного, метафизического и религиозного знания. Различия между ними касаются социальных форм, мотивации, познавательных актов, целей познания, образцовых типов личностей, форм исторического движения [12, с. 137–139].

Концепция знания М. Шелера и обоснование им предмета социологии знания как особой отрасли социологической науки сыграли важную роль в её конституировании. Подчёркивая роль учёного в этом процессе, необходимо обратить внимание на то, что в интересующем нас контексте связи социологии знания и образования М. Шелер сформулировал идею особого вида знания – философско-образовательного, или образовательно-философского.

Взаимосвязь знания и образования в социологии К. Манхейма

Новый этап изучения связи знания и образования, социологии знания и социологии образования охватывает конец 1920-х – 1940-е гг. Определяющую роль в нём сыграло творчество К. Манхейма. Есть все

¹ На русскоязычный перевод работы «Формы знания и общество» (автор – А. Н. Малинкин), опубликованный в «Социологическом журнале», мы будем ссылаться далее.

основания определить его вклад в развитие и социологии знания, и социологии образования как значительный, тем более что трактовка и той, и другой отрасли осуществлялась Манхеймом с единых методологических позиций. Он сделал важный шаг в развитии отраслевой социологии, способствуя интеграции обеих отраслей социологической науки на основе их методологического сближения.

В своих работах – «Идеология и утопия. Введение в социологию знания» (1929) и «Диагноз нашего времени» (1943) – Манхейм раскрыл основные идеи социологии знания и социологии образования. Главную задачу социологии знания он видел в её нацеленности на перестройку социального мышления. Рядом с этой задачей стояло стремление социологии знания способствовать трансформации процессов в сфере образования.

С этой точки зрения важную роль играли интерпретации Манхеймом многих проблем взаимосвязи как знания и образования, так и социологического знания и социологического образования. Здесь прослеживается линия этой связи между знанием и образованием, которую мы прокладываем в анализе творчества социологов (от Дюркгейма до Манхейма). Имея одинаковые крайние пункты связи – знание и образование, – сама линия в одном случае шла от образования к знанию (у Дюркгейма), в другом случае, наоборот – от знания к образованию (у Манхейма). Причём Манхейм обращал внимание на роль знания, прежде всего социально-гуманитарного и социологического, в развитии образования. Вместе с тем оба учёных рассматривали комплекс проблем знания и образования с общей методологической позиции – социальной обусловленности того и другого.

Необходимо отметить три важные позиции К. Манхейма, в которых раскрывается его социологический подход к образованию: 1) образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и именно для него; 2) наилучшей образовательной единицей для исследований и практической деятельности является не индивид, а группы, которые различаются размерами, целями, функциями и вырабатывают различные модели поведения; 3) цели образования не могут быть по-настоящему поняты, будучи изолированы от конкретных ситуаций, в которые попадают группы, и от общественного строя, в котором они формируются [11, с. 479].

Исследователь говорит о необходимости учитывать специфику общественного строя и социального контекста образования, которое выступает как часть общего социального процесса.

К. Манхейм считал, что в изучении обучения и воспитания социология и социологическое знание играют особую роль. Эта проблема стала центральной в его небольшом, но очень важном тексте под названием «Некоторые причины, вызывающие необходимость социологической интеграции в образовании». В нём ставится вопрос о необходимости изучения социологии и ее использовании преподавателем, прежде всего учителем школы, поскольку владение социологическим материалом

позволит ему превратить обучение и воспитание учащихся из абстрактного в конкретный процесс, готовить их к реальной жизни в обществе. Чтобы достичь этой цели, учителю необходимо усвоить четыре наиболее значимых социологических курса. Это социология образования, наука о человеческом поведении, социология культуры, курс социальной структуры.

Социология, по мнению Манхейма, становится важным средством понимания глубинных общественных (в том числе культурных и моральных) процессов, объясняющим конфликты и показывающим пути их преодоления. В этом смысле социология выступает средством гуманизации образования, которое само может активно влиять на понимание общества.

Завершая характеристику взглядов К. Манхейма на социальные проблемы образования, роль социологии в профессиональной деятельности педагога, приведём слова учёного: «Роль социологии состоит в первую очередь в том, что она помогает учителю преодолеть обособленность и ограниченность схоластической концепции образования, ориентируя обучение на нужды общества. Во-вторых, социология открывает возможность скоординировать процесс обучения с влияниями внешкольных учреждений, т. е. семьи, церкви, а также общественного мнения, социальных служб» [11, с. 466–467]. Из текста и контекста сказанного видно, какое значение придавал К. Манхейм социологическому знанию и практикам его использования в различных сферах социальной жизни, начиная со школьного и внешкольного образования и кончая работой социальных служб.

Взаимосвязи между знанием и образованием, социологическим знанием и социологическим образованием, социологией знания и социологией образования как отраслями социологической науки, открытые и показанные К. Манхеймом, и сегодня представляют научный интерес для тех, кто изучает вышерассмотренные проблемы.

Повседневное знание, его социализация и образование в феноменологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана

Завершая историко-социологический экскурс проблем знания, науки, образования, остановимся на феноменологической характеристике знания и связанных с ним социализации и образования в концепции П. Бергера и Т. Лукмана. Отметим широкий подход учёных к трактовке знания. В их понимании знание – это не только теоретическое мышление. Они исходили из того, что для подавляющего большинства людей главное значение приобретает знание повседневной реальности. Поскольку под знанием П. Бергер и Т. Лукман понимали, прежде всего, повседневное знание, то им они считали такое «знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [2, с. 44].

Представители феноменологической парадигмы определяли предназначение социологии знания: «социология знания прежде всего должна заниматься тем, что люди “знают” как “реальность” в их повседневной, не- или дотеоретической жизни. Иначе говоря, скорее повседневное знание, чем «идеи», должно быть главным фокусом социологии знания» [2, с. 31]. Отсюда следует ещё одно принципиальное положение, заключающееся в том, что «социология знания должна иметь дело с социальным конструированием реальности» [2, с. 31], и важно выяснить, как эта реальность конструируется простыми людьми, а как – учёными. По мнению последних, в этом и состоит предмет социологии знания.

Они рассматривали два вида социализации – первичную и вторичную. Первая охватывала детство и включала не только когнитивное обучение, но конструирование мира индивида, обладавшего важным качеством – устойчивостью. В этом мире у ребёнка происходит интернализация значимых для него идей. По мнению Бергера и Лукмана, первичная социализация есть средство обеспечения самого прочного мира, более прочного, чем тот, который конструируется в процессе вторичной социализации [2, с. 219]. Социализация несёт с собой понимание роли и места знания, определяющего её успешность.

Анализ распределения знания в связи с социализацией выводит Бергера и Лукмана на проблемы развития современного образования [2, с. 238–239]. Особое значение здесь приобретает вопрос о характере образования. Интересным становится различие между двумя видами образования, рассматриваемое учёными, – инженерным и музыкальным: «Инженерное образование можно получить в процессе формального, весьма рационального, эмоционально нейтрального обучения. Музыкальное же образование обычно включает более высокую степень идентификации с маэстро и гораздо более глубокое погружение в реальность музыки. Это различие – результат внутренних различий между инженерным и музыкальным знанием, а также между образами жизни, соответствующими этим двум системам знания» [2, с. 235].

Подход данных авторов является нетривиальным. Конкретный вид образования они старались рассматривать в тесной связи со спецификой определенного вида знания и образом жизни, который соответствовал бы ему. Как видно, проблема соотношения образования и знания приобретает особый характер. Такой подход к этой проблеме так и не был принят ни в зарубежной, ни в отечественной литературе (хотя он, по нашему мнению, должен представлять интерес для специалистов).

П. Бергер и Т. Лукман предлагают трактовку дифференциации профессионального образования, в основе которой лежит феноменологическая социология знания. В соответствии с ней реальность социального мира есть не что иное, как совокупность знаний о нём, а конструирование этой реальности осуществляется на их основе. Тогда профессиональное образование и его структура должны рассматриваться в качестве результата развития знания и его дифференциации, но не как следствие развития труда и производства.

Как итог интерпретации взглядов П. Бергера и Т. Лукмана отметим, что их концептуальные позиции, касающиеся взаимосвязи знания и образования, представляются нам чрезвычайно важными. По сути, они выступают как дальнейшая разработка (вслед за М. Шелером и К. Манхеймом) идей образовательного знания и его роли в социализации личности.

Образовательное знание в современных теориях профессионального образования

Образовательное знание – проблема, волнующая не только представителей социологии, но и. Проявляют к ней интерес исследователи современного профессионального знания и высшего образования, поскольку она затрагивает отношения между различными формами и видами образовательных знаний и практик. Так, большую роль в изучении этих отношений, а также трактовки взаимосвязи между специализированными и неспециализированными знаниями и практикой сыграли работы английской школы образовательного знания [14; 19].

Необходимо обратить внимание на анализ английскими исследователями отношений между формами знания и их социальностью [19]. Они используют социологию знания с точки зрения наличия в ней неразрывной связи между социальным и эпистемологическим началом в характеристике самого знания, его структуры и социальными и профессиональными процессами, посредством которых формируется это знание [19]. Среди этих процессов центральное место занимают образовательные практики, имеющие не только академический, но и профессиональный характер.

Следуя позициям М. Янга, Дж. Мюллера, Дж. Ферлонга, Г. Уитти, Джим Хордерн утверждает, что «изучение характера образовательных знаний выигрывает от исследования отношений между специализированными и неспециализированными формами знаний и акцента на различении форм образовательной практики с точки зрения их основополагающего социально-эпистемологического характера» [15].

При этом под специализированными образовательными знаниями он понимает знания, непосредственно связанные с образовательной проблематикой и имеющие отношение к образовательной практике, а под неспециализированными – знания, напрямую не связанные ни с той, ни с другой. Наиболее ценными считаются специализированные образовательные знания, поскольку с их помощью осуществляется концептуализация образовательной практики как специализированной деятельности, для которой необходимы систематические знания [17].

В последнее время проблема образовательной практики не меньше, чем образовательное знание, привлекает интерес исследователей. Хордерн определяет её как «множество понятий, концепций, эмпирических правил, суждений и различных уровней приверженности истине и обоснованности» [15]. По его мнению, образовательная практика представляет

собой «плавильный котёл», в котором образовательные идеи применяются, адаптируются, тестируются, отвергаются, возникают и сохраняются в различных формах [16].

Исследователи обращаются к двум основным типам образовательных практик – академическим и профессионально ориентированным (приводящим к получению непосредственной экономической выгоды). По сути, речь идёт о дисциплинарно ориентированных знаниях и тесно связанных с ними практиках [13].

Рассматривая эту проблему, Хордерн пишет, что «есть такие традиции образовательных знаний, которые намеренно избегают академических знаний, считая их бесполезными или даже подрывными. Они действуют на основе логики “что работает”, т. е. насколько знания и их производители “соответствуют” рыночным императивам. Если вы можете показать, что ваши “знания” имеют прямое практическое применение и обеспечивают результаты, которые отвечают одобрению власть имущих в университетах, тогда они становятся действительными. Производители знаний соревнуются не за достижение истины, а за то, чтобы сделать свою работу доминирующей на рынке, поскольку от этого может зависеть их репутация и средства к существованию. Это противоречит академическим подходам к утверждению истины и достижению консенсуса в отношении ценности знаний» [15].

Дискуссия о соотношении специализированного и неспециализированного образовательного знания и соответствующих им практик продолжается. Она является отражением продолжающихся споров о преимуществах той или иной модели управления в западном высшем образовании и использовании ею образовательного знания в своих интересах [1]. Благодаря изменениям в характере образовательного знания и образовательных практик, их трактовок само это знание покидает прочные до настоящего времени академические границы и переходит из сугубо теоретической в профессиональную сферу.

Проведённый нами историко-социологический обзор исследований образовательного знания позволил выявить в них важные аспекты преемственности с современными его концепциями. В этом заключался авторский замысел – показать, что новые теории и концепции опираются на уже сделанное в социологической классике и близких к ней образовательных теориях. Главный вывод из проведённого анализа состоит в обнаружении стремления учёных далёкого – и не очень – прошлого определить связи между концептами знания, образования, науки и соответствующими им отраслями социологии.

Концептуальное единство образовательного и научно-образовательного знания

Впервые мы обратились к проблеме образовательного знания 25 лет назад [8]. Тогда в нашем понимании его трактовка базировалась на некоторых промежуточных позициях. С одной стороны, оно вклю-

чало в себя черты упрощения научного знания, его редукции к отдельным положениям науки, адаптации к обыденному знанию. С другой стороны, оно содержало в себе аспекты повседневного знания, на которое наслаивались элементы научных представлений по конкретному предмету, и использовался соответствующий язык [8, с. 14]. Поэтому образовательное знание понималось как особый вид знания, не являющийся ни научно специализированным, ни обыденно-жизненным. Это было то самое знание, трансляция которого являлась функцией преподавателя (учебника) и которое интериоризировалось учащимся (школьником, студентом). Как видно, при определении понятия «образовательное знание» был использован принцип «Definición per negatio» (определение через отрицание). Конечно, это был не лучший вариант характеристики базового понятия. Но тогда проблема только ставилась, и задача состояла в том, чтобы обратить внимание на необходимость её изучения.

Десять лет назад мы вновь обратились к анализу образовательного знания [4; 6; 7]. Взгляд на него изменился. Выросло значение проблемы, её прикладной разработки и применения знания в социологии. За 15 лет развития социологической науки и практики, социологического образования в России, издания большого количества научной, учебной и методической литературы, использования образовательных возможностей СМИ, социальных сетей было сделано немало для формирования образовательного знания в социологии.

Наряду с применением зарубежного опыта преподавания и изучения социологического знания стал накапливаться и отечественный. Появилось понимание этого вида знания как связующего механизма между научным, культурным и повседневным знанием. В 2010-е гг. в процесс трактовки образовательного знания активно включилась социологическая субдисциплина: социология образования, зарубежные и отечественные представители которой раскрыли соотношение между образованием как формой и знанием как её содержанием. Значительный шаг вперед состоял в том, что внимание уделялось рассмотрению специфики образовательного знания социологии сквозь призму как его содержания, так и формы. Это повлекло за собой изучение структуры образовательного знания социологии. А вслед за ним была поднята проблема трансляции достижений социологической мысли и практики субъектам образования с учётом определённых уровней восприятия и использования этих достижений.

Рассматриваемый вид знания в последние годы особенно интересуют социологию – и как науку, и как комплекс вузовских дисциплин и образовательных программ, и как широкую практическую деятельность, связанную с изучением общественного мнения. Вместе с тем возникают определённые ограничения в распространении социологического знания, связанные с обострением международной и внутренней экономической и социальной обстановки, разрывом научных и образовательных связей между Россией и рядом западных стран.

В последние годы в развитии научно-образовательного знания происходят перемены, и не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Немалую роль в этом процессе сыграли трансформации в науке и образовании, появление в них новых информационных технологий, с одной стороны, и вмешательство пандемии коронавируса в образовательный процесс – с другой. Образованию пришлось искать новые пути и технологии, связанные с дистанционным и онлайн-обучением. Одна из главных новаций состоит в активном внедрении науки и цифровизации как научно-технологического феномена в происходящие трансформации высшего образования. Она влечёт за собой развитие не только образовательного, но и научно-образовательного знания.

Далее мы рассмотрим некоторые проблемы этого развития, связанные с потребностями в научно-образовательном знании и его концептуализацией.

Что даёт введение категории научно-образовательного знания, чем это знание отличается от научного, во-первых, от образовательного, во-вторых? Употребляя эту категорию, мы исходили не из желания расширить существующий понятийный ряд анализа знаниевого процесса, обогатить его ещё одной новой трактовкой, но из стремления отразить имеющуюся реальность происходящего в сфере производства и использования научного знания. Дело в том, что исследователи, создающие новое знание, чаще всего не думают об учащих, студентах, которые на определённом этапе обучения вынуждены будут с ним столкнуться. Свою задачу они видят в том, чтобы результаты их исследования стали достоянием коллег-учёных, разрабатывающих аналогичные проблемы. Сложность и специфика конструируемого ими знания вряд ли может стать понятной будущим специалистам для овладения им в том виде, в котором оно создано и опубликовано в научных журналах.

Между тем современная вузовская подготовка требует освоения и усвоения студентами нового знания, которое реально может осуществиться благодаря его интеграции в существующую систему образования, овладение языком науки, доступным для понимания учащихся.

Что собой представляет научно-образовательное знание? В самом общем виде под ним следует понимать вид знания, возникающего на уровне взаимосвязи научного и образовательного (в том числе учебного) знания, создаваемого в процессе взаимодействия между его основными субъектами – научными работниками, преподавателями и студентами и появляющегося в ходе исследования научной (научно-практической, образовательной, педагогической) проблемы, поиска путей её решения и получения научно обоснованного результата. Ранее мы пытались дать несколько иное определение понятие научно-образовательного знания [5].

Научно-образовательное знание формируется на стыке важнейших сфер деятельности: научного исследования (научной работы), образования (учебной работы), производства, распространения и потребления особого типа знания, являющегося результатом взаимодействия субъектов науки и образования. Этот особый тип знания и есть рассматриваемый социальный феномен.

Поскольку речь идёт о составном характере научно-образовательного знания, понятно, что оно несёт в себе черты и научного, и образовательного знания в их единстве, взаимосвязи, взаимодействии и взаимопроникновении. Научное знание, трансформирующееся в научно-образовательное, вбирает в себя функции образовательного знания, становится целеориентированным на превращение в объект и предмет освоения благодаря деятельности учёных и педагогов, воздействию научных монографий и статей, превращению их положений в текст учебников и учебных пособий, в содержание лекций, семинаров и практических занятий. Образовательное же знание взаимодействует с научным для передачи ему учебных задач и получения взамен результатов научного творчества, как теоретических, так и эмпирических, методических рекомендаций по усвоению нового знания, пробуждения интереса у студентов к научным исследованиям.

Характерным примером «перевода» научного знания в научно-образовательное может служить использование объяснительных схем и категориального аппарата той или иной теории для рассмотрения проблем поля будущей профессиональной деятельности студентов. Так, введение в специальность у будущих публичных политиков или политтехнологов базируется на таких ключевых научных теориях, как публичная социология М. Буравого, концепции постправды, сетевой коммуникации или социального конструирования и многих других. При этом предметом изучения становятся не сами концепции или теории во всей их сложности, а способ использования их для понимания сути конкретных социальных и политических проблем профессиональной деятельности и инструментов их решения. В этом и состоит специфика превращения знания научного в научно-образовательное.

Студенты изучают научно-теоретическое знание, превращённое в научно-образовательное, не как результат эволюции социологии или политологии, значимый сам по себе, а как некую когнитивную технологию, позволяющую им на практике, по словам одного из преподавателей, «с помощью теории Карла Маркса забивать гвозди в здание общества всеобщего благосостояния».

С этой точки зрения студенту не нужно погружаться в научную дискуссию по поводу того, как развивались теории постправды или сетевые теории, какие их варианты наиболее обоснованы или, наоборот, имеют ограничения. Цель и задачи образовательного процесса востребуют только те элементы широкой и сложной теории, которые на данный момент способны объяснить студенту суть профессионально значимых явлений. Так, скажем, изложение элементов концепции постправды или социального конструирования позволяет публичным политикам и политтехнологам усвоить, с одной стороны, конструирование как способ профессиональной деятельности (создание социальных и политических конструктов и оперирование ими), а с другой стороны, сформировать понимание этических ограничений и основ социальной ответственности в выбранной профессии.

Наконец, теория публичной политики, опрокинутая в сферу образования, определяет выбор студентами образовательной и профессиональной траектории. Изучая понятие публичной политики на основе зарубежных теорий, студенты формируют представление о мультифункциональности сферы профессиональной деятельности и, соответственно, расширяют её от политики в узком смысле до организаций «третьего сектора» и ГМУ. Если изучение основ профессиональной деятельности базируется на российских теориях, то публичная политика и, соответственно, профессиональная подготовка к ней сужаются до государственной и муниципальной службы. Таким образом, содержание и направленность теории публичной политики как разновидности научного знания превращается в научно-образовательное знание – основу профессионального обучения.

Научно-образовательное знание является прямым следствием одного из видов научной деятельности – научно-педагогической, хотя и другие виды научной деятельности (научно-исследовательская, научно-организационная, научно-информационная, научно-вспомогательная) также повлияли на его возникновение, становление и развитие. При рассмотрении этой проблемы могут возникнуть вопросы, связанные с качеством научно-образовательного знания. Так, не всегда достигается нужный результат – усвоенность студентами знания, который может оказаться следствием недостаточного качества учебника, его сложности и непонятности (на что они нередко жалуются).

Научно-образовательное знание, рождаясь в процессе научно-педагогической деятельности, представляет собой взаимодействие трёх типов образовательных общностей – учёных, преподавателей, студентов. Субъектами научно-образовательного знания становятся все эти три социальные общности, его инструментами – научная и учебная (учебно-методическая) литература, СМИ, социальные сети, формами и каналами взаимодействия – образовательные и научные организации (учебные заведения), специальные коллективы, создающие и распространяющие научно-образовательное знание.

Три понятийно взаимосвязанных феномена – знание, образование, наука – формируют тот категориальный ряд, который становится «клеем» для блока отраслевых социологий – социологий знания, образования, науки. Другими словами, научно-образовательное знание – это базовая, интегративная категория, которая скрепляет три феномена и превращается в основу взаимосвязи как минимум трёх отраслевых социологий.

Необходимо подчеркнуть, что в анализе научно-образовательного (равно как и просто образовательного) знания важно иметь в виду не только образовательное и научное знание, но и знание обыденное, повседневное, житейское, а среди отраслей социологии – ещё одну отрасль, которую определяют как социологию повседневности.

Повседневное (обыденное) знание является основой образовательного знания. Обыденное знание создаётся за счёт использования опыта повседневной жизни людей, содержащегося в нём здравого смысла.

Образовательное знание возникает не только вследствие необходимости превращения достижений науки и культуры в повседневное знание. Не меньшую роль в его развитии играют интересы тех его субъектов, чей повседневный образ жизни порождает потребности в этом знании.

Если представить себе «пирамиду» знания, включающую в себя названные его виды, то в качестве её основания мы увидим повседневное знание. Надстройкой окажется образовательное знание, а на верху «пирамиды» – научно-образовательное знание, которое вбирает в себя и быденное, и образовательное знание. Основными элементами этой «пирамиды» выступают образовательное и научно-образовательное знание.

Категория «образовательное знание» предполагает связь двух терминов-понятий – образования и знания, определяемую их единством, предполагающим рассмотрение первого как формы, второго – как её содержания. Отсюда возникает вопрос о том, насколько образование может рассматриваться в качестве хорошо налаженного механизма передачи знаний. Вопрос не простой и не однозначный. Ответ на него определяется целым рядом факторов, одни из которых относятся к качеству образования, другие – к качеству создаваемого и приобретаемого знания. Конечно, эти факторы взаимосвязаны и взаимозависимы; результатом их взаимодействия становится личность, подготовленная к выполнению социальных и профессиональных функций.

Присутствующее в образовательном знании научное знание воспроизводится, хотя далеко не всей палитрой понятий, терминов, суждений, умозаключений, гипотез. Передаётся лишь внешняя канва и то, что доступно сознанию, не «замутнённого» сложной научной символикой, логикой проникновения в суть проблемы, поиском путей их решения и т. д. Следовательно, под образовательным знанием можно понимать знание, разделяемое педагогами и учащимися в привычной самоочевидной обыденности учебных занятий. Это знание, возникающее в результате взаимодействия других видов знания (научного, культурного, быденного), предстающее как взаимосвязь фактов, суждений, отдельных положений, утверждений, концепций.

Рассматривая отличия научно-образовательного знания от образовательного, отметим некоторые из них. Так, эти виды знания реализуются в разных типах и формах, на разных уровнях образования. В отличие от образовательного знания, характерного в основном для дошкольного, школьного, среднего профессионального образования, научно-образовательное знание является «начинкой» высшего образования и – редко – специализированного образования в старшей школе.

Если образовательное знание означает передачу информации и обучение посредством учебника, научно-популярной литературы, то научно-образовательное знание – путём передачи научного знания, его разработок, их внедрения в учебный процесс. Основным способом передачи и использования научного содержания образовательного знания является изучение статей из научных (специализированных по соответствующим областям знания) журналов, занятия со специалистами – теоретиками и практиками.

Применительно к социологии в этом плане можно утверждать следующее. Учитывая характер и содержание образовательных программ, а также то, что эта наука изучается только в высшей школе, равно как и образовательные социологические практики реализуются только на уровне высшего образования, мы можем говорить о том, что специфика научно-образовательного социологического знания воспринимается лишь на уровне университетского образования и до повседневного, обыденного знания, как правило, не доходит.

Следовательно, научно-образовательное знание отличается от образовательного тем, что сферой его внедрения является высшее образование, в отличие от образовательного знания, сферой которого выступают иные виды образования – дошкольное, школьное, дополнительное. Основой образовательного процесса в вузе выступает активное внедрение в него научной основы: понятийной, методологической, теоретико-концептуальной, эмпирической и иной. Студенты в вузе должны изучать не только и не столько основы научного знания в какой-либо дисциплинарной области, сколько саму науку в её системном виде. Главными субъектами создания такого научно-образовательного знания являются деятели науки и научно-педагогические работники. Их труд сопровождается или должен сопровождаться созданием и использованием методического инструментария как необходимого приложения к основному продукту – учебнику, учебному пособию, в целом учебно-методическому комплексу дисциплины.

Научно-образовательное знание базируется на стремлении его субъектов превратить специализированное (научное) знание в образовательное с последующим переводом на язык обыденного, повседневного знания, т. е. осуществить процесс, обратный тому, который мы рассматривали при конструировании «пирамиды» знания. Это знание помогает осмыслить сложные научные проблемы с помощью его адаптации к содержанию образовательного процесса. Оно создаётся как учёными, так и педагогами и студентами для лучшего понимания и использования. Научно-образовательное знание характеризуется особым языком, в котором присутствуют три вида терминологии: научная (научно-специализированная), педагогическая (учебно-образовательная), обыденная (терминология повседневного языка с использованием знакомой студенту научно-образовательной лексики).

Таким образом, выявляется два ряда основополагающих понятий и два ряда отраслей социологии, отражающих эти три центральных понятия как отраслеобразующие: знание, образование, наука и социологии знания, образования, науки.

Социология знания (sociology of knowledge, sociology of epistemology) – отрасль социологии, в рамках которой изучается проблематика социальной природы знаний. Предметом отрасли является: 1) изучение знания в качестве объективного процесса (производства, функционирования, распространения, освоения, овладения, использования и т. д.); 2) исследование отношения к нему социальных субъектов знания – его создателей, потребителей, распространителей.

Социология образования (sociology of education) – это отрасль социологии, в рамках которой изучаются образование как социальный институт и социальная система, его функции в обществе и взаимосвязи с другими общественными институтами и системами.

В рамках названной отрасли социологии изучаются реальные и возможные практики образования, реализуемые конкретными социальными общностями в учебных заведениях, исследуются их потребности, интересы, ценностные ориентации, мотивы поведения в связи с образовательной и воспитательной деятельностью, взаимодействием этих общностей в рамках ее различных способов и видов. К предмету социологии образования мы относим также взаимодействия этих общностей с теми институтами, системами, структурами и организациями государства и гражданского общества, которые осуществляют определённую политику в отношении образования.

Социология науки (sociology of science) – это отрасль социологии, изучающая науку как определённую сферу творческой человеческой деятельности. Предметом отрасли является выработка, накопление и теоретическая систематизация научного знания, его использование в практической деятельности.

Важная особенность научно-образовательного знания состоит в том, что оно стремится трансформировать достижения науки в достояние людей, её изучающих, как на теоретическом, так и практическом уровне. С этой точки зрения привлекает интерес стремление учёных соединить образовательное знание и образовательные практики [16].

По всей видимости, научно-образовательное знание обладает спецификой применительно к каждой крупной группе наук и образовательных программ – естественно-научных, инженерно-технических, социальных, гуманитарных. Учитывая ограничения объема статьи, её научный профиль и профессиональный опыт автора, приведём пример научно-образовательного социологического знания.

Оно возникает как вид знания в XIX в. в связи с утверждением капитализма и появлением социологической науки. Это происходит в тот период ее развития, когда осуществляется её дисциплинарная идентификация, когда вследствие появившейся общественной потребности в социологии этой становящейся науке начинают учить в европейских и американских университетах. Делают это получившие социальное признание пока немногочисленные «знатоки», а овладевают социологическим научно-образовательным знанием студенты, проявившие интерес к нему.

Научно-образовательное социологическое знание характеризует определённый способ мышления, видения и представления мира и общества, изучения людей в нем. Это знание – свидетельство широты охвата объекта и предмета социологии. Как утверждал Э. Гидденс, «границы социологии предельно широки, простираясь от анализа столкновений между передвигающимися по улице людьми до исследования глобальных социальных процессов» [15, р. 8].

В связи с трактовкой специфики рассматриваемого вида знания возникает два вопроса: 1) способно ли научно-образовательное социологическое знание быть тождественным естественно-научному знанию, быть с ним в одном ряду? 2) может ли это знание давать такой же точный результат в изучении общественных процессов, какой даёт естественно-научное образовательное знание в исследовании природных? В ответах на эти вопросы есть и позитивные, и негативные моменты. Позитивная сторона состоит в том, что научно-образовательное социологическое знание использует как общенаучные методы, логические аргументы, количественные закономерности, так и данные математики, теории вероятности, статистики и др. Отсюда – строгие, не уступающие естественно-научному знанию результаты. Вместе с тем научно-образовательное знание социологии касается не физических объектов, а людей, социальных групп, их мнений и оценок. Здесь вряд ли возможно говорить о точном и строгом социологическом анализе предмета исследования.

Есть ещё одна важная особенность научно-образовательного социологического знания: оно требует отказа от обыденного мнения, выражаемого словами «Факты говорят сами за себя», что нередко можно увидеть на страницах социологических работ. Реально они никогда не «говорят сами за себя», а всегда нуждаются в проверке и особой интерпретации. И только после этого они начинают что-то «говорить».

Научно-образовательное социологическое знание означает необходимость включения в него как можно больше элементов научного изучения общества, его структур, конкретного социума, их трактовок и исследований – таких, в которых хотели и могли бы принимать участие студенты вместе и под руководством профессиональных и квалифицированных социологов – ученых и педагогов. Это знание подразумевает включение студентов в определение актуальности темы, ее проблематизацию, выявление новизны, написание хотя бы части литературного обзора, поиск современных достижений социологической и смежной с ней литературы по интересующей проблеме. При этом чем больше достижений современной науки будет содержаться в научно-образовательном знании, тем более эффективным окажется процесс социологического образования в целом.

Заключение

В данной статье была предпринята попытка обоснования концепции научно-образовательного знания, которое сегодня играет ведущую роль в развитии высшего образования и формировании специалиста нового типа. Обращалось внимание на потребность в этом виде знания в связи с переходом к новому этапу развития науки и образования и необходимость его исследования.

Нами предложено определение указанного вида знания, показаны его отличия от знания научного и образовательного. Рассматривались также суть концепции научно-образовательного знания, её понятийный

ряд, связь с другими социологическими концепциями знания в целом, научного и образовательного знания в частности, место предлагаемой концепции в отраслевом ряду социологической науки. Акцент в статье был сделан на специфике социологического научно-образовательного знания. Отмечалось, что в перспективе анализ целого пласта теоретического и эмпирического научно-образовательного социологического знания позволил бы развить и углубить представленную концепцию.

Особого внимания требует формирование социологического научно-образовательного знания в связи с ситуацией глобального и локального политического, социального, экономического кризисов, ослаблением и разрывом международных научных и образовательных связей, усилением интеллектуальной изоляции, необходимостью мобилизации ресурсов во всех сферах жизни российского общества. Названные в данной работе и иные направления анализа, в силу своей актуальности, научной и практической значимости, могли бы составить комплекс перспективного развития научно-образовательного социологического знания.

Библиографический список

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Университетское управление в зеркале западной социологии высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 5. С. 37–66. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-5-37-66
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 232 с.
3. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. 862 с.
4. Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2013. 484 с.
5. Зборовский Г. Е. Научно-образовательное знание как знаниевая основа нелинейной модели высшего образования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 19–31.
6. Зборовский Г. Е. Образовательное знание как проблема социологии // Социологические исследования. 2012а. № 2. С. 12–20.
7. Зборовский Г. Е. Социологическое знание и образование: проблемы взаимосвязи // Социологические исследования. 2012б. № 8. С. 41–48.
8. Зборовский Г. Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 3–17.
9. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. 364 с.
10. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 7–94.

11. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
12. Шелер М. Формы знания и общество. Сущность и понятие социологии культуры // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 122–160.
13. Furlong J. Education: an anatomy of the discipline. Rescuing the university project. London: Routledge, 2013. 248 p.
14. Furlong J., Whitty G. Knowledge traditions in the study of education // Knowledge and the study of education: an international exploration / Eds. G. Whitty, J. Furlong. Didcot: Symposium, 2017. P. 13–60.
15. Hordern J. Educational knowledge: traditions of inquiry, specialization and practice // Educators, Culture & Society. 2018. Vol. 26. No 4. DOI: 10.1080/14681366.2018.1428221
16. Hordern J. Bernstein's sociology of knowledge and education(al) studies // Knowledge and the study of education: an international exploration / Eds. G. Whitty, J. Furlong. Didcot: Symposium, 2017. P. 191–210.
17. Hordern J. Differentiating knowledge, differentiating (occupational) practice // Journal of Vocational Education and Training. 2016. Vol. 68. No 4. P. 453–469. DOI: 10.1080/13636820.2016.1234506
18. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N.Y.: Free Press, 1968. 702 p.
19. Young M., Muller J. Curriculum and the specialization of knowledge. Abingdon: Routledge, 2016. 252 p.

Получено редакцией: 18.07.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зборовский Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851

EDN: PPBYPK

To the Question of Applying the Concept of Scientific-Educational Knowledge in Sociology

Garold E. Zborovsky

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8153-0561

For citation: Zborovsky G. E. To the question of applying the concept of scientific-educational knowledge in sociology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 94–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851; EDN: PPBYPK

Abstract. The article is devoted to the concept of scientific-educational knowledge, little developed in modern sociological science. The subject of the research is the formation of the sociological concept of scientific-educational knowledge, its main characteristics and features of the relationship with certain types of knowledge, concepts and

branches of sociological science that study them.

The article consists of two main sections – a historical and sociological review of educational knowledge studies and a substantiation of the conceptual unity of educational and scientific-educational knowledge. The first section characterises sociological studies of knowledge, including educational knowledge. In this aspect, the concepts of A. Comte, M. Scheler, K. Mannheim, P. Berger and T. Luckmann are considered. The author draws attention to the features of educational knowledge and its connection with educational practices, revealed in modern theories of vocational education. These theories are presented in the works of British researchers J. Furlong, G. Whitty, M. Young, J. Muller, J. Hordern, created at the intersection of the sociology of knowledge and the sociology of education. A review of previous studies of educational knowledge made it possible to identify important aspects of continuity with modern concepts. The second part of the article analyses the conceptual unity of educational and scientific-educational knowledge. The main concept list of the sociological concept of scientific and educational knowledge is revealed, including the concepts of knowledge, education, science, educational knowledge, everyday (ordinary) knowledge, sociological knowledge. The concept of scientific-educational knowledge is considered as the central one. Among the branches of sociology for which the listed concepts are key and act as categories, the article considers the sociology of knowledge, the sociology of education, the sociology of science, the sociology of everyday life. The article also shows that scientific-educational knowledge is formed at the junction of the most important areas of activity: firstly, scientific research (scientific work), secondly, education (study work), thirdly, the production, distribution and consumption of a special type of knowledge that is the result of the interaction of subjects of science and education.

Keywords: scientific-educational knowledge, educational knowledge, everyday knowledge, sociology of knowledge, sociology of education, sociology of science, sociology of everyday life, vocational education, communities of scientists and scientific-pedagogical workers, students

References

1. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. University management in the western sociology of higher education. *Obrazovanie i nauka*, 2020: 22(5): 37–66 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-5-37-66
2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995: 232 (in Russ.).
3. Bol'shoj enciklopedicheskiy slovar': v 2 t. T. 1 [Large Encyclopedic dictionary: 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1991: 862 (In Russ.).
4. Zborovsky G. E. Znanie i obrazovanie v sociologii: teoriya i real'nost' [Knowledge and education in Sociology: Theory and reality]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi un-t, 2013: 484 (in Russ.).
5. Zborovsky G. E. Nauchno-obrazovatel'noe znanie kak znanievaya osnova nelinejnoj modeli vysshego obrazovaniya [Scientific-educational knowledge as the cognitive base of non-linear higher education model]. *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki*, 2016: 4: 19–31 (in Russ.).
6. Zborovsky G. E. Obrazovatel'noe znanie kak problema sociologii [Educational knowledge as a problem of sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2012a: 2: 12–20 (in Russ.).
7. Zborovsky G. E. Sociologicheskoe znanie i obrazovanie: problemy vzaimosvyazi [Sociological knowledge and education: problems of interrelation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012b: 8: 41–48 (in Russ.).
8. Zborovsky G. E. Sociologiya obrazovaniya i sociologiya znaniya: poisk vzaimodejstviya [Sociology of education and sociology of knowledge: the search for interaction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997: 2: 3–17 (in Russ.).
9. Zborovsky G. E. Teoreticheskaya sociologiya XX – nachala XXI veka [Theoretical sociology of the XX – beginning of the XXI century]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi un-t, 2007: 364 (in Russ.).
10. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii [The Spirit of positive philosophy]. *Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX veka: Teksty*. Moscow, Izdanie Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Upravleniya, 1996: 7–94 (in Russ.).
11. Manhejm K. Diagnostika nashogo vremeni [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist, 1994: 700 (in Russ.).
12. Sheler M. Formy znaniya i obshchestvo. Sushchnost' i ponyatie [Forms of knowledge and society. The essence and concept of sociology of culture]. *Sociologicheskiy zhurnal*, 1996. 1-2: 122–160 (in Russ.).

13. Furlong J. Education: an anatomy of the discipline. Rescuing the university project. London, Routledge, 2013: 248.
14. Furlong J., Whitty G. Knowledge traditions in the study of education // Knowledge and the study of education: an international exploration / Eds. G. Whitty, J. Furlong. Didcot, Symposium, 2017: 13–60.
15. Hordern J. Educational knowledge: traditions of inquiry, specialization and practice. *Educators, Culture & Society*, 2018: 26: 4. DOI: 10.1080/14681366.2018.1428221
16. Hordern J. Bernstein's sociology of knowledge and education(al) studies // Knowledge and the study of education: an international exploration / Eds. G. Whitty, J. Furlong. Didcot, Symposium, 2017: 191–210.
17. Hordern J. Differentiating knowledge, differentiating (occupational) practice. *Journal of Vocational Education and Training*, 2016: 68(4): 453–469. DOI: 10.1080/13636820.2016.1234506
18. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York, Free Press, 1968: 702.
19. Young M., Muller J. Curriculum and the specialization of knowledge. Abingdon, Routledge, 2016: 252.

The article was submitted on: July 18, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophical Sciences, Research Professor,
Department of Sociology and Public Administration Technology,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОИСК

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.852
EDN: XUIHSI

Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания

Ссылка для цитирования: Андреев И. С., Девятко И. Ф. Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 115–129. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.852; EDN: XUIHSI

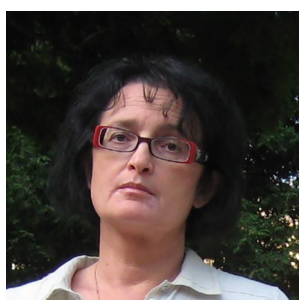
For citation: Andreev I. S., Deviatko I. F. Influence of undirected learning on improving the accuracy of everyday predictions: an experiment in social metacognition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 115–129. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.852; EDN: XUIHSI

Андреев Илья Сергеевич¹

¹НИУ ВШЭ, Москва, Россия

isandreev96@gmail.com

Девятко Инна Феликсовна^{1,2}

¹НИУ ВШЭ, Москва, Россия;

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

deviatko@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 202634

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического эксперимента, позволившего по-новому взглянуть на актуальный вопрос о том, насколько люди способны обучаться оценке параметров распределений тех или иных важных социальных переменных и усваивать вероятностные генеративные модели окружающей реальности в процессе имплицитного ненаправленного научения, имеющего место в повседневной жизни. В статье показано, что на наблюдаемые эффекты эпизодического научения может влиять имплицитное (фоновое) знание о локальных реалиях (в конкретном случае – российских). Также авторами было обнаружено, что влияние на эффекты научения может оказывать и ряд других факторов: повседневные социальные взаимодействия в конкретном регионе или

городе, близкий к опыту формат представления примеров. Повышение точности выносимых прогнозов также может быть следствием возможности экстраполяции легко запоминаемых данных. Полученные в результате эксперимента данные позволяют сделать вывод о том, что исходная «иллюзия осведомлённости», обнаруженная ранее и описанная в предыдущих работах авторов, не связана с метакогнитивной способностью к регуляции своих суждений на основании полученной имитации эпизодического (ситуативного) «житейского опыта».

Ключевые слова: социология, повседневность, ненаправленное научение, житейские прогнозы, социальное метапознание, эксперимент

Обоснованность повседневных, «непрофессиональных» суждений и решений, рутинно принимаемых индивидуальными социальными акторами, в значительной мере зависит от фонового знания элементарных социальных фактов – например, об ожидаемой продолжительности жизни для представителей различных возрастных групп, о среднем заработке представителей различных профессий или об актуальном значении среднего возраста вступления в брак. Такое обыденное социальное знание опирается преимущественно не на специально организованное интенциональное (*intentional*) обучение, осуществляемое в контексте специализированных образовательных институций, а на фоновое, не направляемое и зачастую непреднамеренное научение, иногда именуемое случайным (*incidental learning*), которое имеет место в рутинных социальных взаимодействиях, включающих в себя обмен разнородной, но потенциально значимой информацией. Известно, что получаемое таким образом «стихийное» обыденное знание о фактах может быть довольно точным, когда речь идёт об усреднении множества индивидуальных оценок, – эффект, описываемый популярным понятием «мудрость толп» [7, 11], или же систематически смещённым [2, 8].

Важность такого обыденного социального знания трудно переоценить. Едва ли можно встретить простого «человека-с-улицы», который не будет знать, каков размер его заработной платы. Кроме того, из новостей в телевизоре и интернете, от друзей и знакомых люди получают «сигналы рынка», несущие в себе информацию о зарплатах, на которые они предположительно ориентируются при выборе профессии, образовательной программы, будущей карьерной траектории и т. п. Например, после технологического бума, произошедшего в 1990-е гг., в США с лагом в несколько лет значительно увеличилось количество выпускников IT-специальностей [3]. Интерес социологической науки заключается в том, чтобы понять, способны ли индивиды приобретать и корректировать своё знание о подобного рода «сигналах рынка», насколько это знание поддаётся научению на релевантных социальных примерах.

Фокус внимания современных исследователей, изучающих обыденное социальное познание и «наивные» повседневные прогнозы, производимые обычными людьми, направлен, в основном, на способность к опти-

мальному статистическому выводу. Первое подобное исследование провел ещё англичанин Фрэнсис Гальтон, превративший заурядный конкурс на сельской ярмарке в научный эксперимент и заявивший о так называемой «мудрости масс» [7]. Этот феномен оказался в фокусе внимания социологических и когнитивных исследований последних лет, в которых развернулась дискуссия о том, является ли «мудрость толпы» результатом объединения отдельных оценок простых людей, или же возникает благодаря наличию в группе индивидов, более компетентных в изучаемом вопросе [2, 8, 10]. Подобный вопрос можно адресовать и эксперименту, проведённому самим Гальтоном: является ли та весьма точная (близкая к реальному) оценка веса выставленного на ярмарке быка результатом агрегирования мнения всех собравшихся участников, или же такого рода результат оказался возможен благодаря доминированию среди ярмарочной публики мнений фермеров и мясников, гораздо более компетентных в вопросах взвешивания и забоя скота?

Эффект «мудрости толпы» всё же является, как было показано экспериментально, результатом объединения (агрегации) оценок отдельных индивидов [2, 8]. Однако исследователями, занимающимися проблематикой суждений о дискретных социальных фактах, был выявлен эффект, несколько отличный от эффекта «мудрости толпы». Если «мудрость толпы» предполагает точность групповых суждений, то выявленный эффект, названный авторами «мудростью внутри», предполагает точность последовательных сугубо индивидуальных суждений отдельных социальных акторов. Суть эффекта заключается в усреднении двух и более суждений отдельного индивида, которые выносятся либо сразу же одно за другим, либо через определённый промежуток времени, необходимый для «забывания» первого суждения, чтобы индивид производил как бы новый ответ, а не повторял суждение, вынесенное только что [14]. Кроме того, исследование других авторов также показало, что точность индивидуальных прогнозов отдельных индивидов повышается при многократных попытках угадывания [9].

Значимость «мудрости внутри», то есть эффекта повышения точности индивидуальных прогнозов в результате повторных угадываний, трудно переоценить, поскольку большая часть индивидуальных решений и суждений принимается на основании индивидуальных прогнозов – однократных или многократных. С этой точки зрения очень важно понять, насколько существенным является получаемое приращение в точности оценок текущего значения тех или иных социальных переменных, а также возможна ли корректировка исходных прогнозов в результате получения дополнительной информации о релевантных фактах.

Если абстрагироваться от результатов описанных выше «лабораторных» исследований, проводимых на сравнительно небольших выборках и не учитывающих возможность того, что испытуемый может подсмотреть верный ответ в дополнительных источниках, исследователи обоснованно утверждают, что индивиды показывают способность к улучшению качества прогнозов (то есть к уменьшению ошибки) даже в «реаль-

ных», повседневных ситуациях. Основываясь на 1,2 миллиона оценок от игроков казино, которые пытались отгадать (с целью выиграть 100 000 евро) количество стеклянных шариков, помещённых в огромный сосуд, исследователи пришли к выводу, что многократные угадывания, полученные от одного индивида, способствуют снижению ошибки на 43 [13]. Это улучшение меньше, чем получаемое при усреднении прогнозов двух случайно выбранных индивидов, но может быть существенным, когда индивиды принимают решения и выносят суждения, основываясь лишь на собственных интуитивных угадываниях.

Наличие подобного эффекта «мудрости внутри», однако, подвергается и сомнению. Попытки воспроизвести результаты, подобные тем, что были получены Вулом с коллегами (с некоторым видоизменением используемых данных), показали, что описанный выше эффект «мудрости внутри» отсутствует для большей части использованных в работе социально-демографических фактов [1]. Однако более интересным для нас открытием этих исследований стало то, что участники демонстрировали тенденцию к увеличению ошибки при повторном случайном угадывании.

Результаты описанных нами исследований, оказавшиеся противоречивыми, породили ряд дополнительных вопросов и обнаружили несколько важных когнитивных иллюзий. В частности, был выявлен эффект «иллюзии осведомлённости» [2], связанный с тем, что, высказывая уверенность в себе и своей познавательной системе, испытуемые в действительности не демонстрируют способности к метапознанию и адекватной самооценке. Этот эффект схож с описанным в психологической литературе «чувством компетентности» [4, 5], склоняющим индивида высоко оценивать свои способности в конкретной сфере.

Стоит отметить, что далеко не все исследователи используют в своих экспериментах высокорелевантные социальные факты, что порождает ряд проблем и ограничений при интерпретации результатов. Например, продолжительность жизни египетских фараонов [8], хотя и поддаётся простой количественной оценке, всё же является далёким от повседневного опыта фактом. Можно предположить, что немногие обычные люди знакомы с историей Древнего Египта настолько хорошо, чтобы назвать последовательность правлений фараонов, не говоря уже об их продолжительности. Более того, использованная теми же исследователями в качестве ещё одной угадываемой переменной величина кассовых сборов кинотеатров пусть и встречается людям в повседневной жизни, но интересует скорее любителей кино (синефилов), нежели обычного человека, пусть и посещающего кинотеатры с целью просмотра новых фильмов. Такие факты едва ли можно назвать высокорелевантными для большинства людей. К слову, именно продолжительность жизни фараонов показала наибольшее расхождение между моделью Байесова прогноза (индивиды имплицитно знают подлинное распределение социальных фактов; с помощью её могут быть описаны ответы обычных людей) и собранной эмпирической базой исследования. Продолжившие развитие этих идей авторы показали, что точность выносимых обычными людьми

суждений о дискретных социальных фактах может быть объяснена с помощью модели, согласно которой индивидам имплицитно доступно не всё распределение, а лишь несколько примеров [10]. Количество доступных примеров может влиять на точность «наивных» прогнозов значений различных переменных.

Исследование возможности коррекции обыденных индивидуальных оценок социальных фактов в результате научения на эпизодически получаемых релевантных примерах оказывается, таким образом, важным направлением в понимании механизмов повышения точности повседневного знания под влиянием способности индивидов учитывать новую информацию и корректировать собственные ошибки. Такие механизмы саморегуляции собственных познавательных процессов под влиянием обратной связи часто именуют «метапознавательными» (или «метакогнитивными»), то есть связанными, в широком смысле, с рефлексивными навыками управления собственными познавательными процессами, включая процессы социального познания [6].

Ранее заявившие об эффекте «мудрости внутри» Э. Вул с коллегами, занимающиеся также исследованиями в области зрительного восприятия, заинтересовались оценкой способности индивидов изучать форму распределения на основе предъявляемых им отдельных примеров. Авторами был проведён эксперимент в области зрительного восприятия, имевший несколько особенностей (например, распределение, из которого брались примеры, было бимодальным, а не нормальным), однако основным выводом стало то, что научение индивидов на представленных примерах фактически не происходит [12].

Идея нашей работы заключается в том, чтобы несколько видоизменить и адаптировать форму эксперимента Э. Вула и коллег в целях изучения процессов метакогнитивной регуляции социального познания, опираясь на вышеупомянутые исследования, в которых испытуемым предлагалось угадать значения высокорелевантных социальных фактов, знание которых может во многом определять социальное поведение. Основной вопрос заключается в том, насколько обратная связь об истинных значениях релевантного распределения социальной переменной, имитирующая накопление жизненного опыта и получаемая от нас, исследователей, в виде обучающего набора фактов, может улучшить точность повторных угадываний значений параметров распределения доходов.

Таким образом, в эксперименте мы попытались определить, способны ли индивиды итеративно¹ корректировать свои оценки предложенных им статистик, имеющих отношение к «реальному миру», на основании эпизодического научения на примерах при наличии обратной связи относительно истинного их значения. Существенное предположение, из которого мы исходили при планировании эксперимента, заключалось в том, что на наблюдаемые эффекты эпизодического научения может влиять имплицитное (фоновое) знание о локальных, в нашем

¹ Итеративно – в результате неоднократных последовательных действий, в данном случае – повторных угадываний. Итерация – повторное применение какого-либо действия.

случае – российских, реалиях. Поэтому ещё одной важной задачей исследования было сравнить влияние такого научения на примерах на увеличение точности индивидуальных оценок на двух разных наборах данных о зарплатах – «российских», близких к повседневному опыту участников эксперимента, и «американских», которые далеки от повседневного опыта наших респондентов.

Участники и процедура эксперимента

Участниками нашего эксперимента стали пользователи онлайн-панели компании Online Market Intelligence (ОМІ). Сбор эмпирических данных проходил в апреле 2020 года, к участию в проведении исследования были случайным образом приглашены 123 участника панели. Были использованы и другие стандартные условия отбора, практикуемые в ОМІ: отсутствие в так называемом «чёрном списке», работа не в СМИ и не в исследовательских компаниях, наличие подписки на рассылку панели «Анкетка.ру». Участники панели являются жителями больших городов, численность населения которых превышает 100 тыс. чел. Всего было собрано 117 анкет, однако заполненными до конца и пригодными для анализа оказались 95 ($n=95$), из них 59 участников женского пола (62,1%), 36 участников мужского пола (37,9%).

При разработке плана эксперимента нами было решено не использовать искусственно созданные данные, потому что мы исходили из идеи о том, что у наших испытуемых имеется некое имплицитное знание о ситуации на российском рынке труда, а потому, чтобы избежать нежелательного взаимодействия искусственно созданных данных и этого имплицитного знания, мы искали официальные данные как источник обоснованных (верных) оценок. Исходя из предпосылки, что такое знание действительно существует, нами было решено протестировать две группы данных – «российскую» и «американскую», чтобы сравнить возможные эффекты, вызванные, во-первых, наличием у наших испытуемых такого имплицитного знания о российском рынке труда и, во-вторых, отсутствием подобного рода знаний об американском рынке. Источником «российских» данных, используемых нами для предъявления испытуемым в качестве примеров для научения и для последующей проверки результатов, послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики по среднемесячной начисленной заработной плате работников организаций по видам экономической деятельности (Федеральная служба государственной статистики), источником «американских» данных послужили данные Бюро переписи населения США (United States Census Bureau).

Нами были выбраны три сопоставимые области экономической деятельности, данные о которых имелись как в российском, так и в американском официальном источнике. Из российских данных были выбраны области сельского хозяйства, финансовой и страховой деятельности и общественного питания, из американских данных – также область сель-

ского хозяйства, область финансовых операций и область общественного питания. В эксперименте были использованы данные за 10 лет, с 2009 по 2018 год. Стоит отметить, что на сайте Федеральной службы государственной статистики России представлены данные по среднемесячной заработной плате, в то время как Бюро переписи населения США предоставляет данные о среднегодовом доходе (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1 (Table 1)

Среднемесячная заработная плата в России, рубли
Average monthly salary in Russia, rubles

Финансовая и страховая деятельность		Сельское хозяйство		Общественное питание	
Год	Ср. мес. з/п	Год	Ср. мес. з/п	Год	Ср. мес. з/п
2009	42 373	2009	9619	2009	12 470
2010	50 120	2010	10 668	2010	13 466
2011	55 789	2011	12 464	2011	14 693
2012	58 999	2012	14 129	2012	16 631
2013	63 333	2013	15 724	2013	18 304
2014	68 565	2014	17 724	2014	19 759
2015	70 088	2015	19 721	2015	20 626
2016	80 289	2016	21 755	2016	22 041
2017	84 904	2017	25 671	2017	23 971
2018	91 070	2018	28 699	2018	26 241

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

Таблица 2 (Table 2)

Среднегодовая заработная плата в США, доллары
Average annual salary in the USA, dollars

Финансовые операции		Сельское хозяйство		Общественное питание	
Год	Ср. год. з/п	Год	Ср. год. з/п	Год	Ср. год. з/п
2009	79 598	2009	29 472	2009	24 118
2010	79 990	2010	31 880	2010	24 400
2011	83 855	2011	29 085	2011	24 294
2012	81 974	2012	30 865	2012	25 261
2013	84 016	2013	30 289	2013	27 199
2014	84 747	2014	33 110	2014	26 104
2015	88 649	2015	35 636	2015	26 316
2016	91 330	2016	38 673	2016	29 284
2017	93 938	2017	36 018	2017	29 605
2018	97 163	2018	40 076	2018	31 290

Источник: Бюро переписи населения США. URL: <https://www.census.gov>

Процедура

Каждого участника эксперимента просили произвести серию из 5 последовательных угадываний заработной платы за 5 различных лет для каждой из выбранных нами областей экономической деятельности. Каждый участник квазислучайным образом попадал в одну из групп, «русскую» или «американскую». Для того чтобы снизить возможные эффекты аппроксимации, из официальных источников нами были взяты заработные платы за последние 10 лет, а 5 предъявляемых примеров для каждого из испытуемых выбирались в случайном порядке, при этом из отбора на каждом следующем шаге исключался ранее выбранный год. Например, если испытуемый в качестве первого примера квазислучайным образом получил бы вопрос о средней заработной плате в области сельского хозяйства за 2013 год, то случайный выбор следующего предъявляемого в качестве примера года для области сельского хозяйства осуществлялся бы уже из списка 9, а не 10 лет (2009 – 2018, без учета 2013). Для третьего примера – из 8 лет (если бы вторым примером был, скажем, 2015, то третий пример выбирался бы из списка 2009 – 2018, без учета 2013 и 2015), для четвертого – из 7, а для пятого – из 6 лет. Выбор осуществлялся с помощью служебного вопроса, который был прописан в скрипте опроса, исключал ранее выбранные годы, перемешивал и случайно выбирал один из не использованных ранее.

Попад на страницу опроса, участники исследования должны были принять важное для нас условие, согласно которому они обещают не пользоваться дополнительными ресурсами, то есть не искать ответы на вопросы в каких-либо источниках, а полагаться лишь на свои знания или интуицию, пытаться, в случае незнания, угадать, спрогнозировать ответ. После своего согласия с оговоренным условием участники предсказывали, в зависимости от группы, среднемесячные зарплаты в России или среднегодовые в США. Первый вопрос звучал следующим образом и незначительно различался в зависимости от группы:

«Среднемесячный заработок различается не только в зависимости от должности, квалификации и характера трудовых задач, выполняемых человеком. Существуют также различия в среднемесячной зарплате для различных областей экономической деятельности. Вы случайно познакомились с человеком, о котором Вам известно лишь то, что он работает в области сельского хозяйства [в России / в США]. Каков Ваш прогноз относительно того, какой была его среднемесячная [среднегодовая] заработная плата (укажите величину в рублях / в долларах) в [...] году».

После каждой попытки угадывания испытуемые получали обратную связь с действительным значением: «Спасибо! На самом деле, среднемесячная [среднегодовая] зарплата человека, работающего в области сельского хозяйства в [...] году составляла [...] рублей [долларов]». После заполнения основной части анкеты, мы просили участников предоставить краткую информацию о себе, а именно указать свой пол и количество полных лет.

Для определения способности испытуемых рефлексивно переоценивать точность своих житейских прогнозов под влиянием обратной связи, содержащей информацию об истинных значениях, был проведён анализ различий между началом и концом серии, то есть между средней квадратичной ошибкой (СКО) для первого и пятого угадываний заработной платы для каждой использованной в эксперименте области экономической деятельности.

До начала основной серии угадываний с обратной связью мы также просили испытуемых оценить степень своей осведомлённости относительно экономической ситуации в Российской Федерации и США, чтобы оценить возможное влияние «чувства осведомлённости» на исходную точность угадывания в первой пробе и на способность к корректровке прогноза с учётом обратной связи, то есть метапознавательную способность к учёту собственных ошибок и научению в оценке элементарных социальных фактов.

Результаты эксперимента: описание и обсуждение

Полученные данные позволили определить, что для группы «российских» данных статистически значимый эффект улучшения качества последнего угадывания в сравнении с первым на нашей сравнительно небольшой выборке удалось продемонстрировать для двух областей экономической деятельности (табл. 3). Тренд снижения СКО был выявлен для области финансовой и страховой деятельности, $t = 8,563$, $p < 0,001$, а также для области общественного питания, $t = 2,575$, $p < 0,05$. Что касается области сельского хозяйства, то статистически значимого улучшения выносимых оценок обнаружено не было, $t = 1,078$, $p = 0,286$.

Таблица 3 (Table 3)

Т-тест для различий СКО первого и пятого угадываний для «российских» данных
($n=49$, $d.f.=48$)

*T-test for differences between the RMSE of the first and fifth guesses for "Russian" data
($n=49$, $d.f.=48$)*

Область экономической деятельности	Различия СКО для первого и пятого угадываний
Сельское хозяйство	$t=1,078$ Sig.=0,286
Финансовая и страховая деятельность	$t=8,563$ Sig.=0,000
Общественное питание	$t=2,575$ Sig.=0,013

Проведённый анализ показал, однако, что для группы респондентов, производивших угадывания на «американских» данных (табл. 4), для нашей выборки не обнаружено статистически значимого изменения в качестве пятого угадывания в сравнении с первым ни для области сельского хозяйства, $t = 1,577$, $p = 0,122$, ни для финансовых операций, $t = 1,918$, $p = 0,061$, ни для общественного питания, $t = 1,564$, $p = 0,125$.

Таблица 4 (Table 4)

Т-тест для различий СКО первого и пятого угадываний для «американских» данных
($n=46$, $d.f.=45$)

T-test for the difference between the first and fifth guess SD for “American” data
($n=46$, $d.f.=45$)

Область экономической деятельности	Различия СКО для первого и пятого угадываний
Сельское хозяйство	t=1,577 Sig.=0,122
Финансовые операции	t=1,918 Sig.=0,061
Общественное питание	t=1,564 Sig.=0,125

Подобные различия между «российскими» и «американскими» данными могут быть следствием ряда причин. Помимо возможного набора сугубо случайных эффектов, прежде всего стоит отметить, что частично подтвердилось то существенное предположение, исходя из которого мы планировали наш эксперимент: имплицитное знание испытуемых о российских реалиях действительно повлияло на наблюдаемые эффекты эпизодического научения. Важно, однако, отметить, что проведённая нами предварительная оценка не показала эффекта для области сельского хозяйства. Отчасти такую ситуацию можно объяснить особенностями нашей выборки: участниками онлайн-панели ОМІ являются жители больших городов (более 100 тыс. жителей), а участие в нашем исследовании и вовсе приняли жители городов-миллионников. В таких городах преобладают другие виды экономической деятельности, а потому приобретение в повседневных социальных взаимодействиях имплицитного знания о реалиях сельскохозяйственного рынка труда представляется весьма проблематичным. То же касается и той части участников исследования, которые попали в «американскую» группу: получение обратной связи об истинных значениях, имитирующее накопление жизненного опыта, оказалось недостаточным для научения и улучшения точности выносимых прогнозов.

Другой важный момент, заслуживающий внимания и также восходящий к идее о наличии имплицитного знания о локальных реалиях, это различие в подходах к подсчёту среднего дохода в России и в США и, соответственно, различие в структуре имеющихся у нас данных, предъявляемых в качестве примеров участникам исследования. В своих повседневных взаимодействиях, в новостях, в объявлениях о вакансиях мы оперируем (вероятно, за редким исключением) информацией о заработных платах за один месяц и именно в таком виде данные подсчитываются и приводятся Федеральной службой государственной статистики, в то время как в США официальные данные по заработным платам приводятся в виде среднего за год, что оказалось, по-видимому, весьма сложным и непривычным для наших испытуемых форматом представления данных, и даже эпизодически получаемые релевантные примеры не

оказали значимого влияния на возможность коррекции оценок. Кроме того, официальные данные ни в России, ни в США не «округляются» и предоставляются с точностью до одного рубля или одного доллара. Дескриптивная статистика угадываний наших испытуемых показала, что подавляющее большинство участников склонны давать кратные тысяче, а довольно часто – и пяти тысячам угадывания. Суммы в 40 000, 50 000 или 100 000 тысяч рублей (или долларов), предположительно, являются гораздо более близкими к опыту наших испытуемых, нежели значения заработных плат с точностью до сотен, десятков и единиц.

Ещё один возможный альтернативный механизм, объясняющий наши результаты, это неизменный рост среднемесячной заработной платы для каждого года (с 2009 по 2018) в «российских» данных, то есть наличие выраженного тренда (отчасти связанного с инфляцией и нестабильностью курса рубля, поскольку речь идёт о номинальных начисленных заработных платах). В то же время данные Бюро переписи населения США не соответствуют «российской» тенденции, и в отдельные годы среднегодовой доход в них может, в отличие от российских данных, практически не изменяться или вовсе снижаться. Так, например, если рассматривать различия между 2011 и 2012 годами для областей финансовой и страховой деятельности в России и финансовых операций в США, то описываемая нами ситуация становится наглядной. В России среднемесячная заработная плата для данной области экономической деятельности выросла с 55 789 рублей в 2011 году до 58 999 рублей в 2012 году, в то время как в США среднегодовой доход упал с 83 855 долларов до 81 974 долларов. Этот пример не является единственным (см. табл. 1 и 2). Можно предположить, что испытуемым, попавшим в «российскую» группу, оказалось проще запоминать и экстраполировать данные.

Полученные данные позволяют предположить, что наши испытуемые подвержены, как было показано и в предыдущих исследованиях [1] авторов данной статьи, так называемой «иллюзии осведомлённости». Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между самооценками собственной осведомлённости относительно ситуации на рынке труда России и США и исходной точностью угадывания (первой попыткой для обеих групп для каждой области) оказались близкими к нулю и лежат в диапазоне -0,121 до 0,186 для «российской» группы и от -0,245 до 0,281 для «американской» группы. Судя по полученным данным, исходная «иллюзия осведомлённости» не связана с метакогнитивной способностью к регуляции своих суждений на основании полученной имитации эпизодического (ситуативного) «житейского опыта». Коэффициенты корреляции между самооценками собственной осведомлённости и разностью первого и пятого угадываний также близки к нулю и лежат в диапазоне от -0,179 до 0,186 для «российской» группы и от -0,245 до -0,132 для «американской» группы. Необходимо отметить, однако, что с учётом изучавшейся ограниченной области обыденных знаний, а также сравнительно небольшой выборки, что потенциально сказывается на уровне статистической значимости, полученные нами результаты требуют дальнейших уточнений.

Вместе с тем нами получены данные, которые позволяют по-новому взглянуть на интересующий многих исследователей вопрос о том, насколько люди способны обучаться оценке параметров и, в конечном счёте, усваивать вероятностные генеративные модели окружающей реальности в процессе имплицитного ненаправленного научения, имеющего место в повседневной жизни. Хотя предыдущие исследования вели скорее к скептической оценке случайного, эпизодического научения на примерах (напр., [9, 12]), мы обнаружили, что такая метакогнитивная способность, видимо, может быть продемонстрирована в случаях, когда индивиды располагают релевантным фоновым знанием, а область прогноза задана значимой с точки зрения социального опыта и потенциально применимой в принятии повседневных решений переменной, подобной многомерному распределению средних заработных плат по областям хозяйственной деятельности для серии последовательных наблюдений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– частично подтверждено наше предположение о том, что на наблюдаемые эффекты эпизодического научения может влиять имплицитное (фоновое) знание о локальных, в нашем конкретном случае – российских, реалиях;

– приобретение в повседневных социальных взаимодействиях имплицитного знания о реалиях преобладающего в регионе/городе вида экономической деятельности также оказывает влияние на эффекты научения;

– важным оказалось влияние близких к опыту «целых» сумм и конкретных цифр. Участники исследования даже после обратной связи в виде реальных примеров продолжили вписывать такие «целые» значения, и лишь несколько человек пытались угадать средний доход с точностью до одной единицы;

– наши испытуемые оказались подвержены обнаруженной ранее другими авторами «иллюзии осведомлённости». Кроме того, исходная точность оценок и способность к самокоррекции оказались не связанными с уверенностью в собственной метапознавательной системе.

Библиографический список

1. Девятко И. Ф. «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2012. № 34. С. 81–104.

2. Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Кожанов А. А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 3–17.

3. Bardhan A., Hicks D., Jaffee D. How responsive is higher education? The linkages between higher education and the labor market // Applied economics. 2013. Vol. 45. No. 10. P. 1239–1256. DOI: 10.1080/00036846.2011.613801

4. Bjork R. Assessing Our Own Competence: Heuristics and Illusions // Attention and Performance XVII. Cognitive Regulation of Performance: Interaction of Theory and Application. Ed. by D. Gopher, A. Koriat. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. P. 435–459.
5. Dunning D., Johnson K., Ehrlinger J., Kruger J. Why people fail to recognize their own incompetence // Current Directions in Psychological Science. 2003. Vol. 12. No. 3. P. 83–87. DOI: 10.1111/1467-8721.01235
6. Flavell J. Cognitive development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985. 338 p.
7. Galton F. Vox Populi // Nature. 1907. Vol. 75. P. 450–451. DOI: 10.1038/075450a0
8. Griffiths T., Tenenbaum J. Optimal predictions in everyday cognition // Psychological Science. 2006. Vol. 17. No. 9. P. 767–773. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01780.x
9. Lewandowsky S., Griffiths T., Kalish M. The wisdom of individuals: exploring people's knowledge about everyday events using iterated learning // Cognitive Science. 2009. Vol. 33. No. 6. P. 969–998. DOI: 10.1111/j.1551-6709.2009.01045.x
10. Mozer M., Pashler H., Homaei H. Optimal predictions in everyday cognition: the wisdom of individuals or crowds? // Cognitive Science. 2008. Vol. 32. No. 7. P. 1133–1147. DOI: 10.1080/03640210802353016
11. Surowiecki J. The Wisdom of crowds: Why the many are smarter than the few and how collective wisdom shapes business, economies, societies and nations. London: Little, Brown, 2004. 336 p.
12. Tran R., Vul E., Pashler H. How effective is incidental learning of the shape of probability distributions? // Royal Society Open Science. 2017. Vol. 4. No. 8. P. 1–9. DOI: 10.1098/rsos.170270
13. Van Dolder D., Van den Assem M. The wisdom of the inner crowd in three large natural experiments // Nature Human Behaviour. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 21–26. DOI: 10.1038/s41562-017-0247-6
14. Vul E., Pashler H. Measuring the crowd within: probabilistic representations within individuals // Psychological Science. 2008. Vol. 19. No. 7. P. 645–647. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02136.x

Получено редакцией: 07.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Илья Сергеевич, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Девятко Инна Феликсовна, доктор социологических наук, профессор,

заведующая кафедрой анализа социальных институтов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

главный научный сотрудник, Руководитель отдела теории и истории социологии,

Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.852

EDN: XUIHSI

Influence of Undirected Learning on Improving the Accuracy of Everyday Predictions: An Experiment in Social Metacognition

Ilya S. Andreev

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

E-mail: isandreev96@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9127-387X

Inna F. Deviatko

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia;

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: deviatko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1955-7592

For citation: Andreev I. S., Deviatko I. F. Influence of undirected learning on improving the accuracy of everyday predictions: an experiment in social metacognition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 115–129. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.852; EDN: XUIHSI

Abstract. The article presents the results of a sociological experiment that allowed to take a fresh look at the live issue of how people are able to learn the evaluation of the parameters of the distributions of certain important social variables and assimilate probabilistic generative models of the surrounding reality in the process of implicit non-directed learning that takes place in everyday life. The article shows that the observed effects of episodic learning can be influenced by implicit (background) knowledge about local realities (in this particular case, Russian ones). The authors also found that a number of other factors can also influence the effects of learning: everyday social interactions in a particular region or city, a format for presenting examples that is close to experience. An increase in the accuracy of the forecasts made can also be a consequence of the possibility of extrapolating easily remembered data. The data obtained as a result of the experiment allow us to conclude that the initial “illusion of awareness”, discovered earlier and described in the previous works of the authors, is not associated with the metacognitive ability to regulate one’s judgments based on the obtained imitation of episodic (situational) “everyday experience”.

Keywords: sociology, everyday life, undirected learning, everyday predictions, social metacognition, experiment

References

1. Deviatko I. F. «Wisdom of crowds» and «wisdom within»: comparative accuracy of group and individual judgments about discrete social facts. *Sotsiologija 4M: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2012: 34: 81–104 (in Russ.).
2. Deviatko I. F., Abramov R. N., Kozhanov A. A. On limits and nature of descriptive everyday cognition in the social world. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 9: 3–17 (in Russ.).
3. Bardhan A., Hicks D., Jaffee D. How responsive is higher education? The linkages between higher education and the labor market. *Applied economics*, 2013: 45: 10: 1239–1256. DOI: 10.1080/00036846.2011.613801
4. Bjork R. Assessing Our Own Competence: Heuristics and Illusions. In *Attention and Performance XVII. Cognitive Regulation of Performance: Interaction of Theory and Application*. Ed. by D. Gopher, A. Koriat. Cambridge, MA: MIT Press, 1999: 435–459.
5. Dunning D., Johnson K., Ehrlinger J., Kruger J. Why people fail to recognize their own incompetence. *Current Directions in Psychological Science*, 2003: 12: 3: 83–87. DOI: 10.1111/1467-8721.01235
6. Flavell J. *Cognitive development*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall, 1985: 338.
7. Galton F. Vox Populi. *Nature*, 1907: 75: 450–451. DOI: 0.1038/075450a0
8. Griffiths T., Tenenbaum J. Optimal predictions in everyday cognition. *Psychological Science*, 2006: 17: 9: 767–773. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01780.x
9. Lewandowsky S., Griffiths T., Kalish M. The wisdom of individuals: exploring people’s knowledge about everyday events using iterated learning. *Cognitive Science*, 2009: 33: 6: 969–998. DOI: 10.1111/j.1551-6709.2009.01045.x

10. Mozer M., Pashler H., Homaei H. Optimal predictions in everyday cognition: the wisdom of individuals or crowds? *Cognitive Science*, 2008: 32: 7: 1133–1147. DOI: 10.1080/03640210802353016
11. Surowiecki J. *The Wisdom of crowds: why the many are smarter than the few and how collective wisdom shapes business, economies, societies and nations*. London, Little, Brown, 2004: 336.
12. Tran R., Vul E., Pashler H. How effective is incidental learning of the shape of probability distributions? *Royal Society Open Science*, 2017: 4: 8: 1–9. DOI: 10.1098/rsos.170270
13. Van Dolder D., Van den Assem M. The wisdom of the inner crowd in three large natural experiments. *Nature Human Behaviour*, 2018: 2: 1: 21–26. DOI: 10.1038/s41562-017-0247-6
14. Vul E., Pashler H. Measuring the crowd within: probabilistic representations within individuals. *Psychological Science*, 2008: 19: 7: 645–647. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02136.x

The article was submitted on: March 07, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Ilya S. Andreev, National Research University “Higher School of Economics”
Inna F. Deviatko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Full Professor,
National Research University “Higher School of Economics”;
Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853

EDN: ATAAJY

Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России

Ссылка для цитирования: Мерзляков А. А., Богданов В. С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 130–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853; EDN: ATAAJY

For citation: Merzlyakov A. A., Bogdanov V. S. On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 130–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853; EDN: ATAAJY

AuthorID ПИНЦ: 607540

Мерзляков Андрей Александрович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

merzliakov@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 276478

Богданов Владимир Сергеевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

valarf@mail.ru

Аннотация. Предлагаемая статья носит постановочный, проблемно-ориентированный характер и является частью работы по выполнению НИР «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений».

В центре внимания рассмотрение проблемы регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. Проанализирован генезис проблемы и некоторые формы проявления социального неравенства в ходе трансформационных процессов современного российского общества. Представлены методологические основания для исследования регулируемости неравенств. Авторами разработана программа социологического исследования, включающая в себя постановку проблемы, определение объекта и предмета исследования. Изложены ключевая цель и основные исследовательские задачи, обоснован выбор методов сбора и анализа эмпирических данных, описаны требования к отбору эмпирических объектов исследования.

Основная идея общего исследования состоит в оценке сложившегося в регионах нашей страны состояния регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств, а также обнаружение возможной зависимости такого состояния от эффективности работы системы управления в регионе. На основании такой оценки в дальнейшем планируется разработка предложений по совершенствованию политико-управленческих механизмов, направленных на повышение регулируемости социальных неравенств. Ожидаемым результатом такой исследовательской работы является постановка диагноза о состоянии регулируемости социальных неравенств в регионах РФ. Однако это не конечная цель исследования. Его итогом должен быть выход на разработку стратегической модели и предложений по совершенствованию политико-управленческих механизмов, нацеленных на усиление регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. Для решения указанных прикладных задач предусмотрена разработка прогнозных социально-проектных технологий, что будет реализовано на более поздних этапах данного исследования.

Ключевые слова: социология, управление, социально-экономические и социокультурные неравенства, программа социологического исследования, система управления в регионе, органы власти и управления

Проблема преодоления различных типов социальных неравенств в рамках отношений федерального центра и субъектов Российской Федерации становится актуальной с момента формирования социально-политического курса современной России. Уже тогда в условиях передачи постсоветским республикам «неограниченного суверенитета» и установления договорных отношений между субъектами Федерации и федеральным центром подразумевалось создание механизма отбора «нуждающихся» регионов и нивелирование разрывов между ними через разработку системы объективных социально-экономических и экологических индикаторов. Она должна была включать темпы изменения объектов производства, уровень безработицы, долю населения с доходом ниже прожиточного минимума, уровень детской смертности, интенсивность оттока населения, индикаторы экологической обстановки, уровень преступности и т. п. [5].

Однако разработке и внедрению адекватных механизмов регуляции для снижения реальных и потенциальных неравенств как в начале становления современного российского общества, так и сегодня мешали с одной стороны, некритический опыт – слепое копирование западных структур и функций [15], с другой – решения органов власти, взявших на себя ответственность за проведение радикальных реформ политической системы, экономики и социальной сферы без учёта интересов населения. В итоге страна получила стихийный характер рыночных отношений, бесконечную череду хаотичных реформ народного хозяйства и государственного управления, во многом приведших к неравным возможностям регионов, в том числе к появлению новых форм социальных неравенств.

Достаточно глубоко проблема социального неравенства в российских регионах была проанализирована в Институте социологии РАН. Результаты исследований (2005–2007 гг.), в том числе проведённых под

руководством М. К. Горшкова, указывают на то, что примерно за 15 лет реформ, трансформирующих параметры общественной жизни и все социальные институты, возникла масштабная дифференциация, выраженная в социальном положении различных групп и слоёв российского населения, а социальные неравенства приобрели очень резкие формы по всем показателям (социальному, экономическому, политическому, региональному) [12]. В дополнение к этому исследовательская группа учёных ФНИСЦ РАН (З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, М. Ф. Черныш, Л. А. Семёнова) смогла выделить из всей совокупности социальных неравенств, имеющих в российском обществе, два уровня: первый – неравенства системного характера (экономические, властные, политические, распределительные, социально-статусные и др.) и второй – неравенства индивидуальных свойств, возможностей личности [2]. На основе полученных и проанализированных данных исследователи пришли к выводу, что неравенства первого уровня связаны непосредственно с трансформационными процессами, протекающими в российском обществе, а именно: с тенденциями глобализации и интеграции экономики, политики, информационного пространства и пр. Это же подтверждается и результатами исследований В. А. Ядова, Т. И. Заславской, которые, изучая факторы социального неравенства, отмечали их постоянную изменчивость под воздействием как внешних, так и внутренних социальных сил [6].

Исследовательским коллективом З. Т. Голенковой сделан вывод о важности процесса регионализации постсоветского пространства в рамках трансформационных преобразований, который вскрывает специфику социально-экономических и историко-культурных особенностей территорий. Последние определяют своеобразие форм взаимоотношений регионов с федеральным центром, а также влияют на формирование и функционирование социальных структур, воспроизводство внутренних и внешних связей. «Именно в этом контексте формируется новая система отношений равенства/неравенства, интеграции/дезинтеграции в социальном пространстве. Изменяется соотношение форм собственности, трансформируются социальные институты: семья, образование, власть...» [2, с. 27].

В 2010 году академик М. К. Горшков отметил, что специалисты Росстата констатировали продолжающийся рост резкого расслоения населения по имущественному признаку, а социальное неравенство ставило всё новые и новые рекорды [3]. Примерно в это же время О. И. Шкаратан на основе данных исследования проблем состояния современной социальной структуры, социальных различий и социального неравенства пришёл к выводу, что для России как страны евроазиатской цивилизации сегодня характерна неоэтакратическая модель общества с дуалистической стратификацией, сочетающей сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии [16]. Сословная иерархия является продуктом преобладания властно-собственнических отношений. По сути, укоренение данного типа иерархии послужило глубокому расслоению на бедных и богатых и в итоге привело к отчуждению и жёстким ограничениям доступа последних к политико-управленческим ресурсам

и возможности оказывать влияние на функционирование институтов. Это предположение подтверждается данными 25-летнего исследования российских трансформаций, указывающими на неадекватность сложившихся постсоветских реалий требованиям времени. В результате приходим к выводу, что применявшаяся в нашей стране модель рыночных реформ привела к необходимости безотлагательного государственного регулирования, прежде всего для «преодоления: глубокого и не оправданного экономическими причинами имущественного расслоения населения, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, экономически необоснованной и несправедливой оплаты труда работников многих профессий; обеспечения достойного уровня развития культуры, науки, образования, здравоохранения» [4, с. 16]. Мы солидаризируемся с выводом, к которому приходят исследователи, что главный вопрос не в том, сколько должно быть государства в обществе в целом (много или мало), в экономике в частности, а в достижении определённого уровня качества государственного участия в управлении различными сферами (экономической, социальной, культурной). От себя добавим, что качество государственного управления зависит и от сбалансированного включения в принятие решений и контроль за их исполнением заинтересованных групп населения.

В Институте социологии ФНИСЦ РАН стартовал новый цикл исследований, посвящённый социальному моделированию региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений. На данном этапе Центр социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН включился в разработку программы исследования. Далее представлены основные программные элементы будущей научно-исследовательской работы.

Методологические основания и программа исследования проблемы регулирования социальных неравенств

С позиции концепций институционализации отечественной системы управления [14] и социокультурной модернизации регионов [8] разрешение накопившихся социально значимых проблем и определение вектора дальнейшего сбалансированного развития (одновременно «сверху» и «снизу») должно быть актуализировано через поиск и нахождение адекватных управленческих механизмов. По нашему мнению, подобный подход может способствовать снижению (ослаблению) выделенных неравенств через разработку эффективных стратегий развития с научно-обоснованным социально-прогноznым сценарием, который в свою очередь должен быть реализован не только на основе объективных данных (статистики), но и на субъективных оценках организации жизнедеятельности конкретных территорий. Однако подобное социальное конструирование, конечно же, требует социальной и правовой легитимации прогнозных социально проектных технологий, обе-

спечивающих реализацию управленческих механизмов в практической деятельности. В нашем случае под механизмами управления мы понимаем причинно-следственные и инструментальные регуляции отношений, действий и взаимодействий, характеризующих и определяющих состояние и качество функционирования сложившейся региональной системы управления [13]. Вышесказанное подводит нас к мысли о том, что эффективность работы всей системы управления является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на состояние социально-экономических и социокультурных неравенств в регионе. При этом под состоянием таких неравенств в регионе понимается результирующая, основанная как на объективных показателях, характеризующих степень наличия таких неравенств, так и субъективных, сформированных на основе степени чувствительности к ним населения региона.

Результаты уже проведённых Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН мониторинговых социологических исследований (в рамках Мета-проекта 2010–2020 гг.) показывают, что степень чувствительности населения в отношении положения дел в регионах по различным направлениям (к которым в полной мере также можно отнести социально-экономические и социокультурные неравенства) зависит от уровня социально-экономического развития региона: чем более развит регион в целом, тем выше население оценивает состояние социально-экономического развития. Такая же закономерность прослеживается и в отношении оценки деятельности органов власти и управления – в регионах с более высоким уровнем развития деятельность властей всех уровней оценивается населением лучше [11]. Переводя представленные выводы в плоскость рассматриваемой нами проблемы неравенств, можно выдвинуть гипотезу о том, что уровень эффективности работы системы управления непосредственно (через оценку статистических показателей) и опосредованно (через оценку общественного мнения) оказывает влияние на текущее положение дел, принятие решений, связанных с преодолением социально-экономических и социокультурных неравенств в регионе. В этой связи мы выдвигаем ещё одно предположение, что ключевыми условиями для преодоления таких неравенств являются: 1) повышение эффективности работы самой системы управления и её отдельных звеньев; 2) повышение уровня одобрения деятельности органов власти и управления со стороны населения региона.

В этой связи нами предлагаются организация и проведение социологического исследования, посвящённого проблеме регулирования социально-экономических и социокультурных неравенств в регионах. В рамках данного исследования *объектом* выступает процесс регулирования социально-экономических и социокультурных неравенств в регионах с различным уровнем социально-экономического развития, а *предметом* – степень влияния системы управления региона (деятельности её отдельных звеньев) на состояние регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств.

Таким образом, оценка работы системы управления становится ключевой темой в рамках исследования проблемы регулируемости неравенств в регионах. В этой связи необходимо сформировать чёткое понимание, что собой представляет такая система управления. Она соединяет в себе два типа управления: системное (внешнее) и деятельностное (внутреннее). Системный тип управления есть субъект-субъектный способ проектирования, налаживания и регулирования социальных связей, а деятельностный – субъект-объектный, где воздействие субъекта на объект носит сугубо целевой характер. Если первый тип управления отвечает за сохранение целостности системы, её устойчивость, идентичность, то второй отвечает за достижение определённого конечного результата путем воздействия на объект [14]. В рамках нашего исследования системный тип управления ориентирован, прежде всего, на анализ особенностей состояния федеративных (отношения между различными звеньями властно-управленческой вертикали) и межрегиональных отношений. Деятельностный тип сконцентрирован на анализе способности системы управления решать проблемы, связанные с регулированием социально-экономических и социокультурных неравенств в регионе.

Планируемое исследование предъявляет особые требования к выбору исследовательского поля, методу сбора и анализа эмпирических данных по исследуемой проблематике, а также к принципам отбора конкретных эмпирических объектов исследования.

Само исследование носит диагностический характер, акцентируется на оценке сложившейся в регионах ситуации с регулированием социально-экономических и социокультурных неравенств. Такой подход позволяет не только провести анализ текущей ситуации, связанной с состоянием неравенств в регионах, но и выйти в дальнейшем на проектный уровень с разработкой предложений по совершенствованию политико-управленческих механизмов регулирования выявленных неравенств.

При проведении исследования планируется задействовать ряд методов сбора эмпирических данных, к которым можно отнести социологические опросы населения, экспертные опросы, анализ нормативно-правовых документов и контента официальных веб-сайтов региональных органов власти. Для комплексного и системного проведения такой оценки с использованием методов социальной диагностики требуется установление параметров исходных данных, на основании которых будет осуществлён анализ и поставлен соответствующий диагноз. Здесь можно обратиться к сформулированным В. В. Маркиным требованиям к системе оценочных параметров. Для комплексного измерения необходимо использование и согласование данных официальной статистики и результатов социологических исследований [9]. Выделенные характеристики параметров исходных данных позволяют определить риски «глубоких и острых проявлений с возможными негативными последствиями», где «под глубиной» понимается кратно выраженная разница в основных показателях экономического и социального развития, особенно уровня и качества жизни,

а под остротой – чувствительность восприятия, когнитивно-эмоциональное выражение этой разницы, наблюдаемое и фиксируемое в основных группах региональных сообществ» [9, с. 127]. Сопоставительный анализ, основанный на данных статистики и результатах социологических исследований, позволяет наиболее полно и обстоятельно проанализировать сложившуюся в регионах ситуацию с состоянием регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств.

Сама методика анализа эмпирических данных является двухуровневой. На первом уровне посредством компаративного анализа объективных и субъективных показателей по каждому обследуемому региону определяется конкретный перечень актуальных социально-экономических и социокультурных неравенств, к которым особенно чувствительно население. Далее после определения перечня проводится анализ степени эффективности работы системы управления в отношении регулируемости установленных неравенств. Данная задача осуществляется по той же схеме: анализируются данные статистики, основанные на результатах работы региональных органов власти и управления, затем производится общественная и экспертная оценка их деятельности. Полученные данные анализируются и сопоставляются. На выходе получается определённый ранжированный список регионов, отражающий состояние регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. По результатам проделанной работы появляется возможность диагностировать степень и характер регулируемости неравенств в каждом обследуемом регионе в конкретный момент времени, а также оценить уровень влияния деятельности системы управления на состояние регулируемости таковых.

На втором уровне проводится сравнительный анализ полученных результатов по всем отобраным регионам (межрегиональный сравнительный анализ). Анализ производится в отношении конкретного перечня актуальных социально-экономических и социокультурных неравенств, оценки эффективности работы системы управления в регионе и, самое главное, степени возможного влияния работы системы управления на состояние, связанное с регулируемостью выявленных неравенств. Указанная последовательность в рамках предложенного метода анализа позволяет выйти на более крупные обобщения и выводы, характеризующие общее состояние регулируемости социальных неравенств в нашей стране.

В соответствии с целью и задачами общего исследования необходимо определиться с критериями отбора конкретных регионов для проведения эмпирического исследования. В качестве основания для отбора решено использовать предположение, что российские регионы дифференцированы не только по составу населения, историческим, климатическим, ресурсным, экономическим условиям, но и по уровню социокультурной модернизации. В основу определения уровней социокультурной модернизации регионов положена методика, разработанная в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН [1] под руководством Н. И. Лапина. Многолетний опыт использования

данной методики подтвердил наличие связи социокультурного уровня регионов с уровнем их общего социально-экономического развития. Это позволяет нам, в самом общем виде, исследовать существующие различия в состоянии систем управления в условиях жизни населения в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Также в рамках этого исследования предполагается изучение сложившейся в регионах системы управления в двух аспектах. Во-первых, следует рассмотреть систему управления как фактор, детерминирующий (обуславливающий) формирование межрегионального неравенства. Другими словами, необходимо установить, является ли система управления в регионе предпосылкой усиления (или, возможно, ослабления) социально-экономического и социокультурного неравенства. Также следует выявить принципиальные отличия в функционировании системы управления в различных регионах и как именно они влияют на состояние регулируемости неравенств в соответствующих регионах.

Во-вторых, предполагается рассмотрение системы управления как регулятора социально-экономических и социокультурных неравенств. Органы власти и управления в соответствии с возложенными на них полномочиями являются ответственными за состояние социальных неравенств в регионе. И важно выяснить, насколько используемые ими регулятивные механизмы влияют на текущее состояние тех или иных неравенств на территориях – усиливают их или, наоборот, ослабляют. Не исключён вариант и отсутствия такого влияния, когда их деятельность носит нейтральный характер.

В этой связи *основной целью* исследования становится разработка комплекса показателей, направленного на измерение оценки работы самой системы управления в отобранных регионах и степени её (системы управления) влияния на состояние существующих в регионах социально-экономических и социокультурных неравенств. Достижение поставленной цели в дальнейшем позволит выйти на разработку и совершенствование управленческих механизмов и моделирование ключевых управленческих стратегий, направленных на повышение эффективности регулирования социальных неравенств.

Для достижения поставленной цели предлагается осуществить решение *четырёх исследовательских задач*: а) оценить эффективность работы системы управления в отобранных регионах; б) проанализировать степень остроты социально-экономических и социокультурных неравенств в отобранных регионах и определить характер влияния сложившейся в регионе системы управления на текущее состояние неравенств; в) выявить организационно-управленческие барьеры (возможности), а также установить механизмы регулирования как основания для преодоления неравенств в отобранных регионах; г) оценить деятельность органов власти и управления как регулятора по преодолению социально-экономических и социокультурных неравенств.

Первая задача связана с оценкой эффективности системы управления в обследуемых регионах. Такую работу предполагается провести на основе оценки деятельности её основных субъектов. В первую

очередь это касается всей властно-управленческой вертикали, начиная с федеральных органов власти и заканчивая органами местного самоуправления. Как показывают наши исследования, именно оценка работы органов власти и управления во многом предопределяет общественное отношение ко всей сложившейся в регионе системе управления. В тех регионах, где действия властно-управленческой вертикали оцениваются населением высоко (преобладают позитивные оценки), гражданами чаще даётся положительная оценка и всей системы управления в целом. И наоборот, в регионах, где преобладают отрицательные оценки действий органов власти, местное население более скептически настроено в отношении эффективности работы системы государственного управления как таковой [11]. Дополнительно, в качестве других региональных субъектов, которые также планируется подвергнуть общественной оценке, выступают бизнес-структуры, общественные и научные организации, политические партии, региональные СМИ и само население как субъект деятельности. Здесь важно зафиксировать не только степень включённости субъектов в работу по функционированию системы управления, но и их возможные роли в усилении эффекта от используемых управленческих механизмов, направленных на регулирование социально-экономических и социокультурных неравенств. Оценку деятельности всех вышеуказанных субъектов управления в регионе планируется проводить на основании социологических замеров в рамках диспозиции: от полного одобрения до тотального недоверия.

Проблема регулируемости неравенств ставит перед нами задачу определения и анализа степени остроты социально-экономических и социокультурных неравенств в обследуемых регионах. Для этого в первую очередь требуется установление актуального перечня социально-экономических и социокультурных неравенств, которые для населения региона являются наиболее чувствительными. Оценка степени остроты неравенств в каждом из обследуемых регионов — это важный исследовательский вопрос, поскольку, при последующем сравнении регионов могут быть зафиксированы существенные различия: одни и те же социально-экономические и социокультурные неравенства в разных регионах могут характеризоваться различным уровнем чувствительности со стороны местного населения. Поэтому для каждого региона, попавшего в выборку исследования, такой перечень неравенств может стать индивидуальным, а их комбинация уникальной. Кроме того, для выполнения поставленной задачи требуется уточнение самих понятий «социально-экономическое неравенство» и «социокультурное неравенство». Важно понимать и определиться, какие конкретные социальные неравенства мы относим к указанным выше двум типам, и какие для этого будут использованы онтологические основания. Подобная процедура необходима для отбора конкретных эмпирических показателей, характеризующих данные виды неравенств. В дальнейшем после «расщепления» неравенств на отдельные показатели для последующего социологического анализа предлагается рассматривать текущее состояние неравенства с позиции оценки работы

социальных институтов, за которыми закреплено его функциональное регулирование. По факту формирования актуального списка социальных неравенств планируется изучение возможной зависимости между этими неравенствами и способностью органов власти и управления в регионе принимать решения с целью их эффективного регулирования. В этом контексте важно проанализировать взаимосвязь степени остроты неравенств с общественной оценкой способности органов власти и управления успешно их преодолевать, снижать негативное влияние.

Установление степени возможного влияния системы управления на регуляцию социально-экономических и социокультурных неравенств требует также выявления и анализа причин и предпосылок, которые могут как способствовать, так и затруднять регулирование оных. В этой связи необходимо чётко определить, что это за причины и как они связаны с функционированием системы управления. В зависимости от характера такого воздействия мы определяем их как возможности или барьеры.

У Центра социологии управления и социальных технологий¹ ИС ФНИСЦ РАН накоплен уникальный методологический и исследовательский опыт установления связей и закономерностей положительного и отрицательного управленческого воздействия на разработку и реализацию стратегических решений. Для этих целей была разработана комплексная методология исследования отношения населения к проектам власти. Мы успешно апробировали её в дистанционных исследованиях по программе Президиума РАН и грантам РФ [7, 11]. В частности, разработана и используется номинальная шкала актуальных барьеров, которая указывает на факторы деформации стратегических решений: административно-организационные, социально-политические, инвестиционно-финансовые, инфраструктурные, коррупционное поведение, социально-коммуникативные, этнические и пр.

Проблема регулирования неравенств также ставит задачу оценки деятельности органов власти и управления как основного регулятора по преодолению оных. В этой связи требуется определить, какие механизмы, инструменты, средства, ресурсы используются для регулирования существующих в регионе неравенств, в первую очередь тех, к которым особенно чувствительно население. Здесь важно ответить на вопрос – насколько используемые политико-управленческие механизмы эффективны с точки зрения оптимальной регуляции выявленных неравенств. Такую оценку планируется осуществить в каждом из отобранных регионов в рамках сбора и анализа информации по реализации утвержденной Правительством РФ стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года². Использование данного стратеги-

¹ Центр социологии управления и социальных технологий. Официальный сайт Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <https://www.isras.ru/csuisp.html> (дата обращения: 05.05.2022).

² Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения: 05.05.2022).

ческого документа как основания для оценки деятельности органов власти по преодолению социальных неравенств вызвано тем, что в нём установлены базовые ориентиры развития региона в среднесрочной перспективе, в том числе относительно решения вопросов, связанных с регулированием социально-экономических и социокультурных неравенств. Для решения этой задачи предусмотрена разработка системы показателей по выявлению и анализу информации, относительно конкретных мероприятий, осуществляемых в ходе реализации данной стратегии, а также организации коммуникативных площадок по межсубъектному взаимодействию. В качестве основного метода исследования для решения поставленной задачи предлагается использовать дистанционный контент-анализ официальных сайтов региональных исполнительных органов власти. Такой выбор метода обусловлен тем, что он позволяет определить и проанализировать формализованную позицию власти по изучаемой проблематике.

Заключение

Сама постановка проблемы, связанной с оценкой существующих возможностей регулирования социально-экономических и социокультурных неравенств и её связи с оценкой функционирования системы управления в регионе, представляется весьма актуальной и амбициозной задачей с точки зрения поиска устойчивости системы управления страны в целом в условиях бурных геополитических трансформаций и роста международной напряжённости.

Предложенная нами программа исследования, обрисованная в данной статье, включает в себя цель и задачи исследования, выбор методов сбора и анализа эмпирических данных, определение требований к отбору объекта исследования и является во многом новаторской. Ожидаемым результатом такой исследовательской работы является постановка диагноза о состоянии регулируемости социальных неравенств в регионах РФ. Однако это не конечная цель исследования. На основе полученных и проанализированных материалов запланировано продолжение НИР. Результатом должен быть выход на разработку стратегической модели и предложений по совершенствованию политико-управленческих механизмов, нацеленных на усиление регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. Для решения указанных прикладных задач предусмотрена разработка прогнозных социально-проектных технологий, что будет реализовано на более поздних этапах данного исследования.

Библиографический список

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: монография / Сост. отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

2. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д., Черныш М. Ф., Семенова Л. А. Социальное неравенство и социально-структурные изменения // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 26–51.
3. Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47.
4. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2
5. Гуцериев М. С. Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения // Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения: Мат. науч. сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1997. С. 7–32.
6. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
7. ИНАБ № 1 – 2015. Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты (по материалам интерактивного исследования 2012–2014 гг.) / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: Институт социологии РАН, 2015. 104 с.
8. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход к управлению // Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь. М.: Красанд, 2015. С. 26–27.
9. Маркин В. В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.
10. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: монография / Отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.
11. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.
12. Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2006. 135 с.
13. Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления как научно-исследовательской программе // Социология власти. 2009. № 7. С. 7–16.
14. Тихонов А. В. Социология управления. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
15. Шанин Т. Западный опыт и опасность «сталинизм» наоборот // Коммунист. №1. 1990. С. 65–67.

16. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

Получено редакцией: 11.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. руководителя Центра социологии управления и социальных технологий, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853

EDN: ATAAJY

On the Study of Sociological and Managerial Aspects of the Regulation of Social Inequalities in the Regions of Russia

Andrey A. Merzlyakov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: merzliakov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8846-1423

Vladimir S. Bogdanov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: valarf@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0176-1007

For citation: Merzlyakov A. A., Bogdanov V. S. On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 130–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853; EDN: ATAAJY

Abstract. The proposed article is of a staging, problem-oriented nature and is part of the work on the implementation of the research work “Social modelling of regional inequalities and ways to overcome them in the context of interregional and federative relations”.

The focus is on the problem of adjustability of socio-economic and socio-cultural inequalities. The genesis of the problem and some forms of manifestation of social inequality in the course of the transformational processes of modern Russian society are analysed. Methodological grounds for studying the controllability of inequalities are presented. The authors have developed a programme of sociological research that includes the formulation of the problem, the definition of the object and subject of research. The key goal and main research tasks are outlined, the choice of methods for collecting and analysing empirical data is substantiated, and the requirements for the selection of empirical research objects are described.

The main idea of the general study is to assess the state of regulation of socio-economic and socio-cultural inequalities that has developed in the regions of our country, as well as to discover the possible dependence of this state on the effectiveness of the management system in the region. Based on this assessment, it is planned to develop in future proposals for improving political and administrative mechanisms aimed at increasing the controllability of social inequalities.

Keywords: sociology of governance, socio-economic and sociocultural inequalities, sociological research program, governance system in the region, authorities and administrations

References

1. Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow: Ves' Mir, 2016: 360 (in Russ.).

2. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D., CHernysh M. F., Semenova L. A. Sotsial'noe neravenstvo i sotsial'no-strukturnye izmeneniya [Social inequality and socio-structural changes]. Rossiya v global'nykh protsessakh: poiski perspektivy [Russia in global processes: the search for perspective]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAN, 2008: 26–51 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K. Sotsial'nye neravenstva kak vyzov sovremennoj Rossii [Social inequalities as a challenge to modern Russia]. *Vestnik instituta sotsiologii*, 2010: 1: 24–47 (in Russ.).
4. Gorshkov M. K. On the social results of post-Soviet transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 11: 3–17 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007445-2
5. Gutseriev M. S. Federal'nyj tsentr i sub'ekty rossijskoj federatsii: finansovye vzaimootnosheniya i mekhanizmy sotsial'noj podderzhki naseleniya [Federal Center and subjects of the Russian Federation: financial relations and mechanisms for social support of the population]. Federal'nyj tsentr i sub'ekty Rossijskoj Federatsii: finansovye vzaimootnosheniya i mekhanizmy sotsial'noj podderzhki naseleniya [The Federal Center and the subjects of the Russian Federation: financial relations and mechanisms of social support of the population: Materials of the scientific session of the Academy of Social Sciences of the Russian Federation on December 5, 1996]. Moscow, RITS ISPI RAN, 1997: 7–32 (in Russ.).
6. Zaslavskaya T. I., YAdov V. A. Sotsial'nye transformatsii v Rossii v ehpokhu global'nykh izmenenij [Social transformations in Russia in the era of global change]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2008: 4: 8–22 (in Russ.).
7. INAB №1 – 2015. Klasternaya politika v Rossijskoj Federatsii: regional'nye i otraslevye aspekty (po materialam interaktivnogo issledovaniya 2012-2014 gg.) [Cluster policy in the Russian Federation: regional and sectoral aspects (based on the materials of the interactive study 2012-2014)]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, IS RAN, 2008: 104 (in Russ.).
8. Lapin N. I. Antroposotsietal'nyj podkhod k upravleniyu [Anthroposocietal approach to management]. *Sotsiologiya upravleniya: teoretiko-prikladnoj tolkovyj slovar* [Sociology of Management: theoretical and applied explanatory dictionary]. Moscow, 2015: 26–27 (in Russ.).
9. Markin V. V. Regional'noe razvitie YUga Rossii: problemy mnogomernoj identifikatsii i modelirovaniya [Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling]. *Gumanitarij YUga Rossii*, 2015: 4: 123–133 (in Russ.).
10. Reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v usloviyakh realizatsii natsional'nykh proektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppobrazovaniya: monografiya [Russia: reforming of the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov, A. A. Merzlyakov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2021: 455 (in Russ.).
11. Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontexte problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Russia: reforming of the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 432 (in Russ.).
12. Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskom izmerenii. Analiticheskij doklad [Social inequality in the sociological dimension. Analytical report]. M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, IS RAN, 2006: 135 (in Russ.).
13. Tikhonov A. V. Ot sotsiologii menedzhmenta k sotsiologii upravleniya kak nauchno-issledovatel'skoj programme [From the sociology of management to the sociology of governance as a research program]. *Sotsiologiya vlasti*, 2009: 7: 7–16 (in Russ.).
14. Tikhonov A. V. Sotsiologiya upravleniya [Sociology of governance]. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2007: 472 (in Russ.).
15. Shanin T. Zapadnyj opyt i opasnost' "stalinizma" naoborot [Western experience and the danger of "Stalinism" on the contrary]. *Kommunist*, 1990: 1: 65–67 (in Russ.).
16. SHkaratan O. I. Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and reality]. Moscow, VSHE, 2012: 526 (in Russ.).

The article was submitted on: March 11, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Merzlyakov, Candidate of Sociological Sciences,
Acting Head of the Center for the Sociology of Management and Social Technologies,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854
EDN: BJWBQM

Актеры развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей¹

Ссылка для цитирования: Макарова Г. И. Актеры развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 144–167. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854; EDN: BJWBQM

For citation: Makarova G. I. Actors in the development of non-capital industrial cities of Tatarstan in the vision and assessment of their residents. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 144–167. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854; EDN: BJWBQM

Макарова Гузель Ильясовна¹

¹Институт истории им. Ш. Марджани,
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

makarova_guzel@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 374292

Аннотация. Целью представленной статьи автор видит выявление акторов нестоличных промышленных городов Татарстана, выяснение их соотношения и форм участия в городском развитии. Деятельность городских сообществ и их лидеров рассмотрена в статье с позиции её восприятия жителями, в аспекте влияния на их решение остаться в городе/покинуть его. Поисковый характер исследования обусловил применение метода групповых проблемно-ориентированных интервью, осуществлённых автором в 2021 г. во время разведывательных полевых выездов в города Татарстана: Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск. Они проходили в семьях (что позволило увеличить число интервьюируемых, сравнить мнения разных поколений, достичь комфортной ситуации проведения интервью) и сопровождались заметками.

В ходе исследования предварительно подтвердилась гипотеза о том, что ключевыми игроками нестоличных промышленных поселений России выступают муниципальные власти и сообщества, складывающиеся вокруг их ведущих предприятий. Значимость тех и других в разных городах различается, что зависит от отраслевой, функциональной принадлежности производств и ряда субъективных факторов, прежде всего от умения лидеров-управленцев выстроить стратегию и тактику участия в городских процессах. Основными формами такого участия для производственных компаний являются: социальная поддержка работ-

¹ Автор признателен Ирине Станиславовне Глебовой – заведующей кафедрой государственного и муниципального управления К(П)ФУ, кандидату экономических наук – за помощь в организации исследования в промышленных городах Татарстана.

ников, спонсирование городских мероприятий, включение в региональные программы совершенствования городской среды и реализация собственных проектов в области здравоохранения, профильного и общего образования, спорта, культуры, пространств города. Представители городской администрации чаще выполняют не только управленческие функции, но и выступают как связующее звено между акторами городских процессов. В последних принимают участие отдельные субъекты малого и среднего бизнеса, а роль работников культуры зависит от развитости культурной среды города. Практики городских активистов ограничиваются единичными акциями, хотя выявляется активизм на уровне дворов и волонтерских движений. Подтверждено эмпирически, что ощутимый вклад в развитие городов Татарстана вносят региональные власти. В обозначенном контексте жизненные стратегии горожан обнаруживают сложные траектории, зависящие в том числе от деятельности рассматриваемых акторов, влияющих на уровень и качество жизни в городе, возможности самореализации для жителей.

Ключевые слова: социология, регион, промышленный город, акторы городского развития, ведущее предприятие, муниципальные власти, региональные власти, жизненные стратегии, Республика Татарстан

Формирующийся новый миропорядок и экстраординарные обстоятельства, в которые поставлена наша страна, делают экономический фактор особенно значимым для российского общества и государства. Причём в условиях, когда экономика России во многом продолжает определяться реальным производством, важно решение проблем нестоличных промышленных городов, сохранение их человеческого потенциала.

Последние десятилетия характеризовались оттоком из них населения, главной точкой притяжения для которого становились Москва и Санкт-Петербург, также некоторые центры субъектов РФ. Данные тенденции проявились в постсоветский период, когда произошло закрытие/приостановка их ведущих производств. Они сохранились и в 2000-е гг., хотя положение стало меняться в связи с модернизацией предприятий, диверсификацией экономики, осуществлением программ комфортной городской среды. Это делает актуальным поиск ресурсов дальнейшего повышения привлекательности промышленных городских поселений для их жителей.

Ключевая гипотеза исследования – такого рода ресурсы связаны с наличием либо отсутствием в городах реальных акторов (лидеров – представителей муниципальной власти, ведущих производств, малого и среднего бизнеса, креативных индустрий и общественных организаций – и формирующихся вокруг них сообществ), заинтересованных в совершенствовании города как комплексной точки притяжения, способных выстроить стратегии и практики в данном направлении. На поисковом этапе задача состояла в первоначальном выделении круга таких акторов, в выяснении их соотношения, взаимодействия и форм участия в развитии нестоличных промышленных городов. При этом деятельность сообществ и их лидеров была рассмотрена с позиции её вос-

приятия жителями – то есть теми, кто непосредственно включён в городские процессы, и от решения которых остаться в городе/ покинуть его, зависит будущее таких городов.

Промышленный город и его акторы в поле научного исследования

Теоретические основы изучения промышленных городских поселений и их сообществ заложены представителями Чикагской школы Л. Виртом и Р. Парком. Так, Л. Вирт, говоря о типологизации городов, отмечал специфику промышленного города в отличие от «коммерческого, шахтёрского, рыболовецкого, курортного, университетского или столичного» [3, с. 94]. Промышленные же города он подразделял на выстраивающиеся вокруг одной отрасли (моногорода) и «мультииндустриальные». Такое его понимание легло в основу современных трактовок термина, когда промышленными называют города по типу преобладающей экономики [19]. Оба исследователя обращают внимание на формирование в современном городе групп – профессиональных, политических, культурных, – имеющих различные «представления о должном», поэтому попытки согласования их действий сопряжены с трудностями [16, с. 8].

Опираясь на разрабатываемую ими теорию организации экономического пространства, рассматривали такие поселения В. Кристаллер и А. Лёш. На рубеже XX–XXI вв. в странах Запада актуализируется проблематика реструктуризации их экономики путём модернизации предприятий и создания инновационных производств [12]. В 2000-е гг. она оттесняется идеями деиндустриализации, в связи с чем анализируются положительные примеры её осуществления [39] и противоречия: сокращение рабочих мест [26], миграция, рост преступности [28], разрушение инфраструктуры [38], несоответствие индустриального образа современной реальности [31]. В итоге ряд авторов приходит к выводу, что промышленные города не обязательно отстают от непромышленных [24], признаётся важность государственных инвестиций в их развитие [23]¹.

Среди учёных, продолжающих фокусировать внимание на городских поселениях промышленного типа: А. А. Кварк – анализирует связанные с перемещением офисов корпораций из мегаполисов на периферию формы их социального регулирования [35], Х. Фельценштейн – изучает образование на базе таких городов кластеров, агломерационные эффекты и совершенствование социальных сетей [27]; Т. Э. Вагнер и Ф. Дж. Обермиллер – рассматривали модель успешного функционирования угольных монопоселений в Аппалачах [42]. В свою очередь, М. Гро-Бальтазар и М. Таландые отмечают характерный для европейских государств новый интерес к средним индустриальным городам, подчёркивая важность социальных инноваций в отношениях государственной

¹ Ряд исследователей изучает, однако, населенные пункты, прекращающие в итоге своё существование [29].

и частной сторон [30]. Отметим и исследования зарубежных урбанистов, посвященные реактуализации индустриального наследия в новых социокультурных контекстах [33].

Что касается вопроса собственно об акторах городских процессов, он активно изучается в последние годы в контексте реализации целей устойчивого развития [41], расширения прав субъектов гражданского общества [32; 25], формирования креативной среды [20] и т. д. [40]. В качестве таковых выделяются: государственный сектор/правительство, муниципальные департаменты, представители частного сектора/бизнес, горожане и создаваемые ими группы [36]; отмечается необходимость комплексного подхода к управлению их действиями [32; 25; 40; 36]. Однако по отношению к промышленным городам в работах западных исследователей тема раскрывается редко [30], как редким – в условиях продвижения деиндустриализации [37; 34] – становится обращение к ним в целом.

В России последнее десятилетие, напротив, характеризовалось новым интересом к нестоличным промышленным городам¹. Здесь имеются и свои традиции их изучения, заложенные в поздний советский период (Г. Ф. Куцев, Ж. А. Зайончковская, М. В. Борщевский, С. В. Успенский, О. И. Шкаратан). Сегодня данная тема рассматривается в связи с задачами пространственного развития страны [13], решения проблем моногородов (М. Г. Меерович, В. П. Зимин, И. В. Манеева и др.), с поиском путей преодоления противоречий в развитии промышленных городов в целом (Н. Зубаревич, И. Д. Тургель, В. А. Ушакова Е. Г. Анимца, Н. В. Сбродова и И. В. Ивлева и др.).

В связи с обширностью литературы выделим исследования, посвященные собственно субъектам развития таких городов. Так, деятельность градообразующего предприятия на примере социальных проектов «Лукойла» в муниципальных образованиях Пермского края обобщают Е. Б. Плотникова и Ю. С. Маркова [17], функционирования Центра социальных программ РУСАЛа в Шелехове – Е. В. Зими́на, Е. И. Нефедьева и Е. А. Попова [10]. О ведущей роли проводимых инициативными группами на предприятиях инноваций в сохранении интеллектуального потенциала поселения пишут В. И. Малый и В. В. Гусев [14]; Е. П. Дубинкин раскрывает их роль в формировании образа города [4]. В качестве акторов также рассматриваются: муниципалитеты [6], университеты [1], учёные сообщества [9], общественные объединения [18], в том числе экологической направленности (И. А. Халий). О важности их совместного инновационного поиска пишут Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов [7], об объединении в проектах конструирования городских идентичностей – Р. В. Евстифеев [5], развития промышленного туризма – Е. А. Хаунина [21]. Роль региональных стратегий и государственной политики в развитии российских, в том числе промышленных, городов (а тем самым и властей регионального

¹ Под «нестоличными городами», в отличие от столичных, в данном случае (вслед за А. И. Трейвишем, В. Л. Глазычевым, В. Н. Лексиним и др.) будут пониматься города, не являющиеся административными центрами страны и регионов РФ.

и федерального уровней в качестве их акторов) анализировалась учёными ФНИСЦ РАН и их соавторами: В. В. Маркиным, М. Л. Малышевым, Д. Ю. Землянским [15], В. В. Вороновым, В. М. Пешковой и др.

Таким образом, отечественными учёными раскрывается деятельность отдельных акторов городского развития, однако ими не дается целостного, системного их рассмотрения.

Методы исследования

На общем методологическом уровне исследование базируется на акторном (деятельностном) подходе М. Вебера, А. Турена, Э. Гидденса и П. Бурдьё, развиваемом современными представителями социологии действия (Л. Болтански, Л. Тевено и др.). В данном случае это означает признание и рассмотрение активной роли лидеров и сообществ в городском развитии, выявление логики их действий и взаимоотношений. В то же время его специфика заключается в том, что само выделение акторов и рассмотрение их инициатив осуществляется с позиции «рядовых» жителей.

Исследование проводится на примере одного из наиболее развитых в экономическом отношении субъектов РФ – Республики Татарстан. На данном – поисковом – этапе были проведены 16 групповых проблемно-ориентированных интервью в четырёх городах Татарстана. Это: Набережные Челны – крупный центр машиностроения, ключевым предприятием которого является КамАЗ; Нижнекамск – производственный комплекс которого выстраивается, прежде всего, вокруг нефтехимической («Нижнекамскнефтехим») и – в последние годы – нефтеперерабатывающей отрасли («Танеко»); Альметьевск – промышленный центр, специализирующийся на добыче и переработке нефти («Татнефть»); Зеленодольск – экономика которого связана с гражданским и оборонным машиностроением (АО «Зеленодольский завод им. А. М. Горького» и АО «Завод имени Серго» – POZIS). Пример Республики интересен тем, что это развитый в экономическом плане регион, в котором реализуются инновационные проекты и на который ориентируются многие другие субъекты РФ.

Интервью осуществлялись автором в октябре–декабре 2021 г. в ходе разведывательных полевых выездов¹. Применялись гибкие опросные методики, основанные на списке тем, предлагаемых для обсуждения. Интервьюер фактически выступал в их ходе в роли модератора, что приближало интервью к фокусированным дискуссиям. Они выстраивались вокруг следующих вопросов: краткая история проживания респондентов в городе и видение его общей динамики, самоотождествление себя с ним; основные акторы – участники городских процессов развития; проблемы и перспективы развития города и его образ; жизненные

¹ Подготовительным этапом исследования выступил анализ интернет-сайтов городов и их ведущих предприятий, позволивший в наиболее общих чертах представить специфику каждого из них, его проблемы и перспективы, круг действующих лиц, характер репрезентации в информационном пространстве.

стратегии горожан в территориальном разрезе. Тем самым тема акторов представляла в широком контексте развития городов и личных биографий респондентов. Интервью сопровождалось заметками, где фиксировалась развитость инфраструктуры и комфортность городской среды, транспортная доступность предприятий и наличие зеленых зон, комфортность и современность спортивных сооружений, кафе/ресторанов, торговых центров, парков, набережных¹.

Беседы проходили в семьях, что позволило увеличить число респондентов в два–четыре раза, сравнить мнения представителей разных поколений и добиться комфортной для респондентов ситуации интервью². Они занимали около полутора часов и записывались с помощью диктофона. К затранскрибированным текстам применялся метод трёхступенчатого кодирования (открытого, осевого и выборочного)³.

Ведущие акторы нестоличных промышленных городов и их соотношение

При выяснении вопроса о тех группах людей, которые, по мнению респондентов, вносят наибольший вклад в развитие города, на первый план, как и предполагалось, вышли муниципальные власти и сообщества, формирующиеся вокруг градообразующих производств. И это в целом согласуется с выводами отечественных авторов о сохраняющейся роли последних [17; 10; 14; 4]. Однако видение респондентами соотношения и характера взаимодействия названных акторов различалось.

Так, в Альметьевске и Нижнекамске первенство чаще отдавалось ведущим предприятиям. В первом из них признавалось лидерство одной компании: *«„Татнефть” как раз вкладывается в создание таких объектов (научных, развивающих, спортивных, культурных – Г. М.), создание инфраструктуры города. /.../ Практически каждое крупное событие в городе /.../ – когда привозят федеральных каких-то музыкантов /.../ – если бы не было такой поддержки со стороны „Татнефти”, город бы не смог потянуть»* (Респ. 1)⁴. *«Раньше Тахавутдинов, сейчас*

¹ Эти наблюдения, как и проводившиеся в ходе поездок личные беседы автора с жителями городов, помогли конкретизировать содержащиеся в интервью факты, впечатления, оценки.

² Для них отбирались семьи, члены которых не менее 10 лет проживают в изучаемых городах. Это были, прежде всего, семьи, состоящие из детей 16–25 лет и их родителей. Они были дополнены несколькими интервью с молодыми семьями, в которых оба супруга в возрасте 20–36 лет. В отдельных интервью принимали участие представители старшего поколения, проживающие совместно со своими детьми/внуками.

³ На первом его этапе осуществлялось сплошное прочтение текстов интервью и написание аналитических заметок, уточнявших основные идеи исследования и фиксировавших наиболее интересные оценки. Второй этап представлял собой прочтение составленных заметок для формирования аналитического стержня. Третий этап – еще одно обращение к текстам с тем, чтобы выделить наиболее яркие примеры и факты, которые могли бы иллюстрировать выдвинутые гипотезы и идеи.

⁴ Характеристики респондентов в Приложении.

Маганов» (Респ. 2), – называет в качестве действующих лиц глав акционерного общества другая интервьюируемая. *«Каждый руководитель – генерал – что-то привносил, – дополняет супруг. – В простонародье так называлось /.../ – не генеральный, а генерал»* (Респ. 3)¹. Иные компании (связанные с нефтесервисом – «Таграс», «Алнас» и др.) также принимают участие в развитии города, но оно не соизмеримо с вкладом «Татнефти»: *«Они оказывают какую-то спонсорскую помощь школе, какая необходима. Но в основном, “Татнефть”. У “Татнефти” оборот и прибыльность больше»* (Респ. 4).

Специфика Нижнекамска в том, что в нём, наряду с «Нижнекамскнефтехимом» – комплексом химических заводов, с возведением которого связано строительство города, – значимые позиции начинает занимать «Танеко». Причём респондентами отмечалась негласная их конкуренция в городском развитии (при лидерстве нефтехимии): *«„Татнефть” сделали свой парк. „Нижнекамскнефтехим” также сделал свой парк. /.../. Ну вот по крайней мере, если брать новогодние ёлки, то да – каждое предприятие пытается сделать что-нибудь интересное»* (Респ. 5). Так или иначе, заключалось, что *«без градообразующих предприятий город ничто»,* и что *«все мероприятия городские или какие-то большие строительства – они все вкладываются»* (Респ. 6). Отмечалась и определяющая их позиция по отношению к другим акторам: *«Ну, в теории должен как бы наш глава города решать. Но, так как у нас очень сильно завязан город на производствах /.../, даже если смотреть чисто по финансированию, любой проект он идёт по приличной статье расходов именно за счёт предприятий»* (Респ. 5).

В Набережных Челнах респонденты подчёркивали, что с КамАЗом связано становление города и именно он составляет основу городской экономики; отмечалась и сохраняющаяся знаковая роль предприятия: *«Двигателем города изначально является завод КамАЗ, потому что только из-за него со всего СССР люди приехали сюда, в этот город, на постройку, на запуск. И как бы всё от него идет, вся основная масса людей работает там, на этом заводе»* (Респ. 7). Признавалось также, что КамАЗ продолжает вносить главный вклад в бюджет города в виде налогов и оказывает социальную поддержку работающим в компании²: *«Они содержат свой санаторий, у них есть свои лагеря. Свою инфраструктуру бывшую, опять же заложенную в СССР, они поддерживают её»* (Респ. 8). В то же время, по мнению респондентов, значимую роль в развитии Челнов начинают играть и другие акторы, а вопросы благоустройства города решает, прежде всего, мэрия: *«В основном это всё-таки город делает, город скорее всего»* (Респ. 8).

¹ Нужно заметить, что позитивному восприятию «Татнефти» способствует также умелое продвижение её руководством «идеи участия» посредством интернета.

² Обозначенные моменты требуют уточнения в ходе дальнейших исследований, поскольку анализ сайтов позволил предположить, что данное предприятие, возможно, уделяет меньше внимания пиару своей деятельности в городе.

В Зеленодольске картина более сложная, поскольку в нём два ведущих предприятия, но поддержка обоими городского развития (в силу причин, о которых будет сказано ниже) ограничена: *«Сейчас корпорации наши, которые наверху /.../, заставляют минимизировать затраты, связанные с непроизводственной частью /.../. Соответственно, мы (один из заводов, на котором работает респондент – Г. М.) отказались от дворца культуры, отказались от туристической базы, закрыли свой пионерский лагерь. Город взял его на себя, но так и не смог развивать дальше»* (Респ. 9). В результате Зеленодольск больше поддерживался в последние годы из бюджета Татарстана, который входит здесь, по мнению интервьюируемых, в число главных игроков локального поля: *«Так у нас город-то дотационный... Республика выделяет денежные средства»* (Респ. 10).

Таким образом, уже в пределах четырёх промышленных городов одного региона было отмечено многообразие соотношения двух основных акторов их развития с включением третьего. Причём определяющим, влияющим на это обстоятельством выступает, на наш взгляд, отраслевая принадлежность производства. Поскольку в одном случае (Альметьевск) – это компания, связанная с добычей нефти, и её возможности в плане инвестирования в город высоки. Во втором (Нижнекамск) – это также высокодоходный, крупнейший в стране нефтехимический комплекс, к которому добавилось предприятие по нефтепереработке. В третьем – это градообразующее производство, связанное с автомобилестроением (Набережные Челны), которое не может принести столь же высокие доходы¹. Тем более это касается машиностроения преимущественно оборонной направленности (Зеленодольск), где заводы работают по госзаказу. Тем самым, подтверждается вывод Н. В. Зубаревич об ощутимо больших возможностях одних монопрофильных городов по сравнению с другими по причине того, что их продукция «оказалась востребованной мировым рынком» [11, с. 14].

На роли предприятия в городских процессах сказывается, по справедливому замечанию Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова, и функциональная его принадлежность – когда оно выступает частью международного или федерального холдинга либо региональной производственной структуры, а также его положение в компании [8, с. 38]: *«„Татнефть” была всегда в Альметьевске, головной офис находится здесь. „Татнефть” на своей территории больше денег вливает»* (Респ. 4). Показательны в этом плане и опасения, высказывавшиеся в Нижнекамске. Их суть заключалась в том, что ситуация в городе может перемениться в результате передачи части акций «Нижнекамскнефтехима» «Сибуру» (то есть республиканского собственника – интегрированной межрегиональной компании). Выделялось и другое обстоятельство – сложение с себя полномочий главой Нижнекамского

¹ Нужно отметить, что его руководство сумело в последние годы вывести компанию в прибыль. Причем сейчас перед предприятием стоят новые вызовы, связанные с изменением цепочки поставок.

района А. Р. Метшиным (в связи с его избранием депутатом Госдумы РФ). А это уже аргумент в пользу значимости субъективного фактора в развитии города. Примером тому могут служить и рассуждения интервьюируемого из Альметьевска: *«Местные руководители („Татнефти” – Г. М.) – они отсюда вышли все. Да, это очень важно! Всё равно свой!»* (Респ. 3). Наконец, на восприятие горожанами значения ведущего предприятия влияет активность производственных элит в плане освещения своей деятельности в СМИ и интернете.

Что касается представителей городской администрации, горожанами отмечались, прежде всего, их управленческие функции, а также роль связующего звена между различными участниками протекающих в городе процессов. Причём в одном случае они обращаются за помощью к руководству градообразующих предприятий, в другом – к бизнесу, в третьем – к региональным либо федеральным властям. Соответственно, здесь роль персональных качеств лидеров особенно велика – многое зависит от их умения найти нужные подходы ко всем акторам.

Формы участия предприятий в городском развитии

Интервью позволили обозначить формы участия лидеров-управленцев ведущих производств и складывающихся вокруг них сообществ в городских процессах. Наиболее распространённой из них является социальная поддержка работников, составляющих в промышленных городах ощутимую часть населения. В качестве самой эффективной для привлечения специалистов (особенно молодёжи) респондентами признавалась помощь главных компаний всех изучаемых городов в получении льготных кредитов на покупку жилья, в их выплате, вплоть до внесения первоначального взноса: *«На завод Горького шло большое количество молодёжи, потому что они давали жильё. /.../. Какая-то у них там была программа специпотеки»* (Респ. 10); *«Ну учитывая, что мы купили как бы квартиру и сейчас делаем там ремонт, то на ближайшие ... лет десять /.../, мы дальше будем жить (здесь – Г. М.)»* (Респ. 5). Однако на сегодня подобные программы охватывают лишь часть горожан: *«Дают квартиру, ипотеку, именно „Татнефть”. Просто у нас нет никого с „Татнефти”»* (Респ. 11).

Иные называемые модели социального стимулирования – в виде санаториев и лагерей для детей работающих, льготного обслуживания в магазинах и культурно-досуговых учреждениях – для «удержания» молодёжи на производстве и в городе, по мнению респондентов, менее действенны. Не результативна в этом плане и поддержка работников (в том числе ветеранов), а также подшефных организаций (школ и т. д.) в виде разовых акций: *«Портфели собирают /.../. Стараясь там пенсионерам какие-то копейки к празднику День пожилого человека дать, на похороны там машину выделяют»* (Респ. 12).

Вместе с тем определённые результаты даёт система поддержки ведущими предприятиями всех четырёх городов подготовки молодых специалистов. Относительно высшего образования, в одних случаях – это специализированные вузы в самих городах (Нижекамский химико-технологический институт – НХТИ, Альметьевский государственный нефтяной институт – АГНИ), в других (Набережные Челны, Зеленодольск) – вузы столицы республики либо их филиалы: *«Мы сотрудничаем с институтом Казанским, где пытаемся воспитать инженеров. /.../ Даём какие-то спец. стипендии. Ну как бы с гарантией, что они потом приходят к нам. Большинство приходят. /.../ И эта программа работает»* (Респ. 9).

Другая форма участия заводов в городских процессах – спонсирование ими разного рода мероприятий – посвящённых Новому году, Сабантую, Дню республики и т. д. Это может играть знаковую роль, если речь идёт о Дне города и связанных со спецификой производств профессиональных праздниках, способствующих укреплению локальной индустриальной идентичности. Примером может служить широко отмечаемый День химика в Нижнекамске, День нефтяника в Альметьевске, а также День ВМФ в Зеленодольске и расширяющийся потенциал Дня машиностроителя в Набережных Челнах.

Нередким является участие градообразующих предприятий в реализуемых муниципальными властями республиканских и федеральных программах формирования комфортной городской среды. В Татарстане это, прежде всего, программы благоустройства набережных и парков. В связи с этим, в частности, назывались: «Каскад прудов» и индустриальный сквер со скейт-парком (Альметьевск), «Парк им. Г. Тукая» и «Солнечная поляна» (Нижнекамск) и др. Совместно с городом компании могут проводить также собственные инициативы в данном направлении (строительство велодорожек и т. д.).

При поддержке ведущих производств осуществляются и другие проекты городского развития: связанные с возведением спортивных комплексов (картодром в Набережных Челнах, бассейн «Мирас» и ледовый стадион «Нефтяник» в Альметьевске и др.) и поддержкой спортивных команд (хоккейный и футбольный клубы «Нефтехимик» и др.), со строительством научных, медицинских, познавательных центров и автодорог, с проведением масштабных городских фестивалей («Каракуз» и др.). Они вызывают эмоциональный отклик интервьюируемых и сказываются на отношении к городу: *«У меня есть друзья из разных институтов. Они приезжают сюда на практику. Они говорят, что здесь классный город, и они хотят остаться здесь жить»* (Респ. 13).

Важным для понимания механизмов подключения предприятий к участию в городских процессах является вопрос о формах их взаимодействия с муниципальными властями. Интервью позволили в первом приближении обозначить некоторые возможные варианты его осуществления. В одних случаях отмечалась активность в данном направлении представителей местной администрации: *«Мэр с предприятиями?»* (Он

их – Г. М.) *подтягивал, да. Уж не знаю какими способами, но отношения были хорошие /.../. То есть, он был в принципе, как бы, умелый, сильный человек, руководитель»* (Респ. 14). В других – речь шла о тандеме и взаимном их интересе к осуществлению тех или иных проектов: *«Насколько я понимаю, это целенаправленно /.../ политика этой культурной программы выстраивается ... „Татнефтью” и городом»* (Респ. 1). В иных случаях интервьюируемые замечали, что формирующиеся вокруг заводов сообщества подключаются традиционно к организации наиболее важных событий: *«КамАЗ, конечно, спонсором выступает финансово, ну может быть что-то и организует. У нас раньше праздник был такой, День цветов. Там каждое предприятие организовывало цветочную выставку»* (Респ. 8).

Другие участники городских процессов

Проведённый анализ текстов показал, что, помимо указанных выше, в качестве участников городских процессов признавались представители малого и среднего бизнеса, работники образования и культуры, креативщики, активисты, а также «внешние» по отношению к городу актеры – региональные и федеральные власти. То есть «набор» основных субъектов городского развития явился схожим во всех изученных городах, хотя выявилась и специфика.

При обсуждении включённости бизнеса преобладали общие для всех поселений тенденции. Во-первых, сами интервьюируемые не выделяли его представителей в качестве акторов городского развития, но вспоминали отдельные имена, когда им задавался специальный вопрос («„Кориб”... *Есть такая фирма /.../ Там Коробченко, хозяин.... Вот, тоже там площадку для детей поставил, хоккейный корт сделал»* (Респ. 7)). Объясняя это, они указывали, что у самих предпринимателей доходы небольшие. Во-вторых, респонденты по-разному трактовали основания, по которым бизнесмены поддерживают город. Одни отмечали «*добровольно-принудительный*» характер таких инвестиций, другие – что это делается в прагматических целях («*Привлекают уж спонсоров /.../. Поскольку бизнесу нужна реклама»* (Респ. 15)), третьи подчёркивали, что здесь не всегда нужно искать утилитарные причины, чаще имея в виду помощь конкретному детскому дому, ребёнку и т. д. («*У меня ... много знакомых, у которых есть фирмы и которые просто сами добровольно делают пожертвования в какие-то организации – для животных, для детей, пожилых»* (Респ. 16)). При этом отдельные участники обсуждения справедливо замечали, что уже само по себе открытие в городе кафе, салонов, магазинов позитивно влияет на качество жизни горожан.

Работники образования редко выделялись в качестве самостоятельных акторов городского развития. Однако отмечалось, что вместе с ведущими предприятиями они определяют его профессиональный профиль и готовят необходимые для производства кадры (что перекликается с выводами ряда российских исследователей [1]). Причём в тех городах,

где высшие учебные заведения (и их филиалы) были закрыты, респонденты признавались, что это становилось дополнительным «выталкивающим» молодёжь из города фактором:

Респ. 9: *Процентов тридцать осталось бы.*

Респ. 17: *Ну какая разница, где ты получаешь высшее образование? – Тут тебе надо ехать в Казань, тратить время на дорогу. Снимать там что-то.*

Относительно роли культурных акторов обозначилась специфика каждого города, связанная с его историей, формированием в нём культурной среды. Так, в Челнах респонденты рассказывали об инициативах местных креативщиков, начиная с «Творческого треугольника», центра «Метро» и кончая рок-концертами на крыше «Тюбетейки»: *«Это такие комьюнити, где все друзья поддерживают какие-то свои приколы. Это зарождение целого сообщества внутри общества челнинского»* (Респ. 18). И в этом можно усмотреть влияние советского этапа, когда в город съезжались деятели культуры со всей страны и образовывали команды, создававшие что-то новое. В связи с чем респонденты отмечали включение местных художников в осуществляемые в городе региональные программы, возможность самореализации для них в культурной сфере.

В Альметьевске иная ситуация. Сюда в последние годы для реализации конкретных проектов приглашались дизайнеры, художники, артисты со всего мира, а на крупные мероприятия – российские звезды. В этом есть несомненные плюсы, поскольку занятые в культурной сфере имели возможность перенимать их опыт (*«Они ... создали свой уличный театр. Приглашали из других стран артистов, которые их обучали»*) (Респ. 13)). Однако такие практики могли в некоторой мере тормозить инициативы местных культурных производителей, о которых респонденты говорили мало¹. Аналогичные тенденции – в Нижнекамске, где тоже отмечалось приглашение известных артистов на крупные мероприятия. При этом сколь-нибудь заметные местные проекты и фигуры респонденты назвать затруднялись (исключение – музей А. Фасхутдинова в Красном Ключе), подчёркивая, что город «заточен под химию».

В Зеленодольске обозначилось наличие своей сложившейся культурной среды, связанной с Казанью. Причём респондентами назывались акторы, устраивающие, в меру возможностей, городские концерты, конкурсы, выставки. В то же время респонденты отмечали, что в данной среде не хватает движения, развития: *«У нас как было 10 лет назад музей и галерея, у нас так спустя 10 лет... и осталось, только музей и только галерея»* (Респ. 12).

По поводу активистов исследование позволило сделать следующие выводы-предположения. Во-первых, респонденты затруднялись назвать сколь-нибудь значимые движения в масштабах городов, что может быть связано с отсутствием в них видных фигур либо с тем, что респонденты не интересуются данным вопросом: *«Мы не следим,*

¹ Хотя отдельные респонденты свидетельствовали о сочетании того и другого.

если честно, в этом плане за нашим городом. Поэтому может быть и есть, но мы не знаем – некогда» (Респ. 19). Отдельные примеры, тем не менее, приводились, и они касались акций, связанных с конкретными городскими проблемами: частности, в Зеленодольске вспоминали, что люди выходили против программы расселения аварийного жилья, а в Альметьевске – о выступлениях против строительства химического завода («Было время – года два, больше, наверное. Хотели строить /.../ какой-то завод. ... Вот тогда поднялись жители» (Респ. 20)).

Во-вторых, респонденты говорили об активизме в масштабах двора, района, например, связанном с реализацией программы «Наш двор» («Жители, вот, тоже естественно влияют на развитие города. /.../ И... когда во дворах бывают собрания – приходят» (Респ. 15)). И в-третьих, они вспоминали о волонтерах («Есть конечно люди, которые... – там помыть старушкам окна, принести продукты. Вот, во время ковида у нас много продуктов разносили» (Респ. 12)).

Наконец, во всех изучаемых городах артикулировалась роль региональных властей. Много и в позитивном ключе говорилось о реализации республиканских проектов парков и скверов, набережных и водохранных зон, программы «Наш двор». Акценты, однако, расставлялись по-разному, и на участие руководства Татарстана в благоустройстве города обращалось внимание, прежде всего, в поселениях, где региональная составляющая бюджета велика: «Ну так с каждым годом становится лучше. ...Потому что /.../ республика запустила региональные программы» (Респ. 10). В ряде случаев подчёркивалось также значение в городском развитии федеральных проектов: «Дороги, дворы там обустривают, насколько я знаю, это всё федеральный бюджет, по программе» (Респ. 21).

Жизненные стратегии горожан: где жить и работать?

В заключение анализа результатов поискового исследования обозначим тезисно, какие выявлены установки жителей нестоличных промышленных поселений Татарстана, прежде всего молодёжи, на то, чтобы остаться в городе/покинуть его. Важно рассмотреть данный вопрос в свете факторов, влияющих на это решение.

Как и предполагалось, первоначальным условием для того, чтобы молодые люди хотели жить в том или ином населённом пункте, является наличие в нём работы с более или менее достойной оплатой труда и льготные возможности покупки жилья. В этом плане, как уже отмечалось выше, ресурсы изучаемых городов и их ведущих предприятий различаются. В частности, нефтяные и нефтехимические компании способны обеспечить удовлетворение этих базовых потребностей с целью «удержания» специалистов различных уровней, включая квалифицированных рабочих.

Респ. 14: *Дают ипотеку. То есть ты работаешь на предприятии и платишь меньшую сумму ... У нас ипотечное жилье, да.*

И.: То есть зарплата достаточная, чтобы погашать эту ипотеку?

Респ. 14: Ну даа. Можно, да, не так чтобы на воде и хлебе сидим. У нас двое детей, поэтому, сами понимаете, и туда и сюда надо.

В Набережных Челнах ведущее предприятие также реализует программы помощи работникам в выплате жилищных кредитов (кроме того, вкладываясь в строительство социального жилья для медиков и т. д.). Однако заработная плата здесь в целом ниже: *«Там маленькая зарплата, у работников рабочей профессии, конечно, очень маленькая /.../. Он бы и в Москву не поехал, и не искал бы где-то там за рубежом. /.../ Если даже вот сейчас говорят там 6–7% ипотеки. Даже 20 тысяч (если зарплата – Г. М.) – ещё он жить должен!»* (Респ. 22). Зато в данном случае действует фактор притяжения крупного города, дающего большие возможности для выбора рода деятельности (в том числе предпринимательской) и досуга.

Респонденты отмечали также значимость для жителей городов отлаженной работы транспорта, наличия и достойного уровня учреждений здравоохранения, культуры, воспитания, образования и развития детей, торговли – то есть того, что принято обозначать термином «качество жизни». Всё это в изучаемых городских поселениях есть, но требует совершенствования. В частности, были обнаружены проблемы с качеством получаемых медицинских услуг (в связи с нехваткой специалистов), функционирования транспортной системы и даже с недостатком торговых точек: *«Кстати, у нас в городе есть такая проблема, к нам практически не заходят крупные магазины. Вот сейчас у нас открылся “Рамус Молл” /.../, а до этого у нас вот фактически невозможно было купить банально одежду. Вот, чтобы нормально одеться нужно было ехать в лучшем случае в Челны, ну, а ещё лучше, если в Казань»* (Респ. 19). В свою очередь, самые молодые участники интервью подчёркивали важность для них наличия организаций досуга, развлечений.

Важным, определяющим жизненные стратегии части молодёжи обстоятельством в плане выбора места жительства является и возможность в нём самореализации. Респонденты говорили о необходимости появления в городе новых интересных рабочих мест: *«Ну то есть что тут? Почта, школа, там, не знаю, какая-то музыкальная школа, художка. То есть куда вот программист сюда придёт работать? Тут ни одной IT-компании нет. А в ПИАР-агентстве каком-то люди работают со знаменитостями там, с соцсетями, какие-то таргетологи – люди, которые это продвигают. Тут же об этом вообще ничего не слышали. Все современные профессии – люди куда больше всего идут, которые больше всего востребованы – тут просто не котируются»* (Респ. 23)¹. Некоторые респонденты при этом заявляли о своей готовно-

¹ Причём особенно сложно с поиском форм самореализации представителям непрофильных для изучаемого типа городов и их ведущих производств профессий. В частности, отмечалась ограниченность имеющихся в них возможностей применения своих талантов для музыкантов, художников, переводчиков, дизайнеров и представителей ряда других творческих специальностей.

сти остаться в данном населённом пункте либо вернуться в него в случае появления в нём специалистов – профессионалов своего дела, способных собрать вокруг себя команду заинтересованных интеллектуалов и поставить перед ней масштабную задачу-вызов: «Если проект какой-то интересный, /.../ то почему бы не приехать» (Респ. 23). И это, во-первых, подтверждает вывод последователей Л. Болтански и Л. Тевено о том, что «корыстный интерес – лишь частный случай человеческой мотивации» [22, с. 126], и, во-вторых, даёт основание предположить, что *формирование такого рода команд, в том числе на базе градообразующих предприятий, могло бы стать новым нематериальным фактором развития нестоличных промышленных городов России.*

И всё же, как свидетельствуют данные, полученные в интервью, для другой части молодых людей более важны установки на те возможности, что «обещают» столичные города и города-миллионники. Причём эти респонденты нередко опираются на симуляционные о них представления: «Я поеду в Москву /.../. Это всё-таки естественный процесс, скорее. Даже если бы там (в городе, в котором он живет – Г. М.) появилось еще одно пространство, хорошо, еще бы что-нибудь сделали хорошее. Даже если бы там зарплаты стали повыше, насколько они, в принципе, ну могут быть повышены. Всё равно бы молодёжь уезжала. Это нормально, мне кажется – для Европы, для России» (Респ. 24). Тем самым подтверждается тезис, выдвинутый, в частности, отечественными исследователями В. А. Беляевым и Э. Р. Калимуллиной, о том, что молодым поколением нередко управляют симулякры, связанные с идеализацией ценностей, стиля и образа жизни мегаполисов, внедряемые в сознание молодёжи СМИ, интернетом и массовой культурой [2, с. 234].

Выводы

1. Исследование, уже на проведённом поисковом этапе, показало, что нестоличные промышленные города Татарстана, при всех сложностях, с которыми им пришлось столкнуться в последние десятилетия, продолжают развиваться, и пути этого развития зависят от действий конкретных акторов. По данным проблемно-ориентированных групповых интервью, ведущими среди них выступают муниципальные власти и руководство градообразующих предприятий. Соотношение их ролей в городских процессах зависит от отраслевой и функциональной принадлежности производств, а также от ряда субъективных факторов – в том числе от активности самих лидеров-управленцев и формирующихся вокруг них сообществ, их способности стать генератором развития города как комплексной точки притяжения.

2. Анализ текстов интервью обнаружил многообразие форм участия ведущих производственных компаний в городском развитии – от помощи в организации событий (в особенности, определяющих профессиональный профиль города, а также призванных способствовать форми-

рованию локальных солидарностей) и проведения акций, направленных на отдельные группы населения, до внесения вклада в осуществление региональных и локальных стратегий формирования комфортной среды, а также инициирования собственных крупных проектов (инфраструктурных, спортивных, досуговых, культурных) поддержания города. Важной формой такого участия являются и различные виды социальной помощи работникам предприятий, на которых продолжает трудиться значительная часть горожан.

3. Среди представителей малого и среднего бизнеса, согласно данным групповых обсуждений, лишь единицы выступают в качестве организаторов и спонсоров тех или иных городских мероприятий и благотворительных практик. Роль культурных агентов в изучаемых городах Татарстана различается и является связанной со спецификой их истории и особенностями формирования в них культурной среды. Работники сферы образования обычно входят в городские проекты в связке с ведущим производством. В свою очередь, деятельность городских активистов мало известна горожанам и, как правило, ограничивается проведением акций по какому-либо конкретному поводу (хотя имеют место активности жителей на уровне районов и дворов, волонтерских сообществ).

Исследование позволяет также предположить, что во взаимодействии указанных акторов инициатива чаще принадлежит муниципалитетам и многое зависит от их умения подключить к городским проектам предприятия, бизнес-сообщества, региональные власти. Наконец, ощутимо влияние на развитие промышленных городов Татарстана (в особенности тех из них, чьи производственные компании работают по государственным заказам) руководства Республики. Стратегии и практики указанных сообществ требуют, однако, дальнейшего специального изучения.

4. В обозначенном контексте жизненные стратегии горожан – в их территориальном аспекте – обнаруживают сложные траектории, зависящие в том числе от связанных с деятельностью рассматриваемых акторов городских процессов. Они определяются наличием в городах рабочих мест и уровнем оплаты труда, возможностями льготного приобретения жилья. Они также связаны со множеством влияющих на качество жизни факторов, в особенности развитием инфраструктуры, городской среды. Кроме того, для представителей молодого поколения важны возможности приложения своих способностей, самоактуализации, а также формирования команды высококвалифицированных и заинтересованных в своём деле специалистов. И в этом направлении значимы действия городских и региональных акторов, заинтересованных в увеличении привлекательности городов и в поиске новых точек их роста.

В то же время, поскольку на сегодняшний день в сознании ощутимой доли населения сформированы определённые преимущественно прагматические и утилитарные установки и приоритеты, на общероссийском уровне важно запустить проекты, направленные на формирование ценностей самореализации и патриотизма.

Приложение

Расшифровка кодовых обозначений респондентов в цитатах из интервью

Код	Пол	Возраст, лет	Город
Респ. 1	Муж.	45	Альметьевск
Респ. 2	Жен.	48	Альметьевск
Респ. 3	Муж.	48	Альметьевск
Респ. 4	Муж.	36	Альметьевск
Респ. 5	Муж.	35	Нижнекамск
Респ. 6	Жен.	66	Нижнекамск
Респ. 7	Муж.	32	Набережные Челны
Респ. 8	Жен.	48	Набережные Челны
Респ. 9	Муж.	47	Зеленодольск
Респ. 10	Жен.	50	Зеленодольск
Респ. 11	Жен.	46	Альметьевск
Респ. 12	Жен.	58	Зеленодольск
Респ. 13	Муж.	20	Альметьевск
Респ. 14	Жен.	36	Нижнекамск
Респ. 15	Жен.	40	Набережные Челны
Респ. 16	Жен.	28	Нижнекамск
Респ. 17	Жен.	40	Зеленодольск
Респ. 18	Муж.	23	Набережные Челны
Респ. 19	Жен.	33	Нижнекамск
Респ. 20	Жен.	38	Альметьевск
Респ. 21	Муж.	38	Нижнекамск
Респ. 22	Жен.	60	Набережные Челны
Респ. 23	Жен.	17	Зеленодольск
Респ. 24	Муж.	17	Зеленодольск

Библиографический список

1. Балюшина Ю. Л. Современный университет в провинциальном городе: проблемы и перспективы развития // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: Жизненное пространство и визуальная среда. Мат. III Межд. науч. конф. / Под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: НГУ имени Ярослава Мудрого, 2020. С. 344–350. DOI: 10.34680/visant-2020-344-350

2. Беляев В. А., Калимуллина Э. Р. Межпоколенная мобильность из малых городов: реальные мотивы и симулякры // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 233–238.

3. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов / Пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Л. В. Гирко. М.: ИНИОН, 2005. 233 с.

4. Дубинкин Е. П. Градообразующее предприятие как субъект продвижения территории с моноэкономической структурой // Бренддинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Мат. Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 85–87. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37638/1/bmisgr_2014_20.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

5. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4. С. 75–89. DOI:10.23951/2312-7899-2020-4-75-89

6. Заборова Е. Н. Развитие рынка труда в малых городах Урала: позиции власти, бизнеса и населения // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2(43). С. 110–118. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118

7. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: URSS, 2015. 213 с.

8. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая промышленная политика в монопрофильных городах России // Современные производительные силы. 2015. № 1. С. 37–55.

9. Зайцева Е. В., Азоркин Е. А., Алексейчук А. С. Ученые Екатеринбурга как акторы пропаганды движения за сохранение индустриального наследия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 1 (9). С. 118–124. DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-118-124

10. Зимина Е. В., Нефедьева Е. И., Попова Е. А. Социальная деятельность градообразующих предприятий монопрофильных территорий (на примере центра социальных программ РУСАЛа и города Шелехова) // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 8. С. 1625–1644. DOI: 10.18334/се.14.8.110768

11. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/25/1251346584/%D0%97%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).

12. Кулай С. В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Вып. 73. С. 224–248. URL: chrome-exten-

sion://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk_73_aprel_2019_g./regionalnaja_ekonomika/kulay.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

13. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019

14. Малый В. И., Гусев В. В. Российские инновационные моногорода: положительный опыт социально-экономического развития (Russian Innovation Monotowns: Positive Experience in Socio-Economic Development) // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 5. № 20. С. 40–48. DOI: 10.22394/1682-2358-2020-5-40-48

15. Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Мониторинг региональных стратегий пространственного развития российских городов: моделирование политико-управленческих практик. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3(36). С. 51–65. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-51-65

16. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.

17. Плотникова Е. Б., Маркова Ю. С. Модернизационные проекты промышленных предприятий как ресурс развития человеческого потенциала территорий // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2019. С. 311–314. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-proekty-promyshlennyh-predpriyatij-kak-resurs-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala-territoriy/viewer> (дата обращения: 20.03.2022).

18. Рослякова М. В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и общество. 2018. № 8. С. 42–55. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143

19. Ушаков В. А. Современное состояние и перспективы развития российской системы крупных промышленных городов // Экономика и управление. 2009. № 5 (98). С. 37–48.

20. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее // The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=542385&p=1> (дата обращения: 03.03.2022).

21. Хаунина Е. А. Потенциал редевелопмента промышленного наследия для территориального развития города: экономические и социокультурные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 73. С. 117–125. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10408

22. Юдин Г., Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов // Laboratorium. 2014. № 6 (3). С. 126–129.

23. Beatty C., Fothergill S. Recovery or stagnation? Britain's older industrial towns since the recession // Regional Studies. 2020. Vol. 54. No 9. P. 1238–1249. DOI: 10.1080/00343404.2019.1699651

24. Bole D., Kozina J., Tiran J. The socioeconomic performance of small and medium-sized industrial towns: Slovenian perspectives // *Moravian Geographical Reports*. 2020. Vol. 28. No 1. P. 16–28. DOI: 10.2478/mgr-2020-0002

25. Bolzoni M. Who Shape the City? Non-profit associations and civil society initiatives in urban change processes: role and ambivalences // *The Open Journal of Sociopolitical Studies*. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 436–459. DOI: 10.1285/I20356609V12I2P436

26. Clark J. “Reframing deindustrialization” // *International Journal of Urban Sciences*. November 2020. P. 1–7. DOI: 10.1080/12265934.2020.1843524

27. Felzensztein Ch., Gimmonb E., Deans K. R. Coopetition in regional clusters: Keep calm and expect unexpected changes // *Industrial Marketing Management*. 2018. Vol. 69. P. 116–124. DOI: 10.1016/j.indmarman.2018.01.013

28. Fraser A., Clark A. Damaged hardmen: Organized crime and the half-life of deindustrialization // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72. No. 1. P. 1062–1076. DOI: 10.1111/1468-4446.12828

29. Ganning J. P., Tighe J. R. Moving toward a shared understanding of the US shrinking city // *Journal of Planning Education and Research*. 2021. Vol. 41. No. 2. P. 188–201. DOI: 10.1177/0739456X18772074

30. Gros-Balthazard M., Talandier M. Cooperation, proximity, and social innovation: three ingredients for industrial medium-sized towns’ renewal? // *Urban Science*. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 1–21. DOI: 10.3390/urbansci4020015

31. Hodson P. Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in belfast // *History Workshop Journal*. Oxford Academic. 2019. Vol. 87. P. 224–249. DOI: 10.1093/hwj/dbz003

32. Hölschera K., Wittmayera J. M., Avelinoa F., Giezenb M. Opening up the transition arena: An analysis of (dis) empowerment of civil society actors in transition management in cities // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 145. P. 176–185. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.004

33. Lees L., Slater T., Wylie E. *Gentrification*. New York: Routledge, 2008. 648 p.

34. Pike A. Coping with deindustrialization in the global North and South // *International Journal of Urban Sciences*. 2020. P. 1–22. DOI: 10.1080/12265934.2020.1730225

35. Quark A. A. From global cities to the lands’ end: the relocation of corporate headquarters and the new company towns of rural America // *Qualitative Sociology*. 2007. Vol. 30. No. 1. P. 21–40. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11133-006-9053-6> (дата обращения: 12.03.2022).

36. Sadeque S., Roy S. K., Swapan M. S. H., Chen C. H., Ashikuzzaman M. An integrated model of city and neighborhood identities: A tale of two cities // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 117. P. 780–790. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.06.040

37. Schindler S., Gillespie T., Banks N., Bayırbağ M. K., Burte H., Kanai J. M., Sami N. Deindustrialization in cities of the Global South // *Area Development and Policy*. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 283–304. DOI: 10.1080/23792949.2020.1725393

38. Silver J. Decaying infrastructures in the post-industrial city: An urban political ecology of the US pipeline crisis // *Environment and Planning E: Nature and Space*. 2019. Vol. 4. No 32. DOI: 10.1177/2514848619890513

39. Toura V. Shrinking cities and sustainability Deindustrialization and urban shrinkage. Achieving urban sustainability in former industrial cities in France: the case studies of Nantes and Saint-Ouen // *AESOP*. Jul 2019. Venice, Italy. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02190090/document> (дата обращения: 01.05.2022).

40. Uyttebrouck C., Remøy H., Teller J. The governance of live-work mix: Actors and instruments in Amsterdam and Brussels development projects // *Cities*. 2021. No. 113. P. 11. DOI: 10.1016/j.cities.2021.103161

41. Valencia S. C., Simon D., Croese S., Nordqvist J., Oloko M., Sharma T. Adopting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level: Initial reflections from a comparative research project // *International Journal of Urban Sustainable Development*. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.1080/19463138.2019.1573172

42. Wagner T. E., Obermiller P. J. A Double-Edged Sword: Social Control in Appalachian Company Towns // *Engineering Earth*. Springer. Dordrecht. 2011. P. 1917–1935. DOI: 10.1007/978-90-481-9920-4_106

Получено редакцией: 18.07.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854

EDN: BJWBQM

Actors in the Development of Non-Capital Industrial Cities of Tatarstan in the Vision and Assessment of Their Residents

Guzel I. Makarova

Institute of History named after Sh. Mardjani, Kazan, Russia

E-mail: makarova_guzel@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3912-0961

For citation: Makarova G. I. Actors in the development of non-capital industrial cities of Tatarstan in the vision and assessment of their residents. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 144–167. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854; EDN: BJWBQM

Abstract. The purpose of the article the author sees as the identification of actors of non-capital industrial cities of Tatarstan, the clarification of their relationship and forms of participation in urban development. The activities of urban communities and their leaders are considered in the article from the standpoint of its perception by residents, in terms of influencing their decision to stay in the city/leave it.

The exploratory nature of the study led to the use of the method of group problem-oriented interviews carried out by the author in 2021 during reconnaissance field trips to the cities of Tatarstan: Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, Zelenodolsk. They took place in families that made it possible to increase the number of interviewees, compare the opinions of different generations and achieve a comfortable atmosphere for conducting interviews, and were accompanied by notes.

The study preliminary confirmed the hypothesis that the key players in non-capital industrial settlements in Russia are the municipal authorities and communities that develop around their leading enterprises. The significance of both in different cities varies, that depends on the industry, functional affiliation of industries and a number of subjective factors, primarily on the ability of leaders-managers to build a strategy and tactics of participation in urban processes. The main forms of such participation for manufacturing companies are: social support for employees, sponsorship of city events, inclusion in regional programmes to improve the urban environment and the implementation of their own projects in the field of healthcare, specialised and general education, sports, culture, and city spaces. Representatives of the city administration more often perform not only managerial functions, but also act as a link between the actors of urban processes. Individual small and medium-sized businesses take part in the latter, and the role of cultural workers depends on the development of the cultural environment of the city. The practices of urban activists are limited to single actions, although activism is revealed at the level of courtyards and volunteer movements. It has been empirically confirmed that a significant contribution to the development of the cities of Tatarstan is made by regional authorities. In the indicated context, the life strategies of citizens reveal complex trajectories that depend, among other things, on the activities of the actors under consideration that affect the level and quality of life in the city, and residents' opportunities for self-realisation.

Keywords: sociology, region, industrial city, urban development actors, leading enterprise, municipal authorities, regional authorities, life strategies, the Republic of Tatarstan

References

1. Balyushina Y. L. Modern university in a provincial town: problems and prospects of development. *Vizual'naya antropologiya. Gorod-universitet: Zhiznennoe prostranstvo i vizual'naya sreda. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Visual Anthropology – 2019. City-University: Living space and visual environment. Materials of the III International Scientific Conference]*. Ed. by S. S. Avanesov, E. I. Speshilova. 2020: 344–350 (in Russ.). DOI: 10.34680/visant-2020-344-350
2. Belyaev V. A., Kalimullina E. R. Intergenerational mobility from small cities: real motives and simulacrus. *Vestnik ekonomiki, prava i sotziologii*, 2017: 4: 233–238 (in Russ.).
3. Wirt L. *Izbrannye raboty po sociologii. Sbornik perevodov [Selected works on sociology. Collection of translations]*. Transl. from Engl. V. G. Nikolaev, ed. by L. V. Girko. Moscow, INION, 2005: 233 (in Russ.).
4. Dubinkin E. P. Local economic mainstay in mono town can be considered as a full subject of territory promotion. *Branding malyh i srednih gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Vseros. zaochnoj nauch.-prakt. konf. [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. Materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference]*. Ekaterinburg, 2014: 85–87 (in Russ.).
5. Evstifeev R. V. Designing city identities: goals, mechanisms, actors. *Proksima. Problemy vizual'noj semiotiki*, 2020: 4: 75–89 (in Russ.). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-75-89
6. Zaborova E. N. Labor market development in towns of the Urals: position of the government, business, and population. *Social'no-trudovye issledovaniya*, 2021: 43(2): 110–118. (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118
7. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. Innovacionnyj poisk v monoprofil'nyh gorodah: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan dejstvij [Innovative search in mono-profile cities: development blockages, new industrial policy and action plan]. Moscow, URSS, 2015: 213 (in Russ.).

8. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. New industrial policy in mono-profile cities of Russia. *Sovremennyye proizvoditel'nyye sily*, 2015: 1: 37–55 (in Russ.).
9. Zaitseva E. V., Azorkina E. A., Alekseychuk A. S. Scientists of yekaterinburg as actors promoting the movement for the preservation of industrial heritage. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk. Istoricheskie nauki*, 2021: 3(1): 118–124 (in Russ.). DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-118-124
10. Zimina E. V., Nefedeva E. I., Popova E. A. Social activity of monotown enterprises (on the example of the center for social programs of RUSAL and Shelekhov town). *Kreativnaya ekonomika*, 2020: 14(8): 1625–1644 (in Russ.). DOI: 10.18334/ce. 14.8. 110768
11. Zubarevich N. Cities as the Centers for the Modernization of the Economy and Human Capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010: 5: 5–19. Accessed 22.02.2022. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/25/1251346584/%D0%97%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf> (in Russ.).
12. Kulay S. V. Foreign Experience of Single-Industry Towns Modernization and Economic Restructuring. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 2019: 73: 224–248. Accessed 01.03.2022. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk_73_aprel_2019_g/regionalnaja_ekonomika/kulay.pdf (in Russ.).
13. Small towns in the social space of Russia. Ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh; Preface M. K. Gorshkov. Moscow, 2019: 545 (in Russ.) DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
14. Maly V. I., Gusev V. V. Russian innovative Monotowns: positive experience of socio-economic development. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniy*, 2020: 5(20): 40–48 (in Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2020-5-40-48
15. Markin V. V., Malyshev M. L., Zemlyanskij D. YU. Monitoring regional strategies of spatial development of Russian cities: modelling political and administrative practices. Part 1. *Monitoring of law enforcement*, 2020: 3 (36): 51–65 (in Russ.). DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-51-65
16. Park H. City as a social laboratory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2002: 2(3): 3–12 (in Russ.).
17. Plotnikova E. B., Markova Y. S. Modernization projects of industrial enterprises as a resource for the development of human potential of territories. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*, 2019: 311–314. Accessed 20.03.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-proekty-promyshlennyh-predpriyatiy-kak-resurs-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala-territoriy/viewer> (in Russ.).
18. Roslyakova M. V. Urban communities as an object and the most important resource of municipal management. *Politika i obshchestvo*, 2018: 8: 42–55 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143
19. Ushakov V. A. Current state and prospects of development of the Russian system of large industrial cities. *Ekonomika i upravleniye*, 2009: 5 (98): 37–48 (in Russ.).
20. Florida R. Creative class: People who change the future. Moscow, 2005: 430. Accessed 03.03.2022. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=542385&p=1> (in Russ.).
21. Khounina E. A. The potential of industrial heritage redevelopment for the territorial development of the city: economic and socio-cultural aspects. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2020: 73: 117–125 (in Russ.). DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10408
22. Yudin G. Luc Boltanski, Laurent Thevenot. Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds. *Laboratorium*, 2014: 6 (3): 126–129 (in Russ.).
23. Beatty C., Fothergill S. Recovery or stagnation? Britain's older industrial towns since the recession. *Regional Studies*, 2020: 54(9): 1238–1249. DOI: 10.1080/00343404.2019.1699651
24. Bole D., Kozina J., Tiran J. The socioeconomic performance of small and mediumsized industrial towns: Slovenian perspectives. *Moravian Geographical Reports*, 2020: 28: 16–28. DOI: 10.2478/mgr-2020-0002
25. Bolzoni M. Who Shape the City? Non-profit associations and civil society initiatives in urban change processes: role and ambivalences. *The Open Journal of Sociopolitical Studies*, 2019: 12 (2): 436–459. DOI: 10.1285/I20356609V12I2P436

26. Clark J. “Reframing deindustrialization”. *International Journal of Urban Sciences*, November 2020: 1–7. DOI: 10.1080/12265934.2020.1843524
27. Felzensztein Ch., Gimmonb E., Deans K. R. Coopetition in regional clusters: Keep calm and expect unexpected changes. *Industrial Marketing Management*, 2018: 69: 116–124. DOI: 10.1016/j.indmarman.2018.01.013
28. Fraser A., Clark A. Damaged hardmen: Organized crime and the half-life of deindustrialization”. *The British Journal of Sociology*, 2021: 72 (1): 1062–1076. DOI: 10.1111/1468-4446.12828
29. Ganning J. P., Tighe J. R. Moving toward a shared understanding of the US shrinking city. *Journal of Planning Education and Research*, 2021: 41(2): 188–201. DOI: 10.1177/0739456X18772074
30. Gros-Balthazard M., Talandier M. Cooperation, proximity, and social innovation: three ingredients for industrial medium-sized towns’ renewal? *Urban Science*, 2020: 4 (2): 1–21. DOI: 10.3390/urbansci4020015
31. Hodson P. Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal. Oxford Academic*, 2019: 87: 224–249. DOI: 10.1093/hwj/dbz003
32. Hölschera K., Wittmayera J. M., Avelinoa F., Giezenb M. Opening up the transition arena: An analysis of (dis) empowerment of civil society actors in transition management in cities. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019: 145: 176–185. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.004
33. Lees L., Slater T., Wyly E. *Gentrification*. New York, Routledge, 2008: 648.
34. Pike A. Coping with deindustrialization in the global North and South. *International Journal of Urban Sciences*, 2020: 1–22. DOI: 10.1080/12265934.2020.1730225
35. Quark A. A. From global cities to the lands’ end: the relocation of corporate headquarters and the new company towns of rural America. *Qualitative Sociology*, 2007: 30 (1): 21–40. Accessed 12.03.2022. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11133-006-9053-6>.
36. Sadeque S., Roy S. K., Swapan M. S. H., Chen C. H., Ashikuzzaman M. An integrated model of city and neighborhood identities: A tale of two cities. *Journal of Business Research*, 2020: 117: 780–790. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.06.040
37. Schindler S., Gillespie T., Banks N., Bayırbağ M. K., Burte H., Kanai J. M., Sami N. Deindustrialization in cities of the Global South. *Area Development and Policy*, 2020: 5 (3): 283–304. DOI: 10.1080/23792949.2020.1725393
38. Silver J. Decaying infrastructures in the post-industrial city: An urban political ecology of the US pipeline crisis. *Environment and Planning E: Nature and Space*, 2019: 4 (32). DOI: 10.1177/2514848619890513
39. Toura V. Shrinking cities and sustainability Deindustrialization and urban shrinkage. Achieving urban sustainability in former industrial cities in France: the case studies of Nantes and Saint-Ouen. *AESOP*, Jul 2019. Venice, Italy. Accessed 01.05.2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02190090/document>.
40. Uyttebrouck C., Remøy H., Teller J. The governance of live-work mix: Actors and instruments in Amsterdam and Brussels development projects. *Cities*. 2021: 113: 11. DOI: 10.1016/j.cities.2021.103161
41. Valencia S. C., Simon D., Croese S., Nordqvist J., Oloko M., Sharma T. Adopting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level: Initial reflections from a comparative research project. *International Journal of Urban Sustainable Development*, 2019: 11 (1): 1–20. DOI: 10.1080/19463138.2019.1573172
42. Wagner T. E., Obermiller P. J. A Double-Edged Sword: Social Control in Appalachian Company Towns. *Engineering Earth. Springer. Dordrecht*, 2011: 1917–1935. DOI: 10.1007/978-90-481-9920-4_106

The article was submitted on: July 18, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Guzel I. Makarova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of History named after Sh. Mardjani

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855
EDN: EGICRQ

Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников¹

Ссылка для цитирования: Бурханова Ф. Б., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С. Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 168–191. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855; EDN: EGICRQ

For citation: Burkhanova F. B., Baimurzina G. R., Turakayev M. S. The impact of employment factors on the perception of work-life balance among employees. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 168–191. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855; EDN: EGICRQ

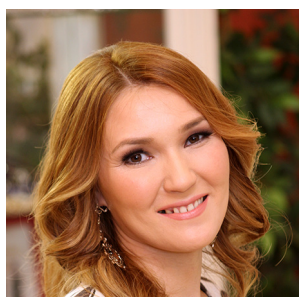
AuthorID РИНЦ: 365515

Бурханова Флюра Булатовна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

burhanova.flura@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 719415

Баймурзина Гузель Римовна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

guzrim@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 1014366

Туракаев Марсель Салаватович^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

mturakayev@gmail.com

¹ Статья выполнена по гранту РФФИ № 20-011-00934 (А).

Аннотация. В статье анализируется часть результатов опроса населения Республики Башкортостан от 17 лет и старше, проведенного в октябре-ноябре 2020 года в рамках исследования «Качество занятости и человеческое развитие». Объем анализируемой подвыборки наёмных работников составляет 898 человек. Она корректна для наемных работников республики по полу, возрасту, месту жительства. Предметом анализа выступает влияние факторов труда на восприятие работы и личной жизни как сбалансированной или несбалансированной у наёмных работников. Главную задачу статьи составляет проверка гипотезы о том, что низкое качество занятости способствует формированию ощущения дисбаланса и неудовлетворенности работой и жизнью в целом.

Результаты показали, что гипотеза в целом подтвердилась. Повышают долю ощущающих дисбаланс работы и личной жизни ряд особенностей трудовой занятости, которые характеризуют ее как низкого качества. К ним относятся: работа без официального трудоустройства (неформальная занятость); работа не по специальности; негативные трудовые практики (задержки на работе, работа в выходные дни, выполнение работы дома в нерабочие часы, выполнение трудовых функций в состоянии болезни, ограничения из-за работы в заботе о своем здоровье).

Негативные субъективные характеристики трудовой деятельности также способствуют повышению уровня дисбаланса между работой и остальной жизнью: неудовлетворенность условиями труда, его безопасностью, психологическим климатом, технической оснащенностью, санитарно-гигиеническими условиями; восприятие места работы как такого, где есть несправедливость, незащищенность и трудно отстаивать свои права; несоблюдение работодателем условий трудового договора. Отчасти способствует и неустойчивость занятости, возможность потерять работу.

Одним из результатов исследования является вывод о том, что ощущение баланса/дисбаланса связано с субъективными оценками работы и личной жизни, они более негативны в группе с дисбалансом и более позитивны в группе с балансом. Особенно явны различия в оценках работы как приносящей удовольствие и моральное удовлетворение, в оценках жизни как такой, в которой удавалось достигать всего, что хотелось.

Ключевые слова: работа, трудовая занятость, личная жизнь, баланс работы и личной жизни, дисбаланс, наёмные работники

Введение

Тема поиска баланса, компромисса, гармонии между работой и личной жизнью, возникнув в прошлом столетии, как практическая проблема работающих людей и научная проблема социальных наук, не перестаёт быть актуальной. Всё новые и новые изменения в трудовых процессах формируют новые вызовы индивиду, семье, работодателям, организациям и предприятиям и государству. Среди них: широкое внедрение информационных технологий, интенсификация трудовых процессов, рост скорости изменений в них, стирание пространственных и временных границ работа–дом, возникновение различных форм дистанционной занятости, фриланса. С внедрением современных технологий произошло значительное взаимопроникновение рабочей и частной («домашней») жизни, граница между ними сделалась прозрачной и весьма подвижной.

Как результат – за последние десятилетия давление рабочей сферы на личную жизнь существенно возросло [8, с. 9] Появились новые источники социально-трудовой напряжённости, возросли требования к работнику и запросы на его личное время [4, с. 2]. Работа стала сильнее влиять на личную жизнь человека, и примирять их требования между собой становится всё труднее.

Можно полагать, что в российских условиях трудности или даже невозможность гармонизации сфер жизни у работающего населения обусловлены действием скорее факторов трудовой занятости, чем факторов личной жизни. Низкий уровень заработной платы, продолжительный рабочий день/неделя, массовый характер трудовых переработок за пределами рабочего времени, высокий уровень вторичной занятости, распространённость неформальной занятости, а для многих российских регионов также и трудовой миграции, в том числе вахтовых форм работы, – вот те черты неблагоприятной ситуации в социально-трудовой сфере, которые влияют на самоощущение работников. Можно предположить, что низкое качество занятости создаёт для работников не только большие риски, но формирует ощущение дисбаланса и неудовлетворённость работой и жизнью в целом. Насколько действительно благоприятная/неблагоприятная занятость влияет на успехи работников по примирению запросов работы и личной жизни – ответ на этот вопрос составляет главную задачу данной статьи.

Актуальность теме исследования придаёт тот факт, что наёмные работники составляют половину занятых в экономике: в Российской Федерации – 49,9%, в Башкортостане – 47,5% (2019)¹.

Теоретико-методологические основания исследования

В современных исследованиях для концептуализации связи сфер жизни индивида (трудовой и всех остальных) используются три термина, которые связаны между собой отношениями общего и частного: «баланс работы и личной жизни» (общее); «баланс работы и семьи/семейной жизни» (частное); «баланс работы и родительства» (частное). Самое широкое содержание имеет первый из терминов, поскольку личная жизнь человека может включать выполнение семейных, в том числе и родительских, ролей. Обычно считается, что она также включает заботу о своём здоровье, получение образования, духовное развитие, общение, досуг и увлечения. Самым узким смыслом обладает третий термин, который относится только к тем людям, которые имеют детей и выполняют родительские роли. При этом чаще всего он используется применительно к совмещению рабочих и родительских ролей у работников, которые имеют несовершеннолетних детей [10, 11, 13]. Несмотря на очевидное

¹ Микроданные выборочных обследований рабочей силы за 2017-2020 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1# (дата обращения: 20.09.2021).

соотношение по широте содержания понятий «баланс работы и личной жизни» и «баланс работы и семейной жизни», иногда они явно или неявно отождествляются.

Определения концепта «баланс работы и личной жизни» разнообразны. Все авторы, изучающие данную тему, говорят об отсутствии единства в его содержательном наполнении. Под ним понимаются: удовлетворённость и полноценная самореализация как на работе, так и вне её с минимальным конфликтом ролей; равновесие или поддержание общего чувства гармонии во всех сферах жизни; состояние, при котором человек эффективно участвует в обеих сферах (работа и личная жизнь), а трудовые и личностные ресурсы достаточны для удовлетворения потребностей в них; воспринимаемая гармония между работой и остальной жизнью.

Кроме формулирования научных определений, исследователями в этой области делаются попытки выяснения, какой смысл вкладывают в данные понятия обычные работающие люди. Применение метода неоконченных предложений показало, что состояние баланса респонденты отождествляют с чувством внутренней гармонии и спокойствия, определяют его как умение разграничивать работу и личную жизнь, распределяя собственные ресурсы, а также как удовлетворённость обеими сферами жизни [5, с. 160].

Общее во всех определениях состоит в том, что концепт отсылает к субъективному восприятию индивидом своей жизни как обладающей или не обладающей равновесием, гармонией, отсутствием (наличием) конфликта между разными ее областями. Он также фокусирует внимание на двух аспектах жизни человека: повседневном его поведении и выстраиваемой жизненной стратегии. В перспективе повседневности баланс работы и всей остальной жизни достигается через ежедневные, рутинные практики сочетания трудовых функций и других интересов и потребностей, вписанных в дневной и недельный бюджет времени. В аспекте жизненной стратегии – баланс предполагает координацию в разные периоды жизни, на разных этапах личной биографии запросов со стороны сфер жизни (работа/карьера, брак/партнёрство, рождение и воспитание детей, личное развитие, здоровье, отдых и др.).

Будучи субъективным феноменом, ощущение баланса/дисбаланса у индивидов складывается под воздействием разнообразных факторов, которые можно классифицировать по разным основаниям. Один из возможных подходов – разделить их на группы по локализации действия (факторы работы – факторы остальной жизни), добавив группу факторов, характеризующих непосредственно самого человека (личностные). Личностные факторы – это ценности, интересы, потребности, установки, которые выступают ориентирами для выстраивания трудовой и личной жизни, это также знания, умения, навыки, способности, которые используются как инструменты (или ресурсы) достижения баланса. Сюда же должны быть отнесены физическое, эмоционально-психологическое состояние и здоровье. Вторая группа относится к занятости, прежде всего

к тем условиям, которые созданы на предприятии/в организации для трудовой деятельности (например, количество рабочего времени и его график, объём выполняемой работы, уровень заработной платы, социальные гарантии и проводимая корпоративная политика, содействующая или нет гармонизации работы со всей остальной жизнью). Их мы условно называем объективные факторы труда. В число факторов труда нами включаются и субъективные оценки работниками своей трудовой деятельности (восприятие занятости как устойчивой, социально защищённой, с удовлетворяющими условиями и др.). Третья группа – факторы личной и семейной жизни, те условия, ценности и установки, поведенческие практики близких людей, которые создают возможности для выполнения ролей вне работы и их сочетания с работой.

В нашем исследовании рассматривается то, как влияют на восприятие жизни как сбалансированной/разбалансированной факторы труда. Причины дисбаланса нами ищутся в качестве занятости. Несмотря на всю важность воздействия на восприятие баланса факторов личной жизни, прежде всего семейной, анализ трудовых факторов в первую очередь полезен для разработки мер государственной, региональной и корпоративной политики в области труда. Именно такой ракурс позволяет понять, что именно в практиках занятости работает как усилитель баланса или дисбаланса и в каких направлениях должны приниматься меры, повышающие уровень баланса.

О научной разработанности тематики исследования

В последние годы в российских исследованиях изучение сочетания трудящимися работы и личной жизни (рыночной занятости и семейной жизни) занимает всё более заметное место. При этом воздействие различных аспектов труда является главным акцентом в них, а сфера занятости рассматривается как формирующая конфликт работы и остальной жизни.

На данных Европейского социального исследования в России показано негативное влияние на баланс нестандартных трудовых графиков (работа в вечернее и ночное время, а также в выходные дни). «Чтобы почувствовать ухудшение баланса между работой и жизнью достаточно работать вечером/ночью несколько раз в месяц или один раз в месяц в выходные дни» [14, с. 223, 233]. При этом в группе риска находятся почти две трети (64%) российских работников, которые регулярно трудятся в нестандартное время.

Факторы трудовой занятости фрилансеров, такие как «часы работы», «множественная занятость», «эмоциональные затраты на работе», проявляют себя как «обязанности», снижая удовлетворённость балансом работы и семейной жизни. А факторы «доход» и «самооценка уровня профессионального мастерства» – как «ресурсы», которые способствуют удовлетворенности балансом [6, с. 56].

Выявлена связь между трудовым поведением молодых рабочих и восприятием баланса между работой и личной жизнью. По этому основанию исследователи предлагают выделить три категории трудящихся. «Зарабатывающие» ощущают неблагоприятное влияние конфликта сфер, но из-за сознательной ориентации на материальные блага и карьеру переживают его не очень остро. «Выживающие» остро ощущают конфликт из-за неблагоприятного воздействия всех факторов рабочей среды и дефицита свободного времени на социальные потребности. «Адаптированные» не ощущают сильный конфликт, их основная стратегия – прагматическая, состоящая в минимизации трудовых затрат, адаптации к требованиям обеих сфер с минимально возможными потерями для собственного свободного времени [3].

Дистанционная занятость (работа из дома посредством интернета) у женщин, имеющих детей, не способствует достижению идеального баланса рабочего и личного времени, фиксируется нехватка у них временных ресурсов для удовлетворения личных потребностей, но в то же время такая занятость даёт возможность больше времени уделять семье [12, с. 15].

В науке накапливаются данные о связи удовлетворённости балансом работы и семейной жизни с некоторыми показателями трудового потенциала работников: у удовлетворённых выше производительность труда, чаще имеет место выполнение и перевыполнение норм выработки, сдача работы с первого предъявления с высоким качеством, подача рационализаторских предложений [2].

Кроме влияния на баланс работы и личной жизни названных выше аспектов трудовой занятости, рассматриваются его особенности в различных социально-демографических группах [2, 4, 7, 8]. Забегая вперёд, отметим, что, несмотря на различие методик измерения, ряд полученных нами данных согласуется с результатами этих исследований (влияние пола, возраста, отчасти образования, дохода/заработной платы), а некоторые имеют различия (влияние должностного и семейного статусов).

Для целей нашего исследования важными являются данные относительно связи показателей баланса времени с субъективными оценками трудящимися своей работы, а также с общими субъективными оценками жизни. В задачи нами включается выявление характера таких связей. В работах других авторов устанавливались: связи баланса с показателями удовлетворённости жизнью, увлечённости работой, эмоционального истощения и трудоголизма; психологическими характеристиками трудовой деятельности (настроение, вовлечённость) и субъективным благополучием [7, 8].

Особо отметим, что социологами и психологами применяются разные методики измерения баланса, анализ чаще делается на количественных данных, но и качественные опросы дают интересные результаты, как например детальное описание особенностей сочетания работы и личной жизни в семьях молодых рабочих [1].

В экономически развитых странах вопросы обеспечения баланса между работой и личной жизнью являются важным направлением исследований, а в Европейском союзе – одной из приоритетных политико-управленческих задач. В зарубежной литературе проблема рассматривается во взаимосвязи с ростом гибкости рынка труда и распространением нестандартных форм занятости, которые в большинстве случаев малооплачиваемы, нестабильны и размывают границы между рабочим и личным временем [22]; с растущим уровнем стресса на работе и проблемами здоровья населения [16, 18]; с неравенством распределения гендерных ролей в семьях [15, 19], большего вовлечения женщин в сферу труда и стимулирования рождаемости, решения проблем социального государства в условиях старения населения [20] и т. д.

Нестандартные формы занятости, в особенности в прекаризованном сегменте, часто заполняют социальное значимое время (выходные дни, ночные или вечерние смены), дестабилизируют режимы труда и отдыха, вынуждая человека жить асинхронно общепринятым нормам и оказывая негативное влияние на здоровье и баланс между работой и личной жизнью [16].

В то же время исследователи обращают внимание на то, что восприятие баланса «работа-личная жизнь» всегда индивидуально [23] и зависит от того, насколько фактическая работа и условия труда (график, режим и продолжительность) соответствуют предпочтениям работника [24].

Учёные солидарны в том, что важное значение имеют время суток, в которое выполняется работа, продолжительность и интенсивность трудового процесса [16]. Определено, что наибольший перевес баланса «работа-личная жизнь» в пользу работы наблюдается у тех работников, которые трудятся посменно с высокой вероятностью сверхурочной работы, в том числе в выходные дни (врачи, операторы машин и установок на фабриках и заводах) [16].

Исследования показывают, что люди, которые имеют возможность отдохнуть с полным отвлечением от рабочих обязанностей (в вечерний период после работы, во время отпуска), меньше подвержены эмоциональному выгоранию и ухудшению физического здоровья, более удовлетворены работой и жизнью в целом [18].

Имеются наблюдения, связанные с ролью мужчин в качестве кормильцев семьи. Женатые мужчины, имеющие детей, часто работали больше времени, чем бездетные и неженатые. А трудности с трудоустройством и низкий заработок отрывали мужчин от семейной жизни [15] (в контексте нашего исследования это соотносится с проблемой вахтовой трудовой миграции мужчин). Отмечается также, что в дополнение к исполнению роли кормильцев современные отцы испытывают растущее давление со стороны общества в целях их активного вовлечения в воспитание своих детей, что приводит к усилению конфликта между работой и семьёй [19, 21].

Методика полевого исследования

Представленный в данной статье анализ основан на результатах полевого исследования, проведённого авторами в октябре-ноябре 2020 года на территории одного из субъектов РФ – Республики Башкортостан в рамках проекта «Качество занятости и человеческое развитие»¹. Общая выборка (1566 человек) включает три группы: наёмные работники; самозанятые и предприниматели; не имеющие работы на момент исследования. В данной статье представлены результаты по подвыборке «наёмные работники» (898 человек).

В подвыборке наёмных работников мужчин – 45,2%, женщин – 54,8%; в возрастной группе 17–34 года – 38,6%; 35–44 года – 19,0%; 45–54 года – 24,1%; 55–79 лет – 16,6%. Респондентов с образованием «среднее общее и ниже» – 9,6%, с начальным профессиональным – 14,0, со средним профессиональным – 36,3%, с высшим – 36,5%. Жители Уфы составляют 36,1%, других городов – 36,3%, сельских поселений – 27,6%. Только работают – 77,6%, сочетают работу и получение образования – 11,9%, работающие пенсионеры – 10,5%. В целом выборка корректна для наёмных работников Республики по полу, возрасту, месту жительства. Имеется смещение к более образованной категории.

Метод сбора данных использовался смешанный – часть респондентов прошли стандартизованное интервью face-to-face, а часть заполнили анкеты в онлайн-формате, пройдя по ссылке. Отбор респондентов осуществлялся по квотам «пол», «возраст». Выборка размещалась пропорционально по семи социально-экономическим зонам республики и типам населённых пунктов (столица – город Уфа, другие города, сельские поселения).

В исследовании использовался субъективный общий подход к измерению баланса работы и личной жизни. Респондентам задавался вопрос «Можете ли Вы сказать, что Ваша работа и личная жизнь (в том числе жизненные ценности) сбалансированы и одно не мешает другому?» с ответами «да, сбалансированы», «нет, мне трудно совмещать работу и личную жизнь», «затрудняюсь ответить». Для тех, кто ответил «нет», задавался вопрос, направленный на оценку сторон дисбаланса, связанных с работой. Вопрос о балансе/дисбалансе является ключевым в представленном анализе, рассматриваются связи ответов на него с переменными, отражающими разные объективные характеристики трудовой занятости и её субъективные оценки. Используется термин «уровень дисбаланса», под которым понимается доля работников, ответивших «мне трудно совмещать работу и личную жизнь».

На материалах Башкортостана анализ баланса работа–личная жизнь у наёмных работников выполнен впервые. Ранее изучался баланс между работой и родительство у работников промышленных предприятий [9]. Поэтому ставились задачи охарактеризовать влияние тех фак-

¹ Свидетельство о регистрации базы данных №2021620175 от 26.01.2021.

торов, которые ранее анализировались в других исследованиях (например, социально-демографических характеристик работников; количества рабочего времени; форм занятости и др.). Также проверялся ряд новых гипотез о связи баланса/дисбаланса с разными сторонами занятости и её субъективными оценками.

Результаты исследования

Баланс–дисбаланс во всей выборке наемных работников и в социально-демографических группах

Как и ожидалось, большая часть опрошенных считают, что в их жизни имеется баланс между работой и личной жизнью (68,0%), каждый пятый выбрал отрицательный ответ (22,9%), каждый десятый (9,1%) затруднился с ответом. Работники, ощущающие дисбаланс, более всего связывают его с недостатком времени на близких людей и на занятия любимым делом, а также с психологической вовлечённостью в рабочие проблемы.

Статус занятости влияет на ощущение баланса: среди тех, кто работает на себя (самозанятые и предприниматели), дали положительный ответ 70,3% и отрицательный 13,5%, затруднились 16,2%. Можно утверждать, что наёмные работники более явно ощущают дисбаланс. Среди них больше ощущают дисбаланс те, кто сочетает работу и учёбу (26,7%), а менее всего – работающие пенсионеры (11,8%). В первом случае отсутствие баланса связано с необходимостью часть ресурсов в виде времени, физических и эмоционально-психологических усилий тратить на учёбу, а во втором – вероятно, с неполной занятостью и снижением затрат ресурсов на семью, поскольку в большинстве случаев дети выросли и живут самостоятельно.

Пол мало влияет на показатель, но мужчины всё же чуть чаще говорили о трудностях совмещения работы и личной жизни (26,9% мужчин и 23,9% женщин). В гендерных группах ощущение дисбаланса может быть связано с разными сферами: у мужчин с работой, а у женщин с семьёй. Иначе говоря, достижению баланса могут мешать либо рабочие обязанности, высокая вовлечённость и занятость на работе, либо чрезмерные нагрузки по уходу и заботе о семье, то есть высокая вовлечённость и «занятость в семье». Исследование не позволяет проверить влияние факторов занятости в семье, поскольку вопросы о семье в нём не задавались. Важный же фактор труда, влияющий на восприятие мужчин, – загруженность работой: большее среднее число часов, которое они отработывают в неделю, по сравнению с женщинами; более частое наличие вторичной занятости и вахтовой работы. Так, имеют рабочую неделю с переработками, то есть свыше 40 часов в неделю, 51,3% мужчин и только 29,9% женщин. Работают неполный рабочий день/неделю или имеют неполную ставку 12,2% женщин и только 8,4% мужчин. Имели в течение последних 12-ти месяцев, кроме основной работы, допол-

нительную оплачиваемую работу 34,7% мужчин и 25,5% женщин. Среди работников, которые ежедневно выезжают на работу в другой населённый пункт, мужчины составляют 53,8%, женщины – 46,2%. А среди работающих вахтовым методом (выезжают на работу в другой населённый пункт на несколько недель или месяцев) – 92,7% и 7,3% соответственно.

Возраст до 44 лет связан с повышенной долей ощущающих дисбаланс (18–34 года – 30,7%, 35–44 года – 29,9%), далее идет её снижение (45–54 года – 21,6%), самая низкая доля – среди лиц в возрасте 55 лет и старше (11,2%).

Повышение уровня образования работает на повышение ощущения дисбаланса. Заявили о трудности сочетать работу и личную жизнь среди лиц с высшим образованием 31,7%, с образованием ниже – 21,3%. Возможно, влияет содержание труда, выполняемые трудовые функции. Лица с высшим образованием чаще заняты теми видами деятельности, в которых границы между работой и личной жизнью могут нарушаться из-за возможности выполнять работу вне организации/предприятия (брать её на дом, на выходные и праздничные дни; совершать деловые звонки и вести деловую переписку из дома; размышлять дома о решении рабочих проблем и т. д.). Они также заняты на руководящих позициях, а труд руководителя может повышать эмоционально-психологические нагрузки и вовлечённость в работу. Он может чаще способствовать переносу переживаний о работе и по поводу работы в сферу личной и семейной жизни.

Затраты личностных ресурсов растут у лиц с семейными обязанностями, поэтому они могут воспринимать ситуацию как менее сбалансированную. Результаты исследования только частично подтверждают связь восприятия баланса/дисбаланса с объективными показателями семейной жизни. У респондентов, которые ощущают дисбаланс, среднее число членов семьи больше (2,82 человека), чем у тех, кто дисбаланс не ощущает (2,58 человека). Выявлено влияние на повышение доли ощущающих дисбаланс наличие несовершеннолетних детей: 28,7% в этой группе и 21,3% – у всех остальных (без детей и с детьми старше 18 лет). А вот воздействие брачного статуса, на первый взгляд, является неожиданным. Доля лиц, сказавших, что им трудно совмещать работу и личную жизнь, среди никогда не состоявших в браке – самая высокая, 32,2%. Среди семейных – 23,9%, среди вдовых и разведённых – 21,5%. Группа никогда не состоявших в браке более молодая, её представители чаще других сочетают работу с учёбой, имеют более разнообразные досуговые потребности и запросы на общение с друзьями, они чаще находятся в поиске партнёра или состоят в романтических отношениях. Всё это повышает потребность в свободном времени, отсюда, возможно, и усиление ощущения дисбаланса. В более молодой группе работников возможно и негативное влияние факторов труда из-за более низкого качества их занятости, что требует специального анализа.

Место жительства выступает дифференцирующим фактором: чем крупнее населённый пункт, тем больше затраты непроизводительного времени (дорога на работу и с работы), тем чаще у работающего населения

может иметься вторичная занятость (Уфа – 38,9%, другие города – 22,5%, сельские населённые пункты – 26,8%, по всей подвыборке наёмных работников – 29,6%). И, с другой стороны, в городах – более широкие объективные возможности в виде соответствующей инфраструктуры образования, отдыха и развлечений для ведения личной жизни, которые из-за трудовой занятости порождают неудовлетворённые или плохо удовлетворённые потребности. Как результат – больше тех, кто ощущает трудности по совмещению трудовой и личной жизни: в г. Уфе – 27,8%, других городах республики – 24,0%, в сельских населённых пунктах – 23,5%.

Баланс–дисбаланс и объективные характеристики трудовой занятости

В задачи исследования входил ответ на вопрос, какие объективные характеристики занятости работника влияют на восприятие работы и личной жизни как сбалансированных или несбалансированных. Такими характеристиками могут являться: тип предприятия/организации; занимаемая должность; стаж работы на данном предприятии/организации; характер оформления трудовых отношений с работодателем; занятость по полученной специальности или не по специальности; характер работы, связана она или нет с выездами в другой населённый пункт; длительность рабочего времени (число часов, которые отработываются в день/неделю, занятость полный или неполный день) и наличие вторичной занятости.

Работники государственного сектора экономики и служащие органов государственной и муниципальной власти ощущают дисбаланс немного реже (21,0%), чем лица, занятые в частном секторе экономики (24,5%). Хотя надо подчеркнуть, что служащие органов власти сообщали о дисбалансе чаще по сравнению с работниками бюджетных организаций и учреждений, а также государственных или муниципальных предприятий.

Вопреки ожиданиям, должностной статус не влияет на указанный показатель. Частота выбора ответа «мне трудно совмещать работу и личную жизнь» практически одинакова в трёх группах – руководители (23,8%), специалисты и служащие (23,1%), квалифицированные рабочие (23,7%). Только группа неквалифицированных рабочих дала пониженный процент указанного ответа (18,8%). В исследованиях других авторов, напротив, выявлялась прямая зависимость между балансом/дисбалансом и должностью: руководители имели самые высокие показатели дисбаланса, чем ниже должностной статус, тем меньше дисбаланс. Пока нет ответа на вопрос, чем объясняется наш результат.

Работа по специальности, полученной во время обучения, является ресурсом, который снижает дисбаланс. Ощущают дисбаланс в этой группе работников 19,2%, в группе работающих по близкой к образованию или смежной специальности – 22,2%, а в группе работающих по специальности, совершенно не связанной с полученным образованием, – 24,8%.

Прямой и чёткой зависимости анализируемого показателя баланса от числа работников не обнаружено. И большие коллективы, и средние, и малые формируют одинаковый уровень дисбаланса. А вот стаж работы в одной организации до 5 лет включительно связан с повышенной долей работников, которые сообщили о трудностях (30,0%), стаж свыше 5 лет существенно её снижает (18,5%). Вероятно, связь переменных обратная: работники именно потому дольше работают в одном месте, что имеют возможности гармонизации работы и личной жизни. Ещё одно возможное объяснение – процесс адаптации, привыкания ко всем аспектам занятости в первые годы работы требует от работника дополнительных ресурсов, поэтому он выступает как фактор, снижающий баланс [7, с. 103].

У наёмных работников влияет на показатель баланса характер оформления трудовых отношений с работодателем. Реже всего о дисбалансе говорят работники, которые имеют бессрочные трудовые договоры (20,6%), а чаще всего – те, кто не имеет официального трудоустройства, работает на основе устной договорённости (32,4%). Не способствует большему ощущению равновесия двух сфер жизни также и занятость на основе временных трудовых договоров и гражданско-правовых договоров (ГПХ) на выполнение услуг/работ (24,5%). Работа по временным (срочным) трудовым договорам требует от работника заботиться о том, чтобы договор был продлён, часто вынуждает «доказывать» работодателю свою профессиональную состоятельность и компетентность, затрачивая для этого дополнительные силы и время. Работа по договорам ГПХ может требовать совмещения выполнения условий уже заключённого договора и поиска нового, на что также тратятся ресурсы. Указанные формы трудовых отношений порождают у работников неуверенность и беспокойство за будущее. Показательным примером является сфера высшего образования, где профессорско-преподавательский состав вынужденно имеет краткосрочные трудовые договоры со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, в том числе с необходимостью периодического, с кратким временным интервалом, подтверждения соответствия квалификации требованиям, прохождения конкурсов на замещение должностей.

Работа на полную ставку или полный рабочий день/рабочую неделю способствует повышению ощущения дисбаланса (29,1%) по сравнению с теми, кто имеет неполную ставку или неполный рабочий день/неделю (22,6%). Переработки тоже негативно сказываются. Чем больше часов работают, тем чаще испытывают трудности с совмещением работы и личной жизни: среди имеющих рабочую неделю до 40 часов – 17,7%, свыше 40 часов – 29,1%. Фактором, повышающим дисбаланс, является и вторичная занятость, то есть наличие регулярной дополнительной работы или случайных приработков: 27,7% в этой группе и 21,1% среди работавших только по основному месту работы.

Существенное значение для совмещения работы и личной жизни имеет характер работы – связана ли она или нет с поездками и длительными выездами в другие населённые пункты. Среди трудовых мигран-

тов, которые на несколько недель или месяцев выезжают на заработки за пределы своего населенного пункта, каждый третий сообщает о дисбалансе (34,2%), тогда как среди работающих в своём населенном пункте – только каждый пятый (20,4%). Но не только длительные отлучки из дома (вахтовая работа) отрицательно сказываются на возможностях гармонично совмещать работу и личную жизнь, но и ежедневные поездки на работу в другой населённый пункт (29,4%).

Исследование показало, что на восприятие баланса оказывают влияние негативные практики трудового поведения – труд за пределами рабочего времени и выполнение работы с игнорированием состояния здоровья (см. табл. 1). Дисбаланс между сферами жизни усиливается в том случае, если работники задерживаются на работе, выходят на работу в выходные дни, берут работу на дом, переносят болезнь «на ногах», продолжая работать, выходят на работу до полного выздоровления, вынуждены отказываться от посещения врача из-за работы. Во всех перечисленных случаях доля лиц, считающих, что им не удаётся сочетать работу и личную жизнь, увеличивается в 1,4–1,9 раза (минимальная – 29,9%, максимальная – 35,8%) по сравнению с теми, у кого не было таких ситуаций (от 16,7% до 21,2%).

Таблица 1 (Table 1)

**Влияние на восприятие баланса работы и личной жизни
некоторых практик трудовой деятельности, %**
Influence of some work practices on the perception of work-life balance, %

«Приходилось ли Вам...»*		Работа и личная жизнь		Всего**
		сбалансированы	не сбалансированы	
Задерживаться на работе	Да	69,4	30,6	100
	Нет	83,3	16,7	100
Выходить на работу в выходные дни	Да	68,6	31,4	100
	Нет	82,1	17,9	100
Брать работу на дом, так как Вы не успевали закончить её в рабочие часы	Да	64,5	35,5	100
	Нет	79,2	20,8	100
Переносить болезнь «на ногах» из-за ситуации на работе	Да	68,0	32,0	100
	Нет	81,0	19,0	100
Выходить на работу до окончательного выздоровления	Да	70,4	29,9	100
	Нет	78,8	21,2	100
Отказываться от посещения врача из-за плотного графика Вашей работы	Да	64,2	35,8	100
	Нет	80,8	19,2	100
Все		68,0	22,9	100

*Формулировки вопросов: «Приходилось ли Вам на Вашей основной работе в течение последних 30 дней сталкиваться со следующими ситуациями...?»; «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев в случае болезни...?».

**Ответы включали вариант «затрудняюсь ответить», % по которому не приводятся из-за их малочисленности, за исключением строки «все», число затруднившихся составляет 9,1%.

Баланс–дисбаланс и субъективные оценки трудовой занятости

Трудящимся свойственно оценивать свою работу, быть в разной степени удовлетворёнными различными её сторонами. Одно из предположений состоит в том, что ощущение дисбаланса жизненных сфер связано с негативным восприятием занятости. Иначе говоря, оно формируется в тех группах работников, которые не только имеют занятость, объективно способствующую ему, но и в тех, которые оценивают свою занятость как неблагоприятную, проблемную, не удовлетворены различными сторонами работы.

Чувства несправедливой оплаты труда, социальной незащищённости и неустойчивости положения на рабочем месте, неуверенность в завтрашнем дне, мысли о возможности потерять работу, неудовлетворённость условиями труда и психологическим климатом в коллективе могут играть роль тех факторов, которые способствуют возникновению ощущения конфликта работы и жизни, порождают их противоречия, дисгармонию.

Оценка работниками вознаграждения за труд как не соответствующей вкладу, усилиям и опыту снижает ощущение баланса незначимо, больше снижение связано с оценкой заработной платы как недостойной и несправедливой (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Влияние на показатель баланса работы и личной жизни оценок оплаты труда, %
Influence of assessment of wages on the indicator of the balance of work and personal life, %

«Можете ли Вы сказать, что размер Вашей заработной платы...»		Работа и личная жизнь		Всего
		сбалансированы	не сбалансированы	
Соответствует Вашим вкладу, усилиям, опыту	Да*	76,8	23,2	100
	Нет*	72,6	27,4	100
Является для Вас достойным и справедливым	Да	80,0	20,0	100
	Нет	71,4	28,5	100
Все**		68,0	22,9	100

*В таблице в ответе «да» объединены варианты «да» и «скорее да, чем нет», в ответе «нет» варианты «нет» и «скорее нет, чем да».

**Сумма составляет 100% с затруднившимися ответить (9,1%).

Респондентами части предприятий и организаций отмечалось несоблюдение работодателем условий трудового договора (6,4%). И это тоже способствует повышению уровня дисбаланса. В этой группе ощущают дисбаланс 37,5% работников, тогда как в группе работников, считающих, что работодатель соблюдает трудовой договор, только 24,1%.

Показатель баланса также связан с удовлетворённостью различными сторонами труда (см. табл. 3). Частота выбора ответа «мне трудно совмещать работу и личную жизнь» в группе респондентов, не удовлетворённых санитарно-гигиеническими условиями труда (37,6%), психологическим климатом в коллективе (35,9%), технической осна-

щённостью труда (36,4%) и его безопасностью (39,7%), возрастает по сравнению с группой удовлетворённых в 1,7–2 раза. При этом наиболее важной оказалась безопасность условий труда (вредность, экологичность, травмоопасность).

Таблица 3 (Table 3)

Влияние на показатель баланса работы и личной жизни
удовлетворенности условиями труда, %
*Influence of satisfaction with working conditions on the indicator
of the balance of work and personal life, %*

«Оцените, насколько Вы удовлетворены условиями труда по основному месту работы?»*		Работа и личная жизнь		Всего	Хи-кв. Пирсона	Ас. значи- мость
		сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы			
Санитарно- гигиенические условия труда	Удовлетворён	77,9	22,1	100	17,725	0,0002
	Не удовлетворён	62,4	37,6	100		
Психологическая обстановка в коллективе	Удовлетворён	80,2	19,8	100	22,978	0,000
	Не удовлетворён	64,1	35,9	100		
Техническая оснащённость труда	Удовлетворён	80,5	19,5	100	26,333	0,000
	Не удовлетворён	63,7	36,4	100		
Безопасность условий труда	Удовлетворён	80,6	19,4	100	33,381	0,000
	Не удовлетворён	60,3	39,4	100		
Все**		68,0	22,9	100		

*Шкала включала варианты «вполне удовлетворен», «не вполне удовлетворен», «не удовлетворен», в таблице суммированы ответы «не вполне удовлетворен» и «не удовлетворен».

**Сумма составляет 100% с затруднившимися ответить (9,1%).

Возможность потери работы, по оценкам опрошенных, высока: каждый пятый (23,5%) респондент считает, что может потерять работу; маловероятна такая перспектива для 64,9%, затруднились ответить 11,6%. Дисбаланс работы и жизни почти одинаково актуален и для тех, кто говорит о вероятности потери своей работы (26,7%), и для тех, кто расценивает её как маловероятную (21,6%).

Более сильным дифференцирующим моментом являются чувства несправедливости и незащищённости, которые работники испытывают на работе. Среди работников, которые в течение последних 30 дней постоянно испытывали чувство несправедливости и незащищённости на основной работе, каждый второй не ощущает гармонии работы и жизни (50,8%), среди тех, у кого такие чувства возникали иногда, – каждый третий (34,3%), а в группе, кто вообще не испытывал таких чувств, – лишь каждый шестой (17,1%). Мнение о невозможности защитить свои права (вопрос «Как Вы думаете, сегодня у работника есть возможность защитить свои права, отстаивать свои интересы в конфликте с работодателем?») тоже работает аналогичным образом. В группе отрицающих возможности защиты прав дисбаланс характерен для каждого третьего (33,6%), а в группе уверенных в обратном – для каждого пятого (20,5%).

Восприятие работы и жизни в группах с балансом и дисбалансом работы и личной жизни

Как воспринимают свою работу две группы работников – с ощущением баланса работы и жизни и ощущением их дисбаланса (см. табл. 4)? Общий фон восприятия работы во всей подвыборке наёмных работников – позитивный: средний балл оценок варьирует от 3,14 (размер заработной платы) до 4,12 (оценка работы как приносящей пользу обществу). Но эти данные показывают, что группа с дисбалансом отличается в целом более низкими средними оценками, разные аспекты работы оцениваются ими ниже и вызывают более негативные чувства, чем в группе с балансом. Наибольшие различия оценок имеются по критериям «работа приносит удовольствие» (3,78 балла в первой группе и 3,19 балла во второй) и «работа приносит моральное удовлетворение» (3,58 и 2,98 балла соответственно). Менее значимы различия в оценках чувств, возникающих в общении с другими людьми по вопросам профессии, должности, места работы, содержания труда и размера её оплаты.

Таблица 4 (Table 4)

Восприятие работы в группах работников
с балансом и дисбалансом работа–личная жизнь
Perception of work in groups of workers with work–life balance and imbalance

Вопросы	Работа и личная жизнь		Все, средний балл	Корр. Пирсона
	сбаланси- рованы, средний балл	не сбаланси- рованы, средний балл		
«Насколько Вы согласны со следующими утверждениями о Вашей работе: моя работа...?»*				
Приносит пользу обществу	4,19	3,91	4,12	0,102
Высоко ценится в обществе	3,45	3,06	3,45	0,184
Приносит мне удовольствие	3,78	3,19	3,63	0,217
Приносит мне моральное удовлетворение	3,58	2,98	3,43	0,207
Приносит мне профессиональное удовлетворение	3,66	3,15	3,53	0,175
«Какие чувства Вы испытываете, когда Вас спрашивают о следующих аспектах Вашей работы...?»**				
О Вашей профессии	4,10	3,76	4,01	0,139
О Вашей должности	3,92	3,72	3,91	0,109
О месте Вашей работы (организации, компании)	4,13	3,77	4,04	0,164
О том, чем конкретно Вы занимаетесь (содержание труда)	4,03	3,77	3,97	0,113
О размере Вашей заработной платы	3,20	2,93	3,14	0,098

*Согласие оценивалось по 5-балльной шкале, где 1 – «совершенно не согласен» и 5 – «полностью согласен».

**Оценивались по 5-балльной шкале, где 1 – «стыд, стеснение», 5 – «гордость».

Общая оценка своей жизни также различается в двух анализируемых группах (см. табл. 5). Группа респондентов с балансом более удовлетворена своей жизнью, полагает, что ей удавалось достигать поставленных целей, оценивает свою жизнь как соответствующую собственному идеалу, не хотела бы что-то изменить в прошлом. Группа с дисбалансом по всем суждениям о своей жизни дала более низкие средние оценки, обращает внимание наибольшее различие в оценках жизненных достижений («пока я достигал в главном всего, чего хотел в жизни»).

Таблица 5 (Table 5)

Общая оценка жизни в группах работников с балансом и дисбалансом работа–личная жизнь
General assessment of life in groups of workers with work–life balance and imbalance

«Насколько Вы согласны со следующими утверждениями ..?»*	Работа и личная жизнь		Все, средний балл	Корр. Пирсона
	сбалансированы, средний балл	не сбалансированы, средний балл		
Я удовлетворён своей жизнью	4,21	3,36	4,01	0,256
Пока я достигал в главном всего, чего хотел в жизни	3,96	3,00	3,73	0,277
Почти во всём моя жизнь соответствует моему идеалу	3,61	2,73	3,40	0,252
Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я бы почти ничего в ней не изменил	3,58	2,81	3,40	0,193

*Согласие оценивалось по 5-балльной шкале, где 1 – «совершенно не согласен» и 5 – «полностью согласен».

Обнаружена связь между показателем баланса и переменной «уверенность в будущем» (вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своём будущем?») (хи-квадрат Пирсона 23,251, ас. значимость – 0,000). Самые низкие значения дисбаланса – в группе уверенных в своём будущем (18,5%), а самые высокие – у неуверенных (42,0%).

К выводам

Проведённое нами исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно влияния разнообразных факторов трудовой занятости наёмных работников в Республике Башкортостан и их социально-демографических характеристик на ощущение работы и остальной жизни как гармонично сочетающихся или не сочетающихся.

Среди социально-демографических факторов повышает долю ощущающих дисбаланс мужской пол (незначительно), возраст до 44 лет, высшее образование, статус «никогда не состоял в браке», занятость наёмной работой (по сравнению с самозанятыми), проживание в столице республики.

Из числа объективных факторов занятости воздействуют в том же направлении: работа без официального трудоустройства (неформальная занятость); работа не по специальности; полная занятость (работа на полную ставку, полный рабочий день или неделю); наличие дополнительной занятости; вахтовая работа (выезды на работу на несколько недель или месяцев за пределы места проживания); работа свыше 40 часов в неделю; негативные трудовые практики (задержки на работе, работа в выходные дни, выполнение работы дома в нерабочие часы, выполнение трудовых функций в состоянии болезни, ограничения из-за работы в заботе о своем здоровье).

Ощущению дисбаланса между трудовой деятельностью и остальной жизнью способствуют также: неудовлетворённость условиями труда (безопасностью, психологическим климатом, технической оснащённостью, санитарно-гигиеническими условиями – перечислено по иерархии); восприятие места работы как такого, где есть несправедливость, незащищённость и трудно отстаивать свои права; несоблюдение работодателем условий трудового договора. Отчасти способствует ему и неустойчивость занятости, возможность потерять работу.

Группы с балансом и дисбалансом несколько различаются по субъективному восприятию своей работы и жизни. Особенно явны различия в оценках работы как приносящей удовольствие и моральное удовлетворение и в оценках жизни как такой, в которой удавалось достигать всего, что хотелось. Кроме того, повышению уровня баланса сильно способствует уверенность в будущем, а на снижение – неуверенность.

Таким образом, действительно, некоторые проблемные стороны занятости выступают факторами, повышающими дисбаланс. Именно им следовало бы уделить внимание в политике, проводимой на разных уровнях. Требуется принятие мер, которые будут способствовать повышению качества занятости и, следовательно, повышению общего уровня баланса. К ним относятся:

1. Устранение практик трудоустройства, не соответствующих Трудовому кодексу РФ: неформальной занятости, переработок, работы за пределами рабочего дня, в больном состоянии и т. п.
2. Снижение уровня вторичной занятости по причинам низкой заработной платы на основной работе.
3. Устранение случаев несоблюдения работодателями условий трудовых договоров.
4. Повышение безопасности условий труда.

Приведённые результаты и выводы исследования способствуют лучшему пониманию того, какие стороны трудовой занятости мешают наёмным работникам ощущать, что им удастся держать жизнь под контролем и примирять запросы со стороны работы с другими жизненными потребностями. Тем не менее множество вопросов может быть ещё поставлено. Анализа требует качество занятости в возрастных группах

с тем, чтобы объяснить повышенный дисбаланс у молодых. На уровне гипотезы можно предположить, что молодые наёмные работники имеют менее качественную занятость, что и влияет на негативное ощущение баланса. Относительно групп с разным должностным статусом также необходимо объяснить, почему руководители и остальные работники, не несущие руководящих функций, показали одинаковый уровень дисбаланса. Возможно, несмотря на сложность работы, объёмы и психологическую нагруженность труда, руководители обладают большими и специфическими личностными ресурсами, которые помогают им справляться с конфликтом работа–жизнь. Перспективы исследований могут быть связаны и с ответом на вопрос, как соблюдение трудового законодательства и социальных гарантий способствуют гармонизации жизни работников предприятий и организаций.

Библиографический список

1. Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Между работой, детьми и торговым центром: баланс жизни и труда в семьях молодых российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 122–141. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.08

2. Белехова Г. В. Баланс между работой и личной жизнью: субъективная оценка и влияние на трудовой потенциал // Human Progress. 2020. Т. 6. Вып. 1. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_1/Belehova.pdf (дата обращения: 20.09.2021). DOI 10.34709/IM.161.3

3. Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодёжи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 39 (2). С.113–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.

4. Димитрова Е. К., Тонких Н. В. Удовлетворённость балансом рабочего и личного времени в зависимости от социальных метрик респондентов: российский и европейский кейсы // Human Progress. 2020. Т. 6. Вып. 1. URL: http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Dimitrova.pdf (дата обращения: 20.09.2021). DOI: 10.34709/IM.161.4.

5. Кольцова Е. А. Представления работников российских организаций о балансе между работой и личной жизнью // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 160–168.

6. Монахова И. А. Факторы удовлетворённости балансом между работой и семейной жизнью: на примере фрилансеров // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 1. С. 30–61.

7. Моспан А. Н. Взаимосвязь баланса между работой и личной жизнью с демографическими и трудовыми характеристиками личности и её субъективным благополучием // Организационная психология, 2014. Т. 4. № 3. С. 95–107.

8. Моспан А. Н., Осин Е. Н., Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Бобров В. В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 8–29.
9. Праведников А. В., Бурханова Ф. Б. Влияние темпоральных характеристик трудовой занятости на баланс семьи и работы // Вестник ВЭГУ. 2016. № 2 (82). С. 51–60.
10. Римашевская Н. М., Малышева М. М., Писклакова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28–41.
11. Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2 (67). С. 142–167.
12. Тонких Н. В., Баранова Н. В. Интернет-занятость как инструмент баланса личного и рабочего времени женщин-матерей: миф или реальность // Human Progress. 2019. Т. 5. Вып. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_7/Tonkikh.pdf (дата обращения: 20.09.2021). DOI: 10.34709/IM.157.12
13. Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1 (89). С. 93–113.
14. Шевчук А., Красильникова А. Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России) // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 223–236. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236
15. Bianchi S. M., Milkie M. A. Work and Family research in the first decade of the 21st century // Journal of Marriage and Family. 2010. № 72. P. 705–725.
16. Brauner C., Wöhrmann A. M., Frank K., Michel A. Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis // Applied Ergonomics. 2019. Vol. 81. DOI: 10.1016/j.apergo.2019.102906
17. Fan W., Moen P., Kelly E. L., Hammer L. B., Berkman L. F., Job strain, time strain, and well-being: a longitudinal, person-centered approach in two industries // Journal of Vocational Behaviour. 2019. Vol. 110. P. 102–116. DOI: 10.1016/j.jvb.2018.10.017
18. Fritz C., Taylor M. Detaching from and reattaching to work // Organizational Dynamics. Vol. 49. Iss. 4. 2020. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.04.010
19. Kaufman G. Superdads: how fathers balance work and family in the 21st century. New York: New York University Press, 2013. 264 p.

20. Khallash S., Kruse M. The future of work and work-life balance 2025 // *Futures*. 2012. Vol. 44. P. 678–686. DOI: 10.1016/j.futures.2012.04.007

21. Lin Katherine Y., Burgard Sarah A. Working, Parenting and Work-Home Spillover: Gender Differences in the Work-Home Interface across the Life Course // *Advances in Life Course Research*. 2018. Vol. 35. P. 24–36. DOI: 10.1016/j.alcr.2017.12.003

22. Matilla-Santander N., et al. Attitudes toward working conditions: are European Union workers satisfied with their working hours and work-life balance? // *Gaceta Sanitaria*. 2019. Vol. 33, Iss. 2. P. 162–168. DOI: 10.1016/j.gaceta.2017.10.006

23. Moore F. Work-life balance: contrasting managers and workers in an MNC // *Employee Relations*. 2006. Vol. 29. No. 4. P. 385–399. DOI: 10.1108/01425450710759217

24. Omar M. Kh. Non-standard work arrangements and affective commitment: the mediating role of work-life balance // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 107. P. 4–12. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.392

Получено редакцией: 18.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурханова Флюра Булатовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор кафедры социологии и работы с молодёжью, Уфимский университет науки и технологий

Баймурзина Гузель Римовна, кандидат экономических наук, заведующая лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН; главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью, Уфимский университет науки и технологий

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855
EDN: EGICRQ

The Impact of Employment Factors on the Perception of Work-Life Balance Among Employees

Flura B. Burkhanova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
E-mail: burhanova.flura@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7342-3974

Guzel R. Baimurzina

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689

Marcel S. Turakayev

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: mturakaev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2449-6605

For citation: Burkhanova F. B., Baimurzina G. R., Turakayev M. S. The impact of employment factors on the perception of work-life balance among employees. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 168–191. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855; EDN: EGICRQ

Abstract. The article analyses part of the results of a survey of the population of the Republic of Bashkortostan aged 17 and over, conducted in October–November 2020 as part of the study “Quality of Employment and Human Development”. The volume of the analysed subsample of employees is 898 people. It is correct for employees of the Republic by gender, age, place of residence. The subject of the analysis is the influence of labour factors on the perception of work and personal life as balanced or unbalanced among employees. The main objective of the article is to test the hypothesis that the low quality of employment contributes to the formation of a sense of imbalance and dissatisfaction with work and life in general.

The results showed that the hypothesis was generally confirmed. A number of features of employment that characterise it as low quality increase the proportion of those who feel an imbalance in work and personal life. These include: work without formal employment (informal employment); work not in the specialty; negative labour practices (delays at work, working on weekends, doing work at home during non-working hours, performing work functions in a state of illness, restrictions taking care of one’s health due to work).

Negative subjective characteristics of labour activity also contribute to an increase in the level of imbalance between work and the rest of life: dissatisfaction with working conditions, its safety, psychological climate, technical equipment, sanitary and hygienic conditions; perception of the place of work as the one of the injustice, insecurity and as the one where it is difficult to defend one’s rights; non-compliance by the employer with the terms of the employment contract. In part, the imbalance contributes to the instability of employment, the possibility of losing a job.

One of the results of the study is the conclusion that the feeling of balance/imbalance is associated with subjective assessments of work and personal life, they are more negative in the group with imbalance and more positive in the group with balance. Differences are especially evident in assessments of work as bringing pleasure and moral satisfaction, in assessments of life as one in which it was possible to achieve everything that one wanted.

Keywords: work, employment, personal life, work-life balance, imbalance, wage-earners

References

1. Andreeva J. V., Lukyanova E. L. Between Work, Children and Shopping Center: Work-Life Balance in the Families of Young Russian Workers. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2019: 3: 122–141 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.08.

2. Belekova G. V. Balance between work and personal life: subjective assessment and impact on labor potential. *Human Progress*, 2020: 6: 1. Accessed 20.09.2021. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_1/Belehova.pdf (in Russ.). DOI 10.34709/IM.161.3.

3. Bocharov V. Yu. The concept of work-life balance as the basis for the typology of strategies for labor behavior of working youth. *Socialno-trudovye issledovaniya*, 2020: 39(2): 113–129 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.

4. Dimitrova E. K., Tonkikh N. V. Satisfaction by the balance of working and personal time depending on social metrics of respondents: Russian and European cases. *Human Progress*, 2020: 6: 1. Accessed 20.09.2021. URL: http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Dimitrova.pdf (in Russ.). DOI 10.34709/IM.161.4.

5. Koltsova E. A. Notions of Work-Life Balance in Russian Employees// Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*, 2014: 11: 2: 160–168 (in Russ.).

6. Monakhova I. Factors of Satisfaction with Work–Life Balance: A Case of Freelancers. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2016: 17: 1: 30–61 (in Russ.).
7. Mospan A. N. Relationship between work-life balance, demographic and labor characteristics of personality and subjective well-being. *Organizacionnaya psixologiya*, 2014: 4: 3: 95–107 (in Russ.).
8. Mospan A. N., Osin E. N., Ivanova T. Y., Rasskazova E. I., Bobrov V. V. Work–life balance in Russian production enterprise employees. *Organizacionnaya psixologiya*, 2016: 6: 2: 8–29 (in Russ.).
9. Pravednickov A. V., Burkhanova F. B. The influence of temporal characteristics of employment on the balance of family and work. *Vestnik VEGU*, 2016: 2(82): 51–60 (in Russ.).
10. Rimashevskaya N. M., Malysheva M. M., Pisklakova-Parker M. P. Balans professional'nyh i semejnyh rolej otcov kak zalog ustojchivosti sem'i [The balance of professional and family roles of fathers as a guarantee of family stability]. *Narodonaselenie*, 2017: 2: 28–41 (in Russ.).
11. Savinskaya O. B. Balans raboty i sem'i: strategii sovmeshcheniya professional'nyh i semejnyh obyazannostej robotayushchimi materyami v Moskve [The balance of work and family: strategies for combining professional and family responsibilities by working mothers in Moscow]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2013: XVI: 2(67): 142–167 (in Russ.).
12. Tonkikh N. V., Baranova N. V. Internet employment as an instrument for mother's work-life balance maintaining: myth or reality. *Human Progress*, 2019: 5: 7. Accessed 20.09.2021. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_7/Tonkikh.pdf. DOI: 10.34709/IM.157.12 (in Russ.).
13. Chernova Zh. V. Rabochee mesto, druzhestvennoe sem'e: politicheskie iniciativy, poziciya rabotodatelya i tipy podderzhki rabotnikov s semejnymi obyazannostyami [A family-friendly workplace: political initiatives, the employer's position and types of support for employees with family responsibilities]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2017: XX: 1(89): 93–113 (in Russ.).
14. Shevchuk A., Krasilnikova A. The impact of non-standard work schedules on the work-life balance: the case of the European Social survey in Russia). *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*, 2019: 17: 2: 223–236 (in Russ.). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236
15. Bianchi S. M., Milkie M. A. Work and Family research in the first decade of the 21st century. *Journal of Marriage and Family*, 2010: 72: 705–725.
16. Brauner C., Wüßmann A. M., Frank K., Michel A. Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis. *Applied Ergonomics*, 2019: 81. DOI: 10.1016/j.apergo.2019.102906.
17. Fan W., Moen P., Kelly E. L., Hammer L. B., Berkman L. F., Job strain, time strain, and well-being: a longitudinal, person-centered approach in two industries. *Journal of Vocational Behaviour*, 2019: 110: 102–116. DOI: 10.1016/j.jvb.2018.10.017
18. Fritz C., Taylor M. Detaching from and reattaching to work. *Organizational Dynamics*, 2020: 49: 4: 1–7. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.04.010
19. Kaufman G. Superdads: how fathers balance work and family in the 21st century. New York, New York University Press, 2013: 264.
20. Khallash S., Kruse M. The future of work and work-life balance 2025. *Futures*, 2012: 44: 678–686. DOI: 10.1016/j.futures.2012.04.007
21. Lin Katherine Y., Burgard Sarah A. Working, Parenting and Work-Home Spillover: Gender Differences in the Work-Home Interface across the Life Course. *Advances in Life Course Research*, 2018: 35: 24–36. DOI: 10.1016/j.alcr.2017.12.003
22. Matilla-Santander N., et al. Attitudes toward working conditions: are European Union workers satisfied with their working hours and work-life balance? *Gaceta Sanitaria*, 2019: 33: 2: 162-168. DOI: 10.1016/j.gaceta.2017.10.006
23. Moore F. Work-life balance: contrasting managers and workers in an MNC. *Employee Relations*, 2006: 29: 4: 385–399. DOI: 10.1108/01425450710759217
24. Omar M. Kh. Non-standard work arrangements and affective commitment: the mediating role of work-life balance. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013: 107: 4–12. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.392

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Flyura B. Burkhanova, Doctor of Sociological Sciences,
Chief Researcher at the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life
of the Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS;
professor at the Department of Sociology and Youth Work,
Ufa University of Science and Technology

Guzel R. Baimurzina, Candidate of Economical Sciences,
Head of the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life
of the Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Chief specialist of the Scientific Laboratory of social and demographic research,
Ufa University of Science and Technology

Marcel S. Turakayev, Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher at the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life
of the Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work,
Ufa University of Science and Technology

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856
EDN: FCWZCP

Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции

Ссылка для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции // Вестник Института социологии. 2022. Т. 14. № 4. С. 192–216. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856; EDN: FCWZCP

For citation: Pozdniakova M. E., Bryuno V. V. Transformation of drug behaviour patterns in the Russian Federation in the context of the spread of coronavirus infection. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 192–216. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856; EDN: FCWZCP

Позднякова Маргарита Ефимовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

margo417@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 140027

Брюно Виктория Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

victoria.bruno@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 181955

Аннотация. Статья посвящена анализу основных изменений в употреблении наркотических средств в период распространения коронавирусной инфекции в России. Работа опирается на результаты проведённых сектором социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН опросов городского трудоспособного населения 18–65+ лет, студентов вузов и старшеклассников в различных регионах страны. Помимо количественных опросов, был проведён качественный анализ – полуструктурированные интервью с целевой группой наркопотребителей в возрасте 40–65+ лет с различной интенсивностью наркотизации. Опросы проводились летом 2020 и 2021 гг. Также авторами проанализирован контент и сообщения участников пронаркотических групп в социальных сетях и мессенджерах. Осуществлялась «интеграция» в строго закрытые («только для своих») виртуальные наркогруппы, где исследовательский коллектив принимал живое участие в дискуссиях (методом «включённого наблюдения») в период пандемии.

На материалах количественных и качественных исследований рассмотрено, какие изменения произошли в моделях наркопотребления и повседневных наркопрактиках в период пандемии среди старшеклассников, студентов и людей пожилого возраста. Показано, что, несмотря на тренд последних десяти лет на снижение наркопотребления, особенно в молодых возрастных группах, к началу пандемии наркоситуация в России сохранялась напряжённой. Более того, ожидаемого существенного снижения распространённости наркопотребления из-за закрытия границ и других противоэпидемических мер не произошло, при этом обозначился ряд негативных тенденций. Выявлено, что пандемия и повсеместное введение удалённого обучения, резкое сокращение живого общения тяжелее всего в эмоциональном плане сказались на молодом поколении. В поисках способов преодоления фрустрации некоторые молодые люди обратились к употреблению психоактивных веществ. Опрос студентов показал, что период начала пандемии почти никак не отразился на употреблении студентами синтетических наркотиков, однако часть студентов увеличили употребление производных каннабиса и сильнодействующих лекарств с целью влияния на сознание. Выявлено также повышение распространённости наркопроб в старших возрастных группах, а также употребление разрешённых лекарств в целях достижения изменённых состояний сознания («аптечной наркомании»), усугубившейся в период пандемии. Показано, что усиление вовлечённости граждан различных возрастов и социальных групп в потребление психоактивных веществ является проявлением дисфункционального адаптационного ответа («асоциальной адаптацией») населения на многие социальные вызовы, вызванные пандемией COVID-19. Исследования авторов показали, что сегодня, после нескольких лет плавного волнообразного снижения распространённости наркологических проблем в российском обществе, сформировались новые условия для очередного экстремального всплеска наркотизации, что требует принятия соответствующих мер.

Ключевые слова: социология, наркоситуация, наркотики, пандемия COVID-19, подростки, молодёжь, люди старшего возраста

В начале пандемии COVID-19 представлялось затруднительным не только количественно оценить, но и содержательно описать и спрогнозировать, как будет развиваться ситуация с распространением и потреблением наркотиков в России в условиях жёстких противоэпидемических мер. Однако по прошествии двух лет социологами уже накоплено достаточное количество данных по этой теме.

С начала распространения коронавирусной инфекции в России, как и во многих других странах мира, проводились исследования, посвящённые влиянию пандемии на ключевые звенья процесса наркотизации – оборот наркотиков и их употребление. К сожалению, эти исследования немногочисленны, значительная часть из них носит медицинский характер и посвящена биомедицинским и клиническим аспектам наркотизма в условиях пандемии [8; 12]. Также можно отметить криминологические исследования, посвящённые обороту наркотических веществ в период пандемии [1; 5]. Социологических работ по этой проблематике нами почти не обнаружено. В большинстве из них объектом исследования являются лица с медицинским диагнозом

«наркомания», и почти не учитывается широкая распространённость эпизодического наркопотребления среди представителей различных половозрастных групп.

В фокусе данной работы – рассмотрение новых тенденций наркоситуации и особенностей наркопотребления в различных возрастных группах в условиях пандемии COVID-19. Предполагалось решение следующих задач: определить, какие изменения произошли в моделях наркопотребления и повседневных наркопрактиках в период пандемии (частота и характер потребления наркотиков, мотивы потребления, отношение к наркотикам) в различных половозрастных группах; как адаптировались потребители наркотиков к ситуации введённых противопандемических мер; усугубила ли пандемия коронавирусной инфекции ситуацию с распространением потребления психоактивных веществ в России. Понимание этих процессов послужит выработке актуальных антинаркотических мер, отвечающих современным вызовам.

Эмпирическую базу исследования составили:

1. Онлайн-опросы трудоспособного городского населения в возрасте от 18 до 60 лет, проведённые по многоступенчатой квотной выборке (2009 – 2021 гг.)¹. Аудиторные и онлайн-опросы студенческой молодёжи (2010 – 2020 гг.)². Опросы старшеклассников 9–11 классов (2000 – 2020 гг.)³. Выборка в исследованиях сбалансирована по полу и возрасту респондентов.

2. Мониторинг и анализ контента различных групп в Интернете в социальных сетях и мессенджерах («ВКонтакте», «Телеграм»), посвящённых употреблению психоактивных веществ и объединяющих эпизодических потребителей, наркозависимых. Авторами осуществлялась «интеграция» в строго закрытые виртуальные наркогруппы («только для своих»).

3. Полуструктурированные интервью с целевой группой потребителей наркотиков в возрасте 40–65+ лет, с различной интенсивностью наркотизации (N=31)⁴.

¹ Ареал исследования трудоспособного городского населения: 2009/2010 гг. N=1200; 2013 г., N=1126; 2016 г. N=1337; 2018 г. N=1406; 2019 г. N=1350; 2021 г. N=1355 в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Омске, Челябинске, Уфе, Сыктывкаре, Архангельске, Краснодаре, Казани, Екатеринбургe, Тюмени и Перми.

² Ареал исследования студентов вузов: 2010 г., Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, Орёл (N=377); 2013 г., Москва, Краснодар, Таганрог, Казань (N=739); 2018 г., Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск (N=1028) апрель–июнь 2020 г., Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск (N=1256). Опрашивались студенты медицинского, химического, физико-математического, психологического, педагогического, исторического факультетов, а также некоторых факультетов строительных вузов и др.

³ Старшеклассники: 2000 г., Москва, Казань, Надым (N=989); 2003 г., Москва, Казань, Надым (N=1330); 2008 г., Москва, Казань, Вятские Поляны, Бузулук, Можга (N=2879); 2010 г., Москва, Надым, Нижневартовск (N=935); 2014 г., 20 субъектов РФ (N=671); 2018 г., Москва, Тверь, Краснодар, Ярославль, Рыбинск (N=620); апрель–май 2020 г., Москва, Тверь, Ярославль, Рыбинск (N=596).

⁴ Отбор респондентов в возрасте 40–65+ лет проходил с помощью метода «снежного кома».

4. Исследования сопровождались опросами экспертов (медики – сотрудники больниц и поликлиник, занимающиеся лечением больных коронавирусом, медики-практики, занимающиеся лечением больных с наркологическими расстройствами, сотрудники МВД) 2020 – 2022 гг., N=14.

5. Статистические данные (Росстат, Минздрав, МВД, Генпрокуратура, ФСИН), а также специальная литература по тематике исследования.

Несмотря на зафиксированный позитивный тренд снижения распространения психоактивных веществ, наблюдаемый в последние годы, в России сохраняется ряд значимых негативных тенденций в наркотической ситуации. Изменилась структура потребления наркотиков, появились новые, более латентные модели употребления. По данным медицинской статистики, на фоне общего снижения заболеваемости наркоманией в последние десять лет наблюдается тенденция роста общей и первичной заболеваемости каннабиноидной наркоманией, зависимости от психостимуляторов и других наркотиков (в первую очередь «новых») и т. н. полинаркоманией, увеличилось пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков [6, с. 10]. Также выросла смертность от наркотиков и некоторые виды преступности, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. Число умерших от потребления наркотиков в Российской Федерации в 2020 г. составило 7 366 человек, что на 16,1% больше в сравнении с 2019 г. (6 344 человек)¹.

По данным многолетних исследований, проводившихся сектором социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН, основной особенностью наркотической ситуации последних двух десятилетий является использование наркотических веществ представителями всех возрастных групп населения. Паттерны эпизодического употребления зафиксированы практически во всех половозрастных группах, а привычное, зависимое потребление характерно только для определённых секвестированных групп населения. Более того, паттерны нерегулярного, рекреационного использования наркотиков не только возможны, но потенциально намного более распространены, чем привычное, зависимое потребление. Рекреационное использование некоторых наркотиков, которые в меньшей степени ведут к физической зависимости, характерно для всех слоёв населения [9, с. 83]. Таким образом, наркоситуация в Российской Федерации к 2020 году, к началу распространения коронавирусной инфекции, сохранялась напряжённой, что подчёркивалось и в докладах о наркоситуации в Российской Федерации Государственного антинаркотического комитета за 2018–2019 гг.

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году // Государственный антинаркотический комитет. М., 2021. 62 с. URL: https://xn----7sbabhak4bqktigbdqi0yka.xn--plai/images/documents/norm_akt_2021/2021_doclاد_o_narcosituacii_v_rf_2020.pdf (дата обращения: 04.03.2021).

Употребление наркотиков среди подростков-школьников в период пандемии COVID-19

К сожалению, исследований, посвящённых непосредственно распространённости подросткового и молодёжного наркотизма, в России критически мало. В большинстве своём эти исследования локальны, проведены на малых выборках, что существенно затрудняет сопоставление данных, оценку молодёжного наркопотребления в целом и его динамики. Соответственно, масштабных исследований по этой теме, проведённых в период пандемии, также практически нет. В основном углублённые исследования в этот период проводились за рубежом – в США и некоторых странах Европы [15; 17; 18]. Данные о влиянии распространения коронавирусной инфекции на употребление наркотиков достаточно разнородны и противоречивы в зависимости от страны исследования. Противоречия связаны как с различиями в исследуемой популяции, так и со временем проведения исследований (начало пандемии, период «локдауна» или второй год пандемии), с различиями в выборке, в методах оценки ситуации, с особенностями ограничительных мер в каждой стране.

Какова была ситуация с наркопотреблением среди подростков до начала пандемии? Особенность наркоситуации в России конца XX – начала XXI в. – резкий подъём молодёжного наркотизма, придающий наркотикам статус социально-культурального явления с формированием особой субкультуры. После спада в 2001–2003 гг. рост наркопотребления среди подростков возобновился вновь и продолжался до 2007 года. В последующие годы вновь наблюдалось снижение потребления. С 2012 года был зафиксирован рост заболеваемости наркоманией среди подростков. Общий уровень первых проб и эпизодического потребления наркотиков оставался высоким, причём с существенным повышением в 2014 году. С 2015 года по 2019 год – очередное снижение: заболеваемость наркоманией среди подростков пошла на убыль, как и распространённость проб и эпизодического употребления наркотиков в подростковой среде. Многие социологи и наркологи стали оценивать ситуацию к 2019 году как стабильную и даже благополучную [7, с. 30–33; 9, с. 23–25; 13]. При этом показатели распространения употребления у российских подростков ниже, чем в других странах¹. Однако, по материалам ООН, среди подростков и молодёжи стран Восточной Европы и России высока доля тех, кто употребляет синтетические вещества, особенно из группы так называемых «новых» наркотиков².

¹ Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC) 2017/2018 гг. в Европе и Канаде. Международный отчёт // под ред. Inchley J., Currie D., Budisavljevic S., Torsheim T., Jestad A., Cosma A. и др. Т. 2. Основные данные. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2020. 146 с. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/333064/9789289055123-rus.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

² Analysis of drug markets: opiates, cocaine, cannabis, synthetic drugs. Part 3 // World Drug Report 2018. UNODC, June, 2018. URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_3_DRUG_MARKETS.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

Данные исследований сектора социологии изучения девиантного поведения ФНИСЦ РАН фиксируют схожие тенденции. Распространённость употребления наркотиков среди старшеклассников 9–11 классов с 2000 года постепенно снижалась. Если в опросе 2000 года 26% опрошенных школьников отметили, что хотя бы один раз в жизни пробовали наркотики, то в 2014 году таких было уже 17%, а в 2018 году – лишь 12% (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Распространённость употребления наркотиков и окружение подростков, %
Prevalence of Lifetime Use of Any illicit Drug among high school student and their surroundings, %

Употребление наркотиков и окружение подростка	Годы исследования						
	2000 N=989	2003 N=1330	2008 N=2880	2010 N=935	2014 N=671	2018 N=620	2020 N=596
Пробовали наркотики хотя бы 1 раз в жизни	26	18	15,5	17	17	12	16
Есть знакомые или друзья-потребители наркотиков	30	23	22	32	21	24	26
Поддерживают личный контакт с потребителями	9	4	6	10	2	6	5
Знают, что в окружении есть потребители, но лично не знакомы	24	16	10	11	14	22	29
Встречали таких людей в Интернете, социальных сетях (в том числе в закрытых частях Интернета) ¹	-	3	6	16	20	24	30

Тем не менее ряд тенденций позволяет охарактеризовать наркоситуацию, сложившуюся к 2020 году, как напряжённую. Среди подростков, употребляющих наркотики, выросла доля тех, чьим первым наркотиком были синтетические вещества из категории «новых» (с 1% в 2010 до 10% в 2020 году). Менялся и возраст первых проб. На рубеже веков средний возраст приобщения к наркотикам был 12–13 лет. Первые эксперименты с наркотиками были зафиксированы даже в 7–9-летнем возрасте. К середине «нулевых» годов средний возраст первых проб повысился до 15–16 лет и медленно увеличивался в последующие годы, достигнув 18 лет к 2018 году. Однако в год пандемии в наших опросах зафиксировано новое понижение среднего возраста приобщения к наркотикам до 16 лет. Также вновь отмечены и очень ранние пробы наркотиков, в частности распространение потребления «снюса» среди учащихся средних классов, то есть в возрасте 10–14 лет. Среди старшеклассников сохраняется высокий уровень наркопроб (16%). Всё это является симптомами негативного тренда в потреблении наркотиков в РФ.

¹ В опроснике 2000 года данной альтернативы не было, результаты сравнения начинаются с 2003 года. В опроснике 2003 г. альтернатива была сформулирована иначе: «Встречали таких людей в Интернете».

Показателем сохраняющейся напряжённой ситуации среди подростков, несмотря на понижение потребления, является и увеличение в их окружении числа знакомых наркопотребителей, а также тех, кого они встречали в Интернете и социальных сетях (табл. 1). Парадокс ситуации заключается в том, что, несмотря на снижение числа потребителей среди подростков с 2000 года, доступность получения наркотиков достаточно велика. С предложениями получить наркотик, согласно данным наших опросов, сталкивались от 35 до 52% подростков (в зависимости от региона). Полагают, что наркотики относительно легко приобрести в их регионе проживания, около 40% подростков.

Анализ региональной медицинской статистики по заболеваемости подростков наркологическими расстройствами также не позволяет оценить наркоситуацию к концу 2020 года, в разгар COVID-19, оптимистично. С одной стороны, с 2019 по 2020 год произошло снижение заболеваемости многими наркологическими расстройствами среди подростков. С другой стороны, в ряде регионов зафиксировано утяжеление наркоситуации, выражающееся в росте *общей заболеваемости наркоманией* и пагубного (с вредными последствиями) употребления за счёт увеличения заболеваемости от отдельных видов наркотических веществ. Например, в Центральном федеральном округе выявлено увеличение общей заболеваемости подростковой наркоманией, в основном за счёт Москвы (с 26,11 до 36,12 человек на 100 тыс. подростков 15–17 лет), а также в Калининградской области, Санкт-Петербурге, Свердловской области, в Ханты-Мансийском автономном округе, в Республике Хакасия, Хабаровском крае. В Санкт-Петербурге выросла общая заболеваемость, связанная с употреблением психостимуляторов, а в Центральном регионе – заболеваемость, связанная с употреблением «других наркотиков»¹ и полинаркоманией. Выросло количество регионов, в которых фиксируется рост общего употребления наркотиков с вредными последствиями [7].

Позитивная картина снижения общей подростковой наркотизации омрачается ростом числа регионов, в которых в момент пандемии произошло увеличение *первичной заболеваемости наркоманией* и пагубного наркопотребления. Наши исследования в период пандемии зафиксировали повышение интереса и к такому виду наркотиков, как психостимуляторы, что получило отражение в росте первичной заболеваемости подростков зависимостью от них, которая выросла в 2020 году во всех регионах РФ [7, с. 164]. Нужно отметить, что именно первичная заболеваемость наркологическими расстройствами является индикатором, наиболее чутко реагирующим на изменения ситуации. С точки зрения исследователей, полученные региональные данные вызывают тревогу. К цифрам, представленным органами статистики в пандемию, нужно относиться с большой осторожностью в связи с введением в этот период

¹ В материалах медицинской статистики не указано, какие наркотики включаются в число «других», однако методом исключения можно заключить, что в эту группу входит группа синтетических наркотиков (за исключением кокаина), включая так называемые «новые», получившие широкое распространение в РФ среди наркопотребителей в последние 10 лет.

локдаунов и обязательной самоизоляции. Учитывая латентность явления, нежелание и страх родителей подростков обращаться в государственные медицинские учреждения, полученные данные и число регионов должны быть увеличены, так как необходимых визитов в медицинские наркоучреждения не было. Иными словами, при определённых условиях случаи употребления наркотиков, не зафиксированные статистикой, могут в дальнейшем перерасти в злоупотребление с последующим переходом в наркотическую зависимость.

В целом пандемия коронавируса сказалась на употреблении наркотиков подростками негативно. В ходе постоянного мониторинга контента пронаркотических групп в социальных сетях исследователями была отмечена повышенная активность участников в апреле–августе 2020 года, а также «наплыв» новых пользователей подросткового и юношеского возраста в эти группы, что позволяет считать эти сообщества группами повышенного риска.

Нами были проанализированы сообщения подростков в пронаркотических чатах в мессенджере «Телеграм». Двумя самыми распространёнными темами «новичков» в период их включения в соответствующие сетевые сообщества в 2020 году были: как улучшить своё состояние с помощью таблеток или иных веществ и как это сделать безопасно и незаметно. Приведём несколько цитат¹: *«Как пофиксить тревогу, с чего посоветуете начать, чтоб не шибко злое? Только вхожу в тему»*. *«Трясёт, в голове не пойми что, тревога, какое-то предпсихозное ощущение. Моторчику тоже плохо, что посоветуете?»*. *«На меня какая-то апатия навалилась, ничего не хочу, тюленю днями, хочу вновь почувствовать жизнь, опыта в теме нет, может что-нибудь лёгкое есть для поднятия духа?»*. *«Был очень маленький опыт, но сейчас чувствую время пришло попробовать, всё равно все умрём, а так хоть весело»*.

Анализ сообщений подростков в наркогруппах выявил состояние тревоги у большинства участников, а также состояние скуки и выраженной фрустрации (раздражения и ожидания). Данные исследования 2020 г., проведённого в школах, также показали, что у подростков обострилась тревожность. По данным опроса, на страх заразиться COVID-19 указали 44% опрошенных старшеклассников. Тревогу о том, как продолжить учёбу в период пандемии, отметили 41%. Каждый второй отметил, что нуждается в поддержке, чтобы справиться со стрессом. Большинство испытывало тревогу по поводу сдачи ОГЭ и ЕГЭ (80%). Известно, что состояние тревоги, страха, неуверенности в завтрашнем дне часто является пусковым механизмом как приобщения к психоактивным веществам, так и их употребления.

Во время пандемии изменилась структура потребления наркотиков. На первом месте по-прежнему производные конопли. Однако для тех, кто имеет незначительный эпизодический опыт, помимо конопли характерно употребление алкоголя одновременно с теми веществами, которые в момент пандемии возможно было достать. Отмечены случаи

¹ Текст приведён в оригинальном (не изменённом) виде.

употребления психостимуляторов, самодельных наркотиков с применением различных аптечных доступных успокоительных препаратов с увеличением дозы, а также рецептурных сильнодействующих лекарств, которые можно достать как у старшего поколения, так и через Даркнет. В 2020 году в некоторых регионах РФ было отмечено увеличение обращений подростков к специалистам-наркологам в связи с ростом потребления веществ, которые не являются наркотиками, но оказывают стимулирующее или угнетающее воздействие на психику. Это газ из баллончиков и зажигалок, а вид такого употребления называется сниффинг от английского sniff — «вдыхать», «нюхать». Такая новая форма токсикомании наблюдается в ряде регионов: Москве, Татарстане, Ямало-Ненецком округе, Кемеровской обл., Иркутской обл., Бурятии, Карелии и некоторых других [7, с. 166–167].

Употребление наркотиков среди учащихся вузов в период пандемии COVID-19

Пандемия и противоэпидемические ограничительные меры повлияли не только на школьников, но и на общее самочувствие студентов, а также на паттерны употребления ими наркотических веществ. По данным нашего опроса (2020 г.), около половины студентов отметили, что жизнь после начала пандемии изменилась в худшую сторону, 26% не заметили никаких изменений и 21% отметили изменения к лучшему (11% затруднились с ответом).

При изучении влияния пандемии и режима самоизоляции на образ жизни студентов были зафиксированы как положительные, так и отрицательные аспекты. Половина опрошенных студентов (50%) отнесла к положительным моментам возможности больше времени проводить с семьёй, близкими людьми, а также отдохнуть, выспаться, разгрузить себя от некоторых обязанностей и дел (49%). Об увеличении свободного времени и возможности разнообразить досуг сообщили 43% студентов и ещё 34% стали уделять больше времени своим хобби и творчеству. К сожалению, уделять больше времени своему здоровью и спорту, наладить режим дня в период «удалёнки» смогли только четверть опрошенных, а о повышении эффективности учебного процесса сообщил только каждый пятый респондент.

Несмотря на некоторые отмеченные респондентами позитивные стороны пандемии, следует сказать и о негативных изменениях. С нашей точки зрения, имеются два основных фактора, которые вызвали наибольшую фрустрацию у студентов: физиологические и социально-культурные. Так, почти половина студентов (48%) отметили нарушение режима сна (хроническая бессонница), 39% указали на снижение физической активности. Каждый четвёртый отметил значительную усталость, несмотря на домашний режим, а каждый пятый пожаловался на уменьшение объёма общения онлайн и снижение эффективности в учёбе. Финансовые

трудности также стали достаточно значимым стрессовым фактором для студентов. Это связано с тем, что до пандемии практически каждый третий студент работал или подрабатывал (35% юношей и 30% девушек), а с введением карантина каждый пятый из них был уволен или отправлен в неоплачиваемый отпуск. Поэтому 19% респондентов отметили в качестве негативных последствий пандемии финансовые проблемы семьи – снижение доходов или потерю работы, а 18% указали, что их личные доходы сильно упали.

Такие антиковидные меры, как самоизоляция, ограничения на передвижение, закрытие ресторанов и баров, сильнее всего повлияли на молодое поколение в психоэмоциональном плане. У большинства студентов был выявлен высокий уровень ситуативной тревожности, возникающей на какую-либо стрессогенную ситуацию: 41% респондентов отметили, что у них усилились чувства напряжения и стресса. Усиление депрессивных симптомов – чувства тоски, печали и грусти – отметил каждый третий. Каждый четвёртый отметил чувство бессилия и усталости, а также раздражения и гнева, каждый пятый – безразличие ко всему, апатию и скуку. Лишившись привычной «тусовки», возможности ходить на занятия и встречаться с друзьями, оказавшись в состоянии вынужденной пассивности и безделья, молодёжь стала искать способы преодоления фрустрации. Как показало наше исследование, некоторые студенты обратились к употреблению психоактивных веществ – алкоголю и наркотикам, что является проявлением дисфункционального адаптационного ответа («асоциальной адаптацией») части молодёжи на социальные вызовы российского общества, принесённые пандемией COVID-19.

Согласно данным наших многолетних исследований студентов, в последнее десятилетие происходило волнообразное снижение распространённости наркопроб и употребления наркотиков в студенческой среде. По сравнению с опросами начала XXI века, доля «пробовальщиков» и потребителей наркотиков среди студентов снизилась почти в 2 раза. Если в исследовании 2000 г. опыт проб наркотиков среди студентов достигал 40–50% (в зависимости от региона), то в последующее десятилетие (2010 – 2013 гг.) отмечалось небольшое снижение наркопроб и употребления до 33–35%. В опросах 2018 – 2019 гг. доля респондентов, положительно ответивших на прямой вопрос о наличии опыта употребления наркотиков, составляла уже 17–20%.

Такое снижение употребления за десятилетний период обусловлено рядом факторов. Немаловажную роль играют демографические изменения. Численность населения в возрасте наибольшего интереса к наркотикам в России ежегодно сокращается, что не может не сказываться на показателях снижения наркотизации. Тех, кому предлагают наркотики, становится физически меньше. Необходимо отметить и достаточно успешную реализацию государственной антинаркотической политики (2010 – 2020 гг.), одним из важных профилактических направлений которой является работа с молодёжью. В этом контексте следует отметить роль волонтерского движения, в первую очередь среди студентов.

Деятельность молодёжи оказала значительное влияние не только на помощь уязвимым группам населения, но и явилась поводом снижения наркопотребления непосредственно в этих группах студентов. По нашим данным, за 10 лет число студентов, вовлечённых в добровольческую деятельность, возросло. В опросе 2010 года в добровольческую деятельность было включено 2% учащихся, в 2013 и 2019 гг. – 6%. В опросе 2020 года уже каждый десятый (11%) отметил участие в том или ином волонтерском проекте, в том числе посвящённом ситуации с распространением коронавирусной инфекции, а каждый второй (52%) оказывал какую-либо помощь окружающим в период пандемии.

Студенты медицинских вузов, традиционно являющиеся группой риска в плане употребления психоактивных веществ, согласно данным наших предыдущих исследований, в годы пандемии не только не показали повышенного уровня наркотизации, но и, несмотря на активное участие во врачебной деятельности, снизили потребление психоактивных веществ. Если в опросах 2013 г. и 2018 г. уровень «пробовальщиков» среди студентов-медиков достигал 40% (помимо наркотиков, в потребление входили лекарства для немедицинского использования), то в 2020 г. количество студентов-медиков, отметивших наличие наркоопыта (включая лекарства), не превышало среднего значения по всем опрошенным – 17%. Тем не менее как среди волонтеров-медиков, так и студентов-волонтеров других специальностей отмечался разовый или эпизодический характер потребления наркотиков. Но среди них практически нет тех, кто отметил, что употреблял наркотики на регулярной основе. Среди студентов, не участвующих в волонтерской деятельности, выше доля тех, кто прибегал к психоактивным веществам в период пандемии с большей регулярностью.

Несмотря на заметное снижение употребления наркотиков среди студентов за последние десять лет, ситуация с наркопотреблением к началу пандемии по-прежнему сохранялась сложной. Так, в опросе 2020 года на наличие наркоопыта указали лишь 9% опрошенных студентов, что существенно ниже, чем в опросе 2019 года, однако работа с массивом данных выявила, что часть студентов игнорировали прямые вопросы о пробе наркотиков или выбирали вариант «затрудняюсь ответить», но отвечали на другие вопросы, касающиеся употребления наркотиков. Анализ всего блока вопросов, посвящённых психоактивным веществам (первая проба, виды наркотиков, время последнего приёма, отношение к наркотикам, цены на наркотики, наличие знакомых потребителей и т. д.), позволил сделать вывод о высокой вовлечённости студентов в наркопотребление – каждый пятый (20%). Изменился характер наркопотребления, структура (виды)¹ употребляемых наркотиков и некоторые характеристики потребителей. Последние годы так называ-

¹ Структура употребляемых наркотиков – это общепринятое и устоявшееся выражение у специалистов, занимающихся изучением девиантного поведения и наркотизацией (наркологов, социологов девиантного поведения, криминологов), и в данном случае относится не к химической структуре/формуле вещества, а обозначает различные группы/виды веществ.

емого «снижения» характеризуются одновременным увеличением количества лиц с новыми, более латентными формами потребления, не попадающих в поле зрения ни правоохранительных органов, ни медиков [10]. Они обнаруживаются во всех возрастных группах [9]. Эта ситуация не позволяет говорить о выраженном снижении наркопотребления в молодёжной среде и вызывает обоснованную тревогу.

Начавшаяся в начале «нулевых» и продолжающаяся в последующие годы XXI века реструктуризация российского нелегального наркорынка в сторону увеличения доли «синтетики» сохранилась и в 2020 году, что отражено в ответах студентов, где второе место среди употребляемых веществ занимают различные синтетические психоактивные вещества, в том числе «новые» (первое место, как и ранее, принадлежит производным конопли).

Поскольку в опросах студентов не было выявлено достаточно случаев тяжёлого регулярного потребления наркотиков, авторы обратились к материалам мониторинга закрытых интернет-групп пронаркотической направленности. Анализ сообщений студентов показывает, что регулярные потребители в момент пандемии сталкивались с нехваткой привычных веществ и были вынуждены искать замену. В частности, ими было отмечено ухудшение качества некоторых веществ из группы катинонов (мефедрон и альфа-пвп), в связи с чем некоторые потребители переходили на амфетамины.

Опрос студентов, проведённый в апреле – июне 2020 г., показал, что период начала пандемии почти никак не отразился на употреблении студентами синтетических наркотиков, в том числе «новых», однако почти каждый пятый студент отметил, что в этот период увеличил употребление производных каннабиса и лекарств в немедицинских целях (с целью влияния на сознание), в том числе рецептурных (рис. 1).

По каким причинам в период локдауна и ограничительных мер у студентов-наркопотребителей увеличилось употребление? Вот примеры ответов: *«Изнываю сидеть запертым дома, каждый выход на улицу хочется устроить себе праздник», «от скуки», «целый день в общаге, чем тут ещё заниматься, как не дуть?», «беспокоюсь о потере подработки», «потерял работу, теперь нечем платить за учёбу», «не могу сосредоточиться на учёбе», «не понимаю, как в таких условиях сдавать ВКР (выпускную квалификационную работу)», «курю траву, чтоб расслабиться», «помогает успокоиться», «так много плохого всего происходит, что хочется себе позволить какое-то хулиганство», «полная апатия, пытаюсь себя таким способом хоть как-то замотивировать»* и др.

Опрос показал, что пандемия сильнее повлияла на эмоциональное состояние и образ жизни тех студентов, кто имел опыт употребления наркотиков, причём как в лучшую, так и в худшую сторону (табл. 2).

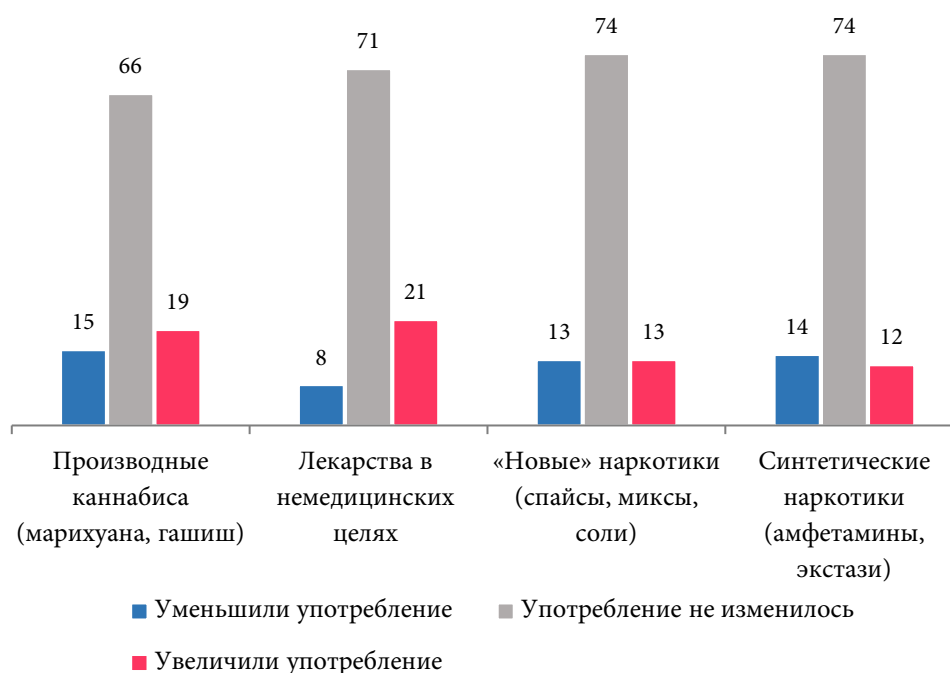

Рис. 1. Влияние пандемии на употребление некоторых видов наркотиков среди студентов, имеющих наркоопыт, %

Figure 1. Impact of the COVID-19 pandemic on substance use among students with drug experience, %

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов студентов на вопрос об изменении их эмоционального состояния после начала пандемии, во время периода самоизоляции, %

Distribution of students' answers to the question about changes in their emotional state after the start of the pandemic, during the period of self-isolation, %

Эмоциональное состояние	Опыт употребления наркотиков	
	пробовали наркотики	не пробовали наркотики
Изменилось в лучшую сторону	27	18
Изменилось в худшую сторону	39	30
Не изменилось	18	34
Затрудняюсь ответить	16	18

Можно заключить, что изменения в формате обучения и работы, вопросы личного здоровья, здоровья семьи и друзей, неопределённость будущего, трудности финансового положения, отсутствие надёжной и последовательной информации о COVID-19, а также снижение социальных контактов и поддержки явились предикторами высокого уровня стресса, депрессии, тревоги и других психоэмоциональных проблем студентов, которые, в свою очередь, привели к увеличению наркопотребления.

Сравнение групп студентов, имеющих и не имеющих наркоопыт, не выявило принципиальных различий в период пандемии по многим показателям образа жизни. Это связано с тем, что в наших опросах, как правило, участвуют респонденты, не имеющие медицинского диагноза «наркомания», то есть люди, у которых, скорее всего, ещё нет признаков зависимости, но которые с определённой регулярностью употребляют наркотики. Таким образом, эпизодические потребители мало отличаются от непотребителей. Например, в обеих группах с равной вероятностью были отмечены как положительные, так и отрицательные изменения, внесённые в жизнь студентов новыми условиями. Однако были выявлены некоторые существенные различия. Группа студентов, имеющих наркоопыт, характеризуется повышенной алкоголизацией. Так, среди студентов-наркопотребителей значительно выше доля тех, кто часто употреблял алкоголь – от 1 до 7 раз в неделю (43% против 15% среди студентов без наркоопыта). Напротив, среди студентов-наркопотребителей меньше тех, кто употребляет редко – по праздникам или несколько раз в год (2% против 16% среди студентов без наркоопыта). Связь употребления алкоголя и наркотиков отмечена во многих работах авторов данной статьи и их коллег, а также в зарубежных исследованиях [2; 3; 14; 16; 20]. Однако в сложных условиях распространения инфекции эта связь стала наиболее очевидной. Именно в группе потребителей заметно выросла доля тех, кто в период пандемии увеличил потребление спиртного (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов студентов на вопрос об изменении в период пандемии и самоизоляции количества употребляемого спиртного, %
Distribution of students' answers to the question about changing in alcohol consumption after the start of the pandemic, during the period of self-isolation, %

Употребление спиртного	Наличие наркоопыта	
	пробовали наркотики	не пробовали наркотики
Изменилось в большую сторону	21	4
Сначала изменилось в большую сторону, но потом нормализовалось	7	12
Изменилось в меньшую сторону	14	19
Никак не изменилось	52	61
Другое	5	2
Затрудняюсь ответить	1	2
Всего	100	100

Студенты-потребители наркотиков чаще отмечали, что в период самоизоляции увеличили покупки алкоголя (10% против 1% студентов без наркоопыта), среди них больше тех, кто отметил, что сильно напивался (40% против 12% студентов без наркоопыта) и опохмелялся (17% против 2%) за период самоизоляции.

Таким образом, можно заключить, что ситуация распространения коронавирусной инфекции и противоэпидемических мер усугубила имеющиеся проблемы в молодёжной среде. Пандемия сильнее ударила по тем учащимся школ и вузов, кто уже имел наркотический опыт, причём чем сильнее учащийся был погружен в потребление, тем скорее в период пандемии он прибегал к увеличенным дозам при употреблении наркотиков. В условиях жёстких социальных вызовов эта группа оказалась более уязвимой и многие эпизодические наркопотребители обратились к привычным для них способам справиться с трудной жизненной ситуацией.

Употребление наркотиков в старших возрастных группах в период пандемии COVID-19

Пандемия нанесла большой ущерб здоровью и благосостоянию пожилых людей. В период повышенного спроса на лекарства из-за пандемии COVID-19 Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН) предупредил о «скрытой эпидемии» – росте употребления наркотиков среди пожилых людей. В своём Годовом отчёте за 2020 год МККН подчеркнул, что по мере старения населения мира возрастает уязвимость пожилых людей к употреблению наркотиков и наркотической зависимости¹. Возросло не только употребление наркотиков среди пожилых людей, но и связанные с ними смерти, и количество пожилых людей, проходящих лечение от наркологических проблем.

Следует отметить, что имеется мало эпидемиологических данных о масштабах потребления психоактивных веществ пожилыми людьми, в том числе даже в тех странах, где проводятся регулярные наркологические и социологические обследования. Чаще всего в этих работах в качестве объекта исследования рассматривались подростки и молодёжь, представители маргинальных групп и групп повышенного риска. Таким группам населения, как женщины и пожилые граждане, не уделялось внимания, что, конечно, выразалось в отсутствии в специальной литературе материалов исследований. Распространённость употребления наркотиков у пожилых среди всего населения и его доля среди всех больных с медицинским диагнозом «наркомания» неизвестны. Обычно среди госпитализированных по поводу наркомании в психиатрические больницы лица старше 60 лет составляют менее 1%.

В наших исследованиях распространённости наркопотребления в России уделялось внимание всем половозрастным группам, включая пожилых и лиц самого старшего возраста. По данным наших многолетних работ, в конце прошлого века практически не было потребителей наркотиков пожилого возраста, поэтому они и не были зафиксированы в исследованиях. В настоящее время проведённые при участии авторов опросы

¹ Report of the International Narcotics Control Board for 2020 // International Narcotics Control Board. UNITED NATIONS, Vienna, 2021. Accessed 15.12.22. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2020/Annual_Report/E_INCB_2020_1_eng.pdf

трудоспособного городского населения (2009 – 2021 гг.) зафиксировали как первые пробы, так и эпизодическое употребление наркотиков в старших возрастных группах¹. Таким образом, сегодня, проблемной группой следует признать и старшее поколение наших граждан. Так, в последние годы отмечался рост употребления наркотиков в старших возрастных группах. Распространённость проб и употребления наркотиков в возрастной группе 40–49 лет выросла с 24% в 2009 году до 30% в 2020 году, в группе 50–59 лет – с 13% в 2009 году до 19% в 2020 году, в группе 60+ с 11% в 2013 году до 21% в 2021 году (табл. 4).

Смещение «пробовальщиков» в старшие возрастные группы может говорить как о постарении поколения наркопотребителей, так и о расширении групп риска наркотизации (с учётом увеличения доли наркопотребителей, первая проба которых произошла в более зрелом возрасте), и имеет тревожный прогностический потенциал.

Таблица 4 (Table 4)

**Распространённость наличия опыта употребления наркотиков
в старших возрастных группах, %²**

Prevalence of substance use experience among older adults, %

Возрастная группа, лет	Годы исследования					
	2009/2010 N=1200	2013 N=1126	2016 N=1337	2018 N=1406	2019 N=1350	2021 N=1355
40–49	24	23	25	26	28	30
50–59	13	17	14	16	21	19
60+	Нет данных	11	12	17	20	21

Повышение вовлечённости старшей возрастной группы в потребление наркотиков отмечается и в медицинских кругах, среди профессионалов-наркологов. За десять лет показатель первичной заболеваемости психическими расстройствами у людей возрасте 40–59 лет увеличился на 63% (с 11,5 до 18,7 на 100 тыс. населения соответствующего возраста), в возрасте 60 лет и старше – в 4 раза (с 0,1 до 0,4 на 100 тыс. населения соответствующего возраста) [6, с. 8]. К сожалению, медицинская статистика отражает только заболеваемость наркоманией, но не показывает ситуацию с эпизодическим потреблением наркотиков среди

¹ Авторы данной статьи согласны с экспертами из МККН (2020 г.), что в научном обществе отсутствует консенсус насчёт того, что понимается под «пожилым возрастом» в статистике употребления психоактивных веществ. По данным наркологов, у людей, имеющих проблемы с употреблением психоактивных веществ, процесс старения ускоряется как минимум на 15 лет. В ряде европейских исследований за возрастной порог для отнесения потребителей наркотиков к категории пожилых людей взят возраст в 40 лет. В Уэльсе (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии) потребители психоактивных веществ (алкоголь и наркотики) считаются пожилыми, начиная с 50-летнего возраста. В Норвегии к категории пожилых, получающих опиоидную заместительную терапию, отнесены люди в возрасте от 45 лет.

² Изначально мы ориентировались на индивидов от 60+ лет, однако не стали исключать респондентов 40–59 лет. Для наркопотребителей в этом возрасте характерно снижение когнитивных способностей, поэтому их биологический возраст обычно выше календарного.

пожилых. Пожилые люди представляют собой скрытую демографическую группу потребителей психоактивных веществ, имеющую свои специфические особенности и потребности в медицинской помощи.

Анализ мотивов приобщения к наркотикам и их употребления в разных возрастных группах позволяет отметить, что для большинства молодых наркопотребителей главная жизненная цель – это гедонистические устремления, попытки реализации которых могут вести к наркотизму. В более старших возрастных группах следует говорить о целом комплексе мотивов, но главными в иерархии мотиваций «наркокарьереры» пожилых являются следующие: наркотик как средство изменения эмоционального состояния (убрать негативные эмоции), наркотик как средство удовлетворения потребности в релаксации (разрядка нервно-психического напряжения), наркотик как средство добиться эйфорического «радужного» состояния. Это часто бывает самостоятельным мотивом наркотизации возрастных людей и, более того, зависят от характерологических особенностей личности. При этом гедонистическая мотивация так или иначе присутствует практически всегда.

Все указанные слагаемые наркопотребления среди пожилых наиболее явно проявились во время пандемии COVID-19. В опросе 2020/2021 года в старших возрастных группах преобладали такие негативные эмоции и состояния, как страх, тревога, депрессия, тоска, непонятность и неподконтрольность ситуации, неуверенность в завтрашнем дне. Респонденты отмечали обострение хронических заболеваний, невротические проявления, бессонницу. Все эти явления широко проявились у пожилых людей в момент пандемии и усилили их потребность различными способами улучшить своё психофизиологическое состояние. Одними из таких способов являлись наркотические средства.

Широкое распространение среди старших возрастных групп получила «аптечная наркомания» – употребление обезболивающих и снотворных средств, а также лекарств с наркотическим и психостимулирующим эффектом, как средств от депрессии, одиночества и т. п. К наиболее распространённым лекарственным средствам, употребляемым в пожилом возрасте с целью изменения сознания, относятся: обезболивающие, транквилизаторы, бензодиазепины, седативные средства. В некоторых случаях развивается ятрогенная¹ зависимость от ПАВ как результат неадекватного лечения, так и расширение привычной структуры потребления наркотиков для обеспечения роста толерантности. Большинство пожилых людей убеждены в том, что значительная часть лекарств, тем более прописанных врачами, не вызывают психологической зависимости, что также способствует наркотизации представителей старших возрастных групп.

Результаты зарубежных исследований свидетельствуют, что в период распространения коронавирусной инфекции выросло число пожилых людей, употребляющих психоактивные вещества (наркотики, сильнодействующие лекарства с целью влияния на сознание)

¹ Ятрогенная – вред, причиняемый лекарственными препаратами; негативный эффект при лечении заболевания.

[19; 21]. Согласно данным нашего опроса трудоспособного городского населения, в период пандемии ситуация со злоупотреблением лекарствами среди пожилых ухудшилась: если в опросе 2018 и 2019 гг. к сильнодействующим успокоительным препаратам прибегали 21–25% респондентов в возрасте 50–60+, а лекарства с целью изменения эмоционального состояния и влияния на сознание принимали лишь 2% респондентов, то в опросе 2021 года уже более трети респондентов прибегали к сильнодействующим успокоительным и почти каждый десятый использовал лекарства в немедицинских целях.

Несмотря на зафиксированное снижение употребления алкоголя среди населения в период второго локдауна, наш опрос показал, что существует проблема приёма алкоголя с медикаментами, отпущенными по назначению врача. Причём часто алкоголь не сочетается с данными лекарствами, но граждане, видимо, не дали себе труда ознакомиться с инструкцией, или же проигнорировали написанное там. Выявлено, что практически 40% пожилых респондентов регулярно употребляют алкоголь на фоне приёма медикаментов. Проведённое исследование в момент пандемии показало, что у пожилых людей, ранее злоупотреблявших алкоголем, не только повышался риск приобщения к наркотикам, но среди них наиболее высок и процент эпизодических потребителей. Одна из причин подобного поведения в этих возрастных группах, выявленная опросом, – это потеря работы в момент пандемии.

Помимо иной мотивации приёма наркотических средств, у пожилых людей отличается и характер потребления. Несмотря на рост наркопотребления в старших группах, их влечение к наркотикам характеризуется сравнительно небольшой интенсивностью. Более того, это потребление отличается амбивалентностью: с одной стороны, они готовы употреблять наркотические средства для улучшения своего физического состояния, с другой стороны, опасение за здоровье для них является сдерживающим фактором. Такое контролируемое потребление наблюдается даже у тех, чей наркоопыт значителен (до 20–25 лет), и их первые пробы наркотиков состоялись ещё в относительно молодом, иногда подростковом возрасте. Но частота потребления все эти годы, включая годы пандемии, была незначительна (от раза в месяц до нескольких раз в год). В этом случае роль контролируемого потребления достаточно высока. Но этот процесс является промежуточной стадией между эпизодическим и пагубным (с вредными последствиями) употреблением и может привести к тяжёлой зависимости.

Для более глубокого анализа наркоповедения в старших возрастных группах, помимо количественного исследования, было проведено несколько интервью с потребителями наркотиков старшего возраста. Нам удалось проанализировать три группы людей с различными характеристиками наркопотребления. В них вошли как респонденты старших возрастов, так и пожилые. Все опрошенные респонденты были отнесены исследователями к эпизодическим потребителям, так как никто из них не состоит на учёте в соответствующих учреждениях. Их не следует относить к так называемым «проблемным потребителям» с медицинским диагнозом «наркомания».

Первая группа – это достаточно состоятельные пожилые люди, первые пробы наркотиков у которых случились в разные годы – от юношеского возраста до зрелого. В эту группу вошли работающие пенсионеры – индивидуальные предприниматели, бизнесмены или служащие с достаточно высоким социальным статусом и, соответственно, более широкими возможностями как приобретения наркотиков, так и сохранения здоровья (как, например, посещение фитнес-центров, занятие спортом). Часть из них впервые попробовали наркотические вещества в период «перестройки» или начале «нулевых», то есть в относительно молодом возрасте, а употребление наркотических веществ носило «статусный» характер, было престижным, рекреационным. В этой группе основные мотивы употребления наркотиков в пандемию – ухудшение качества жизни и одновременно память об испытанном в прошлом «кайфе».

Другая часть опрошенных из первой группы, напротив, приобщилась к наркотикам в поздние годы, мотивируя это тем, что в таком возрасте, с их точки зрения, зависимость уже не разовьётся в силу их жизненного опыта, устоявшихся ценностей. Один из респондентов отметил, что давно хотел попробовать наркотическое средство, но откладывал из-за страха, а ситуация с пандемией его подтолкнула к этому решению, поскольку «один раз живём». Другой отметил, что по причине проблем со здоровьем (сахарный диабет, большой стаж курения табака, хроническая обструктивная болезнь лёгких) он, скорее всего, не переживёт пандемию, если заболит ковидом, но хотя бы будет иметь такой опыт. Речь в интервью шла о производных конопли и некоторых синтетических веществах. Все заявили, что, несмотря на трудности с получением наркотиков, у них был доступ к разнообразным веществам – от марихуаны до синтетических – и материальные возможности их приобрести. Для более поздних наркопроб характерно влияние копинг-мотивов: атарактический (снять стресс, уйти от проблем, расслабиться) и мотив активации (повысить работоспособность).

Ко второй группе были отнесены люди старшего возраста и пожилые пенсионеры без дополнительного заработка. Опрос проходил в период пандемии летом 2020 и 2021 гг. в Тверской области, Краснодарском крае, Калининградской области. Это жители регионов, проживающие в небольших городах и посёлках. Часть опрошенных респондентов указали на то, что находят различные способы раздобыть «дурь». *«Маковую соломку можно найти в чужих садах и огородах», «места надо знать», «при желании это не проблема».* Основные мотивы употребления – *«не так хмуρο жить с этим», «чтоб душа не болела», «тоска сплошная», «а что ещё я видел в этой жизни»,* то есть преобладают мотивы снижения фрустрации.

Третья группа пожилых, это те, кто или самостоятельно в своё время употребляли лекарственные препараты в целях повлиять на своё эмоциональное состояние («аптечная» наркомания), или их приобщили к употреблению собственные великовозрастные дети или внуки (которые сами являются наркопотребителями), пред-

ложив своим пожилым родителям заменить привычный алкоголь или простые лекарства, типа валерианы, на более современные наркотические вещества, мотивируя это тем, что они безопаснее. В основном это те, кто вынуждены проживать со своими великовозрастными детьми, и стрессовые состояния у них в момент пандемии очень раздражали «отпрысков». *«Сын мне сказал: пап, а чего ты травмишься водкой? Давай я тебе дам что получше, и не так сажает печень и настроение хорошее».* *«Мне внук даёт таблетки какие-то постоянно, не помню, как называются, для настроения и чтоб голова, говорит, работала. Мне кажется, я от них поживее»¹,* *«Давно сижу на рецептурных лекарствах, конечно, не “красный рецепт”, но и не безобидное. Может быть, это можно назвать и злоупотреблением, потому что без них раздражаюсь».*

Мониторинг наркотических чатов также выявил случаи, когда молодые люди-потребители веществ вовлекали в потребление своих старших родственников. В одном из сообщений молодой человек рассказал, как ему тяжело всё время находиться дома с родственниками, и, чтобы, с его точки зрения, *«уменьшить психи своей бабушки из-за короны и её нотации»*, подливал ей в напитки такое наркотическое вещество, как бутандиол, не имеющее вкуса и запаха, которое достаточно легко купить официально².

Таким образом, вовлечённость в наркопотребление людей старшего и пожилого возраста – один из способов разрешения жизненных проблем, удовлетворение потребностей в аффилиации с решением проблемы доступности наркотиков, а сам наркотик воспринимается ими как средство преодоления одиночества, нарушенных коммуникаций, плохого самочувствия. Этот вид копинг-поведения, наиболее характерный для лиц в возрасте «обратного» развития, носит псевдоактивный характер и представляет собой формирование биосоциальной наркоманической зависимости, приводит к социальной дезинтеграции, ещё большей изоляции, дезадаптации индивида. Наркотизация в позднем возрасте – медленно развивающийся процесс, в дальнейшем включающий в себя приобретение и нелегальных средств (психоделические, стимуляторы), в основном на «чёрном» рынке. Более того, увлечение транквилизаторами и снотворными широко распространено среди тех групп населения, которые в общественном мнении не имеют ничего общего с наркоманией. В то же время трудное экономическое положение и тревога в связи с событиями на внешнем контуре заставляют нас вместе с экспертами говорить о том, что ситуация с наркотиками, несмотря на закрытие границ, усугубится. И мы уже сейчас должны принимать самые серьёзные меры.

¹ В интервью речь шла о препарате габапентин. Превышение назначенных врачом дозировок может приводить к изменению сознания человека.

² Наркопотребители используют это вещество в качестве замены незаконных веществ – гамма-бутиролактона (GBL) и гамма-гидроксibuтирата (GHB).

К выводам

Анализируя результаты самостоятельно проведённых исследований, мы приходим к выводу о волнообразной динамике употребления многих психоактивных веществ с начала пандемии среди подростков, молодёжи и людей старшего возраста. Отмечаем рост употребления некоторых психоактивных веществ на начальных этапах пандемии с последующим спадом употребления и началом формирования новой волны наркопотребления.

Исследования показали, что сегодня, после нескольких лет плавного снижения распространённости наркологических проблем в российском обществе, сформировались новые условия для очередного экстремального всплеска наркотизации. Специфика современной социальной ситуации в России заключается в том, что продуцируются новые, ранее неизвестные социальной системе угрозы и риски, к которым общество оказалось не готово. Пандемия, а также новые социальные вызовы времени сформировали уникальную, но страшную по своим последствиям ситуацию, когда, с одной стороны, несмотря на экономический кризис и проблемы с закрытием границ, наркобизнес за период пандемии освоил новые и существенно усовершенствовал старые схемы производства и реализации наркотических веществ, а с другой стороны, в обществе произошло накопление стрессовых и тревожных настроений и состояний, с которыми население будет пытаться справиться различными способами, включая употребление психоактивных веществ. Попав в ситуацию быстро меняющихся условий, граждане России оказались в зоне адаптационного риска. Поэтому усиление вовлечённости граждан различных возрастов и социальных групп в потребление психоактивных веществ, что по своей сути является проявлением дисфункционального адаптационного ответа («асоциальной адаптацией») населения на многие социальные вызовы, есть лишь вопрос времени.

Библиографический список

1. Бондарь М. М., Жукова С. С. COVID-19 как детерминанта развития организованной преступности // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 119–123. DOI: 10.24158/per.2020.12.20
2. Брюно (Моисеева) В. В. Основные тенденции и факторы риска в алкогольном поведении молодёжи: связь с девиацией // Информационно-аналитический вестник. Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 3 (15). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/224/30/> (дата обращения: 15.12.2022).
3. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / Отв. ред. Б. М. Левин. М.: ИС РАН, 1993. 139 с.
4. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Потребление алкоголя в России. Социологический анализ. 2011. № 1. 102 с.

5. Каснова М. С. Наркоситуация в условиях пандемии коронавируса: тенденции развития и правоохранный контроль // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 136–140. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10369
6. Киржанова В. В. Наркоситуация в Российской Федерации в свете реализации Государственной антинаркотической политики // Вопросы наркологии. 2021. № 10 (205). С. 5–37. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_10_5
7. Киржанова В. В., Григорова Н. И., Бобков Е. Н., Киржанов В. Н., Сидорюк О. В. Деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2019–2020 годах: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2021. 192 с.
8. Ли Е. А., Корень С. В. Пандемия COVID-19 и потребители наркотиков // Вопросы наркологии. 2020. № 6 (189). С. 72–83. DOI: 10.47877/0234-0623_2020_6_72
9. Позднякова М. Е. Новая наркоситуация в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 77–89. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-77-89
10. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Контролируемое потребление наркотиков как фактор изменения наркоситуации в современной России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 7. С. 88–101. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-7-88-101
11. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Сравнительный социологический анализ изменений ситуации с потреблением наркотиков в России за 30 лет: 1990–2020 гг. // Вопросы наркологии. 2021. № 5 (200). С. 15–51. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_05_15
12. Рожанец В. В., Фадеева Е. В., Клименко Т. В. Проблемы аддикции в эпоху Covid-19 — актуальные данные и анализ тенденций, 2020 г. // Вопросы наркологии. 2021. № 1 (196). С. 5–19. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_01_5
13. Скворцова Е. С. Потребление наркотически действующих веществ среди российских подростков, учащихся начального профессионального образования // Вопросы наркологии. 2018. № 4 (164). С. 101–112.
14. Arnaout B., Petrakis I. Diagnosing Co-Morbid Drug Use in Patients with Alcohol Use Disorders // Alcohol Research & Health. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 148–154.
15. Benschop A., van Bakkum F., Noijen J. Changing Patterns of Substance Use During the Coronavirus Pandemic: Self-Reported Use of Tobacco, Alcohol, Cannabis, and Other Drugs // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. P. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyt.2021.633551
16. Falk D., Yi H. Y., Hiller-Sturmhüfel S. An epidemiologic analysis of co-occurring alcohol and drug use and disorders: findings from the National Epidemiologic Survey of Alcohol and Related Conditions (NESARC) // Alcohol research & health: the Journal of the National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 100–110.

17. Johnston L. D., Miech R. A., O'Malley P. M., Bachman J. G., Schulenberg J. E., Patrick M. E. Monitoring the Future. National survey results on drug use 1975–2021: Overview, key findings on adolescent drug use // Institute for Social Research, University of Michigan. Ann Arbor, Michigan, January, 2022. Accessed 15.12.2022. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/171751/mtf-overview2021.pdf>
18. Kapetanovic S., Ander B., Gurdal S., Sorbring E. Adolescent smoking, alcohol use, inebriation, and use of narcotics during the COVID-19 pandemic // BMC Psychology. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 1–9. DOI: 0.1186/s40359-022-00756-1
19. Marshall K., Hale D. COVID-19 Related Substance Use Disorder in the Older Population // Home Healthcare Now. 2021. Vol. 39. No. 4. P. 220. DOI: 10.1097/NHH.0000000000001003
20. Staines G. L., Magura S., Foote J., Deluca A., Kosanke N. Polysubstance use among alcoholics // Journal of Addictive Diseases. 2001. Vol. 20. P. 53–69. DOI: 10.1300/j069v20n04_06
21. Satre D. D., Hirschtritt M. E., Silverberg M. J., Sterling S. A. Addressing problems with alcohol and other substances among older adults during the COVID-19 pandemic // The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2020. Vol. 28. No. 7. P. 780–783. DOI: 10.1016/j.jagp.2020.04.012

Получено редакцией: 26.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднякова Маргарита Ефимовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Брюно Виктория Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856

EDN: FCWZCP

Transformation of Drug Behaviour Patterns in the Russian Federation in the Context of the Spread of Coronavirus Infection

Margarita E. Pozdniakova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: margo417@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7896-5115

Victoriya V. Bryuno

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: victoria.bruno@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9735-024X

For citation: Pozdniakova M. E., Bryuno V. V. Transformation of drug behaviour patterns in the Russian Federation in the context of the spread of coronavirus infection. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 192–216. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856; EDN: FCWZCP

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main changes in the drug use during the spread of coronavirus infection in Russia. The work is based on the results of surveys of the urban working-age population aged 18-65+ years, university students and high school students in various regions of the country, conducted by the sector of the sociology of deviant behaviour of the FCTAS RAS. In addition to quantitative surveys, a qualitative analysis was carried out – semi-structured interviews with a target group of drug users aged 40-65+ with varying intensity of drug use (summer 2020 and 2021). The content and messages of members of pro-drug groups in social networks and instant messengers were analysed. “Integration” was carried out in strictly closed (“members only”) virtual drug groups, where the research team took an active part in discussions (using the “participant observation” method) during the pandemic.

Based on the materials of quantitative and qualitative studies, it is considered what changes have occurred in drug consumption patterns and everyday drug practices during the pandemic among high school students, students and the elderly. It is shown that despite the trend of the last ten years to reduce drug use, especially in young age groups, by the time of the pandemic, the drug situation in Russia remained tense. Moreover, the expected significant decrease in the prevalence of drug use due to the closure of borders and other anti-epidemic measures did not occur with the onset of the pandemic, while a number of negative trends emerged. It was revealed that the pandemic and the period with the widespread introduction of remote learning and a sharp reduction in live communication had the hardest emotional impact on the younger generation. In search of ways to overcome frustration, some young people have turned to substance use. A survey of students showed that the period of the beginning of the pandemic had almost no effect on the use of synthetic drugs by students, however, some students increased the use of cannabis derivatives and potent drugs in order to influence consciousness. An increase in the prevalence of drug tests in older age groups was revealed, as well as the spread of “pharmacy drug addiction”, that worsened at the time of the pandemic. It is shown that the increased involvement of citizens of different ages and social groups in the use of psychoactive substances is a manifestation of a dysfunctional adaptive response (“asocial adaptation”) of the population to many social challenges caused by the COVID-19 pandemic. Studies have shown that today, after several years of a smooth undulating decline in the prevalence of drug problems in Russian society, new conditions have formed for the next extreme surge in drug addiction.

Keywords: drug situation, drugs, COVID-19 pandemic, teenagers, youth, older people

References

1. Bondar M. M., Zhukova S. S. COVID-19 as a determinant of the growth of organized crime. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2020: 12 (89): 119–123 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2020.12.20
2. Bryuno (Moiseeva) V. V. Basic tendencies and risk factors in alcoholic behaviour of youth: relation with deviation. *Informatsionno-analiticheskiy vestnik. Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 2010: 3 (in Russ.). Accessed 15.12.2022. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/224/30/lang,ru/>
3. Za zdorovyy obraz zhizni (bor'ba s sotsial'nymi boleznyami). [For a healthy lifestyle (fight against social diseases)]. Ed. by B. M. Levin. Moscow, IS RAN, 1993: 139 (in Russ.).
4. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (INAB). Potreblenie alkogolya v Rossii. Sotsiologicheskii analiz. [Alcohol consumption in Russia. Sociological analysis], 2011: 1: 102 (in Russ.).
5. Kasnova M. S. Drug situation and the coronavirus pandemic: development trends and law enforcement control. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2020: 6: 136–140 (In Russ.). DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10369
6. Kirzhanova V. V. The drug situation in the Russian federation in light of the implementation of the state anti-drug policy. *Voprosy narkologii*, 2021: 10(205): 5–37 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2021_10_5
7. Kirzhanova V. V., Grigorova N. I., Bobkov E. N., Kirzhanov V. N., Sidoryuk O. V. Deyatel'nost' narkologicheskoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii v 2019–2020 godakh: Analiticheskiy obzor [Activities of the Narcological Service in the Russian Federation in 2019-2020: An Analytical Review]. Moscow, FGBU “NMITs PN im. V. P. Serbskogo” Minzdrava Rossii, 2020: 192 (in Russ.).
8. Li E. A., Koren S. V. COVID-19 pandemic and drug users. *Voprosy narkologii*. 2020: 6 (189): 72–83 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2020_6_72
9. Pozdnyakova M. E. New Drug Situation in Russia. Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences, *Vestnik RFFI*, 2019: 2: (95): 77–89 (in Russ.). DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-77-89

10. Pozdnyakova M. E., Bryuno V. V. Controlled drug use as the factor of changes in drug situation in modern Russia. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018: 25 (7): 88–101 (in Russ.). DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-7-88-101.
11. Pozdniakova M. E., Bryuno V. V. Comparative analysis of changes in drug situation in Russia for 30 years: 1990–2020. *Voprosy narkologii*, 2021: 5 (200): 15–51 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2021_05_15
12. Rozhanets V. V., Fadeeva E. V., Klimenko T. V. Addiction problems in the covid-19 era: up-to-date data and trend analysis, 2020. *Voprosy narkologii*, 2021: 1 (196): 5–19 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2021_01_5
13. Skvortsova E. S. The use of narcotic drugs among Russian adolescents, students of primary vocational education institutions. *Voprosy narkologii*, 2018: 4 (164): 101–112 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2021_01_5
14. Arnaout B., Petrakis I. Diagnosing Co-Morbid Drug Use in Patients with Alcohol Use Disorders. *Alcohol Research & Health*, 2008: 2: 148–154.
15. Benschop A., van Bakkum F., Noijen J. Changing Patterns of Substance Use During the Coronavirus Pandemic: Self-Reported Use of Tobacco, Alcohol, Cannabis, and Other Drugs. *Frontiers in Psychiatry*, 2021: 12: 1–12 (in Russ.). DOI: 10.3389/fpsy.2021.633551
16. Falk D., Yi H. Y., Hiller-Sturmhufl S. An epidemiologic analysis of co-occurring alcohol and drug use and disorders: findings from the National Epidemiologic Survey of Alcohol and Related Conditions (NESARC). *Alcohol research & health: the Journal of the National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism*, 2008: 31: 2: 100–110.
17. Johnston L. D., Miech R. A., O'Malley P. M., Bachman J. G., Schulenberg J. E., Patrick M. E. Monitoring the Future. National survey results on drug use 1975–2021: Overview, key findings on adolescent drug use. Institute for Social Research, University of Michigan. Ann Arbor, Michigan, January, 2022. Accessed 15.12.2022. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/171751/mtf-overview2021.pdf>
18. Kapetanovic S., Ander B., Gurdal S., Sorbring E. Adolescent smoking, alcohol use, inebriation, and use of narcotics during the Covid-19 pandemic. *BMC Psychology*, 2022: 10 (1): 44: 1–9. DOI: 0.1186/s40359-022-00756-1
19. Marshall K., Hale D. COVID-19 Related Substance Use Disorder in the Older Population. *Home Healthcare Now*. 2021: (39)4: 220. DOI: 10.1097/NHH.0000000000001003
20. Staines G. L., Magura S., Foote J., Deluca A., Kosanke N. Polysubstance use among alcoholics. *Journal of Addictive Diseases*, 2001: 20: 53–69. DOI: 10.1300/j069v20n04_06
21. Satre D. D., Hirschtritt M. E., Silverberg M. J., Sterling S. A. Addressing problems with alcohol and other substances among older adults during the COVID-19 pandemic. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 2020: 28 (7): 780–783. DOI: 10.1016/j.jagp.2020.04.012

The article was submitted on: March 26, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Margarita E. Pozdniakova, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Victoriya V. Bryuno, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857

EDN: LAGHSG

Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19¹

Ссылка для цитирования: Багина Я. А., Запорожец О. Н., Говорова А. Д. Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19 // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

For citation: Bagina Y. A., Zaporozhets O. N., Govorova A. D. Confronting pandemics: human and non-human agents in the discourse of the Moscow authorities on COVID-19. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

Багина Яна Александровна¹

¹Независимый исследователь,
Москва, Россия

ybagina@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 1059263

Запорожец Оксана Николаевна¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

ozaporozhets@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 818006

Говорова Анастасия Дмитриевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nastena_govorova@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 1032377

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60535.

Аннотация. Статья посвящена дискурсу московских городских властей относительно COVID-19. Мы полагаем, что данный дискурс тесно связан с реализуемыми городскими политиками, артикулируя и легитимируя их. Эмпирическую базу исследования составляют новости с официального сайта Мэра Москвы и записи из блога Мэра Москвы Сергея Собянина. В центре внимания статьи – дискурсивно создаваемые агенты городской жизни, отношение городских властей к ним и отношения между ними в период пандемии COVID-19. В дискурсе, связанном с коронавирусом, присутствует множество человеческих и нечеловеческих агентов: представители власти; горожане; агенты, связанные с лечением коронавируса (медицинские работники и технологии), и агенты, связанные с жизнью города в период пандемии (инфраструктуры; организации и компании, работодатели; система образования). Все они выстраиваются вокруг ключевого агента – самого вируса. Горожане как агенты во властном дискурсе представлены множеством категорий, которые образуют две крупные пересекающиеся группы. Первая группа связана с позицией людей относительно заболевания: люди с подозрением на коронавирус, заболевшие с разной степенью тяжести протекания болезни, переболевшие, скончавшиеся; доноры, участники исследования вакцины, вакцинированные. За проанализированный временной период дискурс, связанный с заболеваемостью, претерпевает как минимум два поворотных момента: переход от небольшого количества случаев к детализированной с точки зрения возраста статистике и от детализированной статистики к общему количеству заболевших с акцентом на количестве тяжёлых случаев болезни. Вторая группа категорий горожан включает в себя принадлежность к определённым социальным группам, например возрастной когорте, социально уязвимым группам, работникам (в целом и отдельных отраслей), школьникам и студентам, пользователям сервисов, пассажирам общественного транспорта. Горожане рассматриваются городскими властями как важные агенты, участвующие в борьбе с пандемией. Их агентность дискурсивно производится как результат взаимодействия их самих и городских властей. Горожане, следующие установленным властями правилам, обретают агентность, не следующие – лишаются её за счёт редкого упоминания или умолчания.

Ключевые слова: дискурс, COVID-19, вирус, город, горожане, городские власти

Вирусы недоступны непосредственному восприятию человека – их нельзя увидеть, потрогать, почувствовать на вкус или запах. В обычной жизни человек, как правило, ощущает не встречу с вирусом, но её последствия – симптомы, связанные с нахождением вируса в организме. Отношения человека с вирусом как с эмпирически недоступным объектом не являются чем-то исключительным. Во многом они похожи на отношения с другими невидимыми рисками, характерными для современного мира [2], – например с радиацией, которая также неощутима в момент столкновения, но обнаруживает себя в последствиях.

В своей книге «Политики невидимости. Публичное знание о воздействии радиации на здоровье после чернобыльской аварии» Ольга Кучинская [17] отмечает, что в случае неспособности человека самостоятельно ощутить какой-либо жизненно важный феномен, его идентификация и отношения с ним становятся компетенцией экспертов: учёных, медиков, властей, медиа-профессионалов, активистов, а также «не-человеков» – специальных технических средств, таких как измерительные приборы и различного рода тесты. Именно эксперты создают

языки, позволяющие говорить о неощутимых феноменах и обсуждать их публично. Это могут быть языки научных теорий, властные дискурсы, включая канцелярит и статистику, различного рода визуализации (фотографии, схемы, карты). Таким образом, при всей своей неощутимости и невидимости вирусы, радиация или их аналоги становятся «высокомедиатизированными» (highly mediated) объектами [17]. Это означает, что их существование и столкновение с человеком делается заметным благодаря дискурсивной работе множества экспертов-посредников, облакающих их в слова и образы, которые транслируются на самых разных медийных платформах. Постепенно они становятся частью обыденного языка, который не только абсорбирует их, но и создаёт дополнительные интерпретации или вовсе меняет изначальные смыслы на противоположные.

Определённо эпидемия и тем более пандемия в современном обществе – это высокомедиатизированное событие. Его образ создаётся экспертами-посредниками, производимыми ими дискурсами, платформами, различными публикациями и другими элементами. При этом сочетания этих разнородных элементов не являются стабильными и постоянно пересобираются. Дискурсы влияют друг на друга, а образующие их словари заимствуются и обогащаются различными агентами. Несмотря на важность агентности высказывания – идентификации «кто говорит что» она нечасто становится предметом исследования. Значительное число российских и международных статей сегодня сосредоточены на рассмотрении платформ, на которых производится высказывание [5; 9; 25], а не на его производителях. Однако внимание к агентам важно в силу, во-первых, их разного права на номинацию [3] – различия в праве высказывать суждения и приписываемой им ценности, а во-вторых, характерного для современного медиа-ландшафта плотного соединения агентов и платформ – создания самими разными пользователями собственных медиа, таких как авторские сайты, блоги, аккаунты.

Анализ российских и зарубежных текстов, посвящённых эпидемии SARS в 2002–2004 гг. и пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., позволяет выделить агентов, включая медиков, политиков различного уровня, журналистов, которые своими высказываниями создают язык говорения о вирусе и задают символические координаты его восприятия. Создаваемые ими дискурсы нередко конкурируют между собой. Так, Петер Баер в исследовании эпидемии SARS в Гонконге в начале 2000-х гг. отмечает, что горожане гораздо выше оценивали журналистские репортажи и высказывания по сравнению с информацией, предоставляемой властями [12]. В 2020-х гг. происходит демократизация дискурсивного производства – резко возрастает значение дискурса, производимого обывателями в социальных сетях и на других доступных онлайн-площадках [6]. Усиление роли обывателя одновременно ослабляет значимость других дискурсов и/или ставит их под сомнение.

Понимая всю множественность, неоднородность и конкурентность дискурсивного производства в период эпидемий, в этой статье мы обратимся к дискурсу, производимому от имени московских город-

ских властей, а именно Мэра Москвы С. С. Собянина. Мы считаем, что обращение к властному дискурсу необходимо, поскольку, во-первых, он играет огромную роль в самом начале пандемии и отчасти сохраняет своё влияние в дальнейшем благодаря «эффекту эха». Тесно связанный с дискурсами медиков и учёных, которые владеют необходимым категориальным аппаратом и стремительно наращивают его в соответствии с изменением ситуации, властный дискурс изначально во многом задаёт рамку восприятия ситуации, создавая неологизмы (например, «самоизоляция», «режим повышенной готовности») или наделяя новым значением уже существующие категории (QR-коды, электронные пропуска и пр.). Дискурс обывателей основан на личном опыте или опыте близких, поэтому его значение усиливается по мере развития пандемии, когда болезнь становится пережитым опытом или частью близкого мира. Во-вторых, наше внимание к властному дискурсу продиктовано его влиятельностью и возможностью преобразовываться в конкретные решения, затрагивающие жизнь миллионов людей. При всей важности других дискурсов их влияние более ограничено.

Методология исследования

Данное исследование дискурса, производимого городскими властями в связи с пандемией COVID-19, основано на изучении двух источников – официального сайта Мэра Москвы¹ и его личного блога². В первом случае мы анализировали новости, объединённые темой «коронавирус», за период с 3 марта 2020 г. по 28 января 2022 г. Общее количество новостей составило 2071. Во втором случае анализировались записи из блога Сергея Собянина на тему «коронавирус», опубликованные с 28 января 2020 г. по 18 января 2022 г. Общее количество записей – 109. При обработке данных нами был использован тематический анализ [13].

Оба рассматриваемых источника совпадают по тематике транслируемых сообщений, однако отличаются по персонификации и модальности высказывания. В своём блоге мэр говорит от первого лица, использует адресные обращения, такие как «друзья» или «москвичи». Информация в блоге более эмоционально насыщена, а сообщения более развёрнуты по сравнению с короткими текстами новостей. В своих сообщениях мэр, как правило, коротко информировал москвичей о принимаемых мерах, уделяя большее внимание аргументации принимаемых решений – объяснению их необходимости. В отличие от блога мэра, новостной портал транслировал общую картину происходящего, информировал о действиях городских властей, а также предоставлял инструкции, под-

¹ Коронавирус: статистика, полная официальная информация и последние новости [электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/> (дата обращения: 28.01.2022).

² Поиск по тегу «Коронавирус» [электронный ресурс] // Сайт Сергея Собянина. URL: <https://www.sobyanin.ru/tag/Коронавирус> (дата обращения: 28.01.2022).

робно объясняя, что стоит делать в определённых ситуациях – например, как получить дополнительную информацию о коронавирусе, пользоваться различными цифровыми сервисами или пройти вакцинацию.

Обращаясь к дискурсу, формируемому от имени мэра, мы полагаем, что он тесно связан с реализуемыми городскими политиками, артикулирует и легитимирует их. В центре нашего внимания были дискурсивно создаваемые агенты городской жизни и отношение городских властей к ним, а также отношения между ними в период пандемии COVID-19. Рассмотрение городской жизни с позиции концепта агентности даёт возможность идентифицировать ключевых городских игроков (как человеческих, так и нечеловеческих – вирусов, технологий, материальностей), с которыми выстраивается взаимодействие, а также определить зоны умолчания и непризнания. В перспективе представляется интересным сравнить полученные результаты с тем, как горожане рассматривались в допандемийном властном дискурсе, и определить, привела ли пандемия как масштабная социальная трансформация к изменению восприятия их роли в городской жизни.

Человеческие и нечеловеческие агенты властного дискурса

Во властном дискурсе, связанном с эпидемиями в целом и с COVID-19 в частности, способностью действовать наделяется множество человеческих (т. е. людей) и не-человеческих агентов (всего, что людьми не является). Например, это могут быть вирусы [19] и живые организмы [16; 20], материальности, включая воздух [14], предметы, поверхности и организация пространства [10; 24] и многое другое. Признание важности роли нелюдей в социальной жизни, их взаимозависимых отношений с человеческими агентами является значимым пунктом современных исследований дискурса и города [1; 23].

Ключевым агентом дискурса о COVID-19 является сам вирус как угроза, способная самостоятельно распространяться благодаря людям, материальностям, собственным свойствам, и на предотвращение которой направлены действия городских властей и горожан. Все прочие агенты находятся в смысловой связи с ним и не существуют самостоятельно. В частности, мы выделяем следующие категории агентов, присутствующих в дискурсивном поле: представители власти; горожане; агенты, связанные с лечением коронавируса (медицинские работники и технологии), и агенты, связанные с жизнью города в период пандемии (городские инфраструктуры; организации и компании, работодатели; система образования). Далее мы остановимся подробнее на каждой категории, особое внимание уделив горожанам. Наше внимание к горожанам связано с двойственностью их позиционирования. С одной стороны, они являются объектами управления и вынуждены подчиняться решениям властей.

С другой стороны, они выступают самостоятельными агентами, которые обладают собственными интересами и могут оказывать влияние на действия властей через открытый протест или повседневное сопротивление.

Дискурс, производимый от имени Мэра Москвы на двух рассматриваемых платформах, достаточно чётко обозначает городские власти как важного агента пандемии. Вполне ожидаемо, что на официальном сайте Мэра Москвы и в собственном блоге Сергей Собянин выступает агентом, который играет одну из важнейших ролей: он сообщает о подписанных им указах, разъясняет принятые меры, даёт комментарии относительно динамики распространения коронавируса и других вопросов, с ним связанных (например, темпах вакцинации). Второй по значимости фигурой является заместитель Мэра Москвы по вопросам социального развития Анастасия Ракова. Другие члены Правительства Москвы фигурировали гораздо реже и преимущественно в связи с вопросами, находящимися в сфере их компетенции. Наряду с персонифицированными агентами, в дискурсе присутствуют и структурные объединения – департаменты, работа которых связана с урегулированием сложившейся ситуации, например, Департамент здравоохранения города Москвы. Федеральная власть в дискурсе Мэра Москвы находится на втором плане и ограничивается упоминанием Президента и Председателя Правительства РФ в связи с совещаниями, в которых участвует Сергей Собянин.

Дискурс властей не замыкается на них самих. В нём присутствуют и другие агенты – прежде всего те, кто активно противостоит COVID-19, а именно медицинские работники. В основном на рассматриваемых платформах упоминались врачи, но фигурировал и младший медицинский персонал. Как правило, медики деперсонифицированы, однако в некоторых новостях отмечались конкретные специалисты (например, главврачи и заведующие отделениями в московских больницах), которые выступали в роли экспертов, давали комментарии и пояснения по различным темам. В случае Москвы, в отличие от других городов мира [21], медики упоминаются как профессионалы, выполняющие свои профессиональные функции – лечение людей, но не как участники различных городских комиссий или консультационных советов. Фактически, признавая их экспертами, мэр дискурсивно не инкорпорирует их в принятие решений, принимая на себя и других представителей власти всю полноту ответственности.

Дискурсивно и медики, и городские власти связываются с технологическими и материальными объектами – ещё одним агентом, задействованным в оказании медицинской помощи. Городские власти рассматривали технологизацию медицинской помощи в период пандемии как один из важнейших способов борьбы с болезнью, что соответствует общей техноцентристской направленности городской политики, в которой технологиям делегируется множество городских функций, преимущественно социального контроля (камеры видеонаблюдения, система распознавания лиц) и регулирования городских процессов [6]. В новостях и блоге мэра

большое внимание уделялось в этот период больницам, госпиталям, обсерваторам, где проходили лечение пациенты с подтверждённым диагнозом. Особенно актуальной эта тема была в первые месяцы борьбы с коронавирусом, когда медицинские учреждения активно строились и перепрофилировались. Постепенно отдельные инфраструктурные объекты и технологии, упоминавшиеся и в новостях, и в блоге, соединяются в самостоятельные масштабные инфраструктуры. От имени мэра им делегируется ответственность за обнаружение и лечение болезни, превращая их тем самым во влиятельных агентов городской жизни.

Важное место в «материально-технологическом» дискурсе занимают «контактные» и «бесконтактные» инфраструктуры и технологии. Медицинские лаборатории, центры компьютерной томографии, медицинское оборудование для лечения больных коронавирусом, ПЦР-тестирование, экспресс-тестирование и особенно вакцина подразумевают непосредственное взаимодействие с больными. «Бесконтактные» инфраструктуры и технологии, такие как горячая линия по вопросам коронавируса, служба телемедицинской помощи, горячая линия комплекса социального развития, горячая линия для доноров плазмы, онлайн-запись на вакцинацию, смс-оповещения о результатах ПЦР-тестов, основаны на технологической медиации и дистанции, за счёт которых увеличивались информирование населения и охват его медицинской помощью. На обоих изученных сайтах признаётся задействование технологий для контроля перемещений горожан, представляющих собой, по мнению властей, основной фактор распространения инфекции, таких как: цифровые пропуска для владельцев автомобилей и пользователей общественного транспорта, система видеонаблюдения и мобильное приложение «Социальный мониторинг» для контроля за передвижением горожан, QR-коды для вакцинированных и людей с отрицательным ПЦР-тестом. При всём радикальном влиянии такого контроля на городскую жизнь, особенно в сфере массовых перемещений и ограничений мобильности, именно о нём горожане скорее просто информировались, нежели получали развёрнутые пояснения. Как отмечал С. Собянин: *«Заказать пропуск [для перемещения] на портале MOS.RU должно быть не сложнее, чем оформить покупку в интернет-магазине»* (из блога Сергея Собянина, 11.04.2020). Отсутствие пояснений на рассмотренных сайтах не означает их отсутствия в других источниках, однако очевидна легитимация происходящего за счёт связки новых форм с уже устоявшимися повседневными практиками и городскими структурами.

Последняя группа обнаруженных нами агентов городской жизни достаточно разнообразна и связана с жизнью города в период пандемии. К их числу относятся городские инфраструктуры, такие как система жилищно-коммунального хозяйства, в сферу работы которой входила дезинфекция, особенно важная на начальных этапах, а также общественный транспорт, который в период ограничений продолжал безостановочно работать и, помимо прочего, принял на себя функции информирования

москвичей о новых санитарно-гигиенических правилах и контроля за их исполнением. Обе инфраструктуры играли заметную роль в основном в первые месяцы борьбы с коронавирусом.

Другая сфера жизни города, которая фигурирует в дискурсе Мэра Москвы, – работа различных компаний и организаций. В первую очередь они упоминаются в контексте прекращения/возобновления работы. В качестве агентов в данном случае выступали работодатели, которые, например, обеспечивали переход на удалённую работу, ПЦР-тестирование и вакцинацию для сотрудников, а также соблюдение новых санитарно-гигиенических норм на рабочем месте. Кроме того, бизнес фигурировал и как получатель поддержки в ситуации негативных последствий режима самоизоляции. Ещё одна сфера жизни города, которая явно присутствовала в дискурсе – система образования, включающая в себя детские сады, школы, колледжи и высшие учебные заведения. Эти агенты упоминались в связи с мерами по борьбе с коронавирусом, остановкой/возобновлением их работы, переходом на дистанционное обучение или возвращением в офлайн.

В целом, можно утверждать, что и в новостях, и в своём блоге Мэр Москвы обозначил несколько основных категорий агентов, включённых в борьбу с пандемией. Особенностью такого обозначения является подчеркнутое внимание к деперсонифицированным структурным агентам – технологиям и инфраструктурам (больницам, центрам тестирования и пр.). Человеческие агенты рассматривались как обобщённые категории и значимые функции, а их персонификация – название имён или должностей – достаточно редка и относилась только к представителям власти или медицинским экспертам.

Категории горожан

Властный дискурс использует преимущественно обобщающие категории для обозначения горожан, такие как «москвичи», «горожане», «жители», «друзья» (последнее характерно для блога С. Собянина). Создание и использование обобщённых категорий – неотъемлемая часть практик управления, в том числе и городского [7; 8; 15]. Посредством категоризации властями создаются городские субъекты и выстраиваются отношения с ними. И в новостях, и в блоге С. Собянина городское сообщество наделялось общей моральной (целиком) и легальной (выборочно) ответственностью за противостояние коронавирусу. Однако даже обобщающие категории обозначают разные способы взаимодействия горожан и властей. «Друзья» — те, с кем власть выстраивает кооперацию и реализует совместные задачи, разделяя ответственность за происходящее, в отличие от «граждан», которыми она управляет и принуждает к определённым действиям.

Кроме общих категорий, создавались и новые, специфические для пандемии. Именно они представляют для нас интерес, поскольку ещё больше проявляют разнообразие горожан как агентов, а значит,

и направленные на них действия властей. Мы выделяем две группы подобных категорий – связанные с заболеванием и с социальной группой, к которой принадлежат горожане. Важно отметить, что они не являются взаимоисключающими и в дискурсе присутствуют различные комбинации категорий из этих групп.

Поворотные моменты

Одна из особенностей властного дискурса в период пандемии – ежедневные новости о распространении вируса. Динамичность освещения пандемии, её фактическое разворачивание в режиме онлайн впервые в истории [11] оказывает влияние на публичный дискурс: меняются не только освещаемые темы, но и принципы освещения, что отчётливо видно при рассмотрении образа горожан. За изученный период можно выделить как минимум два принципиальных изменения категоризации горожан во властном дискурсе. В первый месяц пандемии, в марте 2020 г., когда количество заболевших было единичным, предпринимались попытки отследить цепочки заболеваний. В это время в дискурсе возникли категории, выделенные на основании прибытия из определённых стран, которые описывались как «страны с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией», а также на основании прилёта в Москву конкретными рейсами, среди пассажиров которых были обнаружены заболевшие коронавирусом. Поскольку случаи коронавируса были единичными, иногда заболевшие описывались достаточно подробно – в категориях гендера, возрастной группы (ребёнок, подросток, несовершеннолетний; возраст для взрослых), источника заболевания (в частности, прибытия из других стран), контактов с другими людьми, тяжести заболевания, места лечения. При этом не все из перечисленных характеристик упоминались в новостях одновременно. В этот же период происходит детализация летальных случаев, в частности, упоминаются больницы, где лечились пациенты, и наличие у них хронических заболеваний.

После значительного увеличения количества выявленных случаев коронавируса в апреле 2020 г. произошёл первый поворотный момент – дискурс приобрел характер статистики. Помимо общего количества случаев, в новостях фигурировало количество заболевших в каждой возрастной группе: 18–45 лет, 46–65 лет, старше 65 лет, старше 80 лет, отдельно упоминались дети. В этот период в ежедневных новостях периодически делался акцент на той или иной возрастной группе, среди которой был высокий процент заболеваний, например, «почти половина новых заболевших коронавирусом моложе 45 лет» (с официального сайта Мэра Москвы, 01.04.2020). Информации о летальных случаях в этот период нет.

Второй поворотный момент, в январе 2021 г., был связан с переходом от детализированной статистики к общему количеству новых случаев и появлению акцента на более тяжёлых случаях течения болезни.

В связи с этим вводятся три категории – госпитализированные, пациенты, подключённые к аппаратам искусственной вентиляции лёгких (ИВЛ), и скончавшиеся с подтверждённым диагнозом.

Категории горожан, связанные с коронавирусом

Пандемия COVID-19 создаёт новые основания для категоризации горожан. Одним из важнейших критериев становится отношение горожан и вируса, включая риски инфицирования и само заболевание COVID-19. В начале пандемии детализация касалась прежде всего людей «до болезни» – горожан, которые подозревались в заражении коронавирусом – контактировали с заболевшими или имели симптомы ОРВИ. По мере ухудшения эпидемиологической ситуации акцент стал делаться на заболевших коронавирусом с подтверждённым диагнозом. Категоризация заболевших заимствуется из медицинского дискурса и отражает разную тяжесть протекания заболевания: бессимптомные носители, лёгкая форма, состояние средней тяжести, тяжелобольные. К этой же группе относятся лечащиеся на дому, находящиеся на домашнем карантине и госпитализированные. Для госпитализированных показателем тяжести протекания заболевания становится технологический индикатор – подключение к аппаратам ИВЛ. Завершают эту группу категорий переболевшие коронавирусом. Отдельно стоит выделить категорию умерших от коронавируса, которая упоминается в обоих изучаемых источниках.

Категория горожан, находящихся в группе риска, является одной из наиболее устойчивых за весь период исследования. На протяжении всего изучаемого периода к ней дискурсивно относятся люди пожилые и имеющие хронические заболевания. Эти горожане часто упоминаются в связи с их уязвимостью перед коронавирусом и, как следствие, с мерами, направленными на сокращение рисков заражения. Например, эти категории упоминались в связке с соблюдением режима самоизоляции как способа предотвращения заражения, а также были одними из первых категорий горожан, для которых стала доступна вакцинация. Эта группа горожан постоянно балансирует на грани агентности: с одной стороны, от горожан, находящихся в группе риска, требуются определённые действия, чем признаётся их агентность, с другой – они выступают объектом контроля и заботы, задача которого – принимать направленные на него действия.

Категоризация горожан, основанная на отношениях с коронавирусом, была бы неполной без упоминания группы, условно обозначенной нами как «горожане как ресурс», и отличается от ранее упоминавшихся категорий горожан как объектов диагностики или лечения. Категория «горожане как ресурс» связана преимущественно с «органической помощью» – использованием определённых ресурсов человеческого организма как источника помощи в лечении и предотвращении заболевания. В неё входят москвичи, переболевшие коронавирусом и ставшие доно-

рами плазмы, а также добровольцы, участвовавшие в исследовании вакцины от коронавируса. После декабря 2020 г., когда вакцина стала доступна для всех горожан, категория «вакцинированные» становится одной из самых устойчивых.

Социальные категории горожан

Возраст с самого начала пандемии COVID-19 был одним из наиболее значимых оснований категоризации людей в разных странах мира¹. В этом случае Москва не является исключением. Выделение возрастных групп в публичном дискурсе связано со стремлением властей целенаправленно информировать отдельные группы горожан о рисках и случаях заражений, а также оправдывать ограничительные меры, вводимые в городе, например блокировку социальных карт, существенно ограничивающую перемещения по городу.

И в блоге Мэра Москвы, и в новостных сообщениях использовались две классификации по возрасту: более обыденная, включающая выделение молодёжи, людей среднего возраста и пожилых (при объединении двух первых групп с помощью категории «трудоспособное население»), и более официальная, или статистическая, подразумевающая разделение на конкретные возрастные промежутки для демонстрации картины заболеваемости. В случае обыденной классификации дети как особая группа горожан упоминалась реже по сравнению с остальными.

Одна из важнейших категорий горожан, которая активно задействуется во властном дискурсе, – это работники. В первые месяцы пандемии, в период самоизоляции, на государственном и городском уровне происходило разделение на сферы занятости: те, которые являются ключевыми для поддержания жизни города, и те, работа которых могла быть приостановлена или переведена в дистанционный формат. После ослабления режима самоизоляции появились категории сотрудников, которые выходят на работу в первую очередь. Характеристики занятости и профессиональная принадлежность горожан приобрели новое значение с началом вакцинации. Изначально вакцинирование было доступно только определённым профессиональным группам – тем, кто в большей степени контактирует с другими людьми. Одними из первых возможность сделать прививку получили сотрудники медицинских и образовательных учреждений, городских социальных служб, сферы торговли, центров госуслуг и учреждений культуры. В данном случае отчётливо

¹ Уже в январе 2020 г., когда COVID-19 еще не получил большого распространения в мире, принадлежность к определённым возрастным группам была выделена как потенциально важный фактор риска. См., например: IHR Emergency Committee for Pneumonia due to the Novel Coronavirus 2019-nCoV transcript of a press briefing – 22 January 2020 [электронный ресурс] // World Health Organisation. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/transcripts/ihr-emergency-committee-for-pneumonia-due-to-the-novel-coronavirus-2019-ncov-press-briefing-transcript-22012020.pdf?sfvrsn=b94d86d9_2 (дата обращения: 30.01.2021).

проявляется пересечение различных категоризаций, которые выстраиваются по отношению как к риску заражения, так и к системе более общих социальных координат – профессиональных, характеристик занятости и многих других.

Другие категории горожан, упоминаемые и в новостях, и в блоге С. Собянина, относятся к сферам, находящимся в ведении городских властей, – транспорту, образованию, социальной защите. В первые месяцы пандемии, в период действия наиболее жёстких ограничений на перемещения по городу и в новостях, и в блоге С. Собянина особое внимание уделялось категориям «мобильных горожан». Управление мобильностью рассматривается как один из важнейших инструментов регуляции заболеваемости коронавирусом, а её ограничение городскими властями, даже с помощью предельно жёстких мер – введения цифровых пропусков, штрафов, цифрового контроля аргументируется и оправдывается.

Мобильность предполагает разную категоризацию горожан: вышедших на улицу пешеходов, велосипедистов или водителей личного транспорта, пользователей общественного транспорта, а также всевозможных шеринговых систем. Категоризация мобильности тесно связана с её массовостью. Так, индивидуальная мобильность – пешеходные прогулки или поездка в личном автомобиле, на велосипеде – изначально расценивается как более безопасная. Пользование общественным транспортом, означающее включение горожан в массовые потоки мобильности, с самого начала пандемии оценивается как один из основных городских рисков, меняющийся в соответствии с уровнем заболеваемости. Ни в одном из изучаемых источников нет упоминаний о структурной опасности системы общественного транспорта для горожан. Снижение рисков мобильности связывается городскими властями с ответственностью пользователей городских транспортных систем, но не с переустройством системы.

Мобильность также влияет на идентификацию других социальных групп, например образовательных, таких как школьники, студенты колледжей и вузов. Как и категория занятых, они упоминаются в контексте изменения формата деятельности – перехода на дистанционное образование. В отличие от многих категорий работников, учащиеся становятся объектом властного воздействия – их мобильность регулируют путём приостановки работы льготных проездных.

Власти признают, что пандемия изменила социальное и экономическое положение горожан. Однако это признание достаточно редко. И в новостях, и в блоге Мэра Москвы упоминались горожане, у которых сократились доходы: семьи с детьми; малообеспеченные семьи; получатели пособий по безработице/потерявшие работу; люди с инвалидностью; бездомные. Называя пострадавшие от пандемии группы, власти предпочли подчёркивать свою активность, говорить о принимаемых ими мерах, призванных снизить негативные последствия пандемии, оставляя пострадавшие группы как таковые на периферии внимания. Таким образом, риторически акцент с нуждающихся горожан переводился на эффективно действующие органы власти.

Борьба с коронавирусом обозначила не только группы горожан, нуждающихся в помощи, но и выступающих в качестве помощников. Немалое внимание и в новостных сообщениях, и в блоге Сергея Собянина уделялось волонтерам, работавшим в больницах и помогавшим при вакцинации, а также доставлявшим нуждающимся продукты и лекарства на дом.

Технологизация, описание плотной связи с техническими системами и инфраструктурами характерны не только для упоминавшихся ранее больших систем и городских структур. Отношения с технологиями являются основанием и для категоризации горожан, поскольку они фигурировали как пользователи сервисов, предоставляемых московскими властями. В частности, в новостях был сделан акцент на «технологически включённых» горожан, которые обращались на горячие линии по вопросам коронавируса и сдачи плазмы, пользовались услугами телемедицины, оставляли заявки на доставку продуктов и лекарств на дом, записывались через интернет-сервис на вакцинацию. Для подтверждения роли горожан как пользователей сервисов использовались количественные показатели, например количество обращений или доставленных продуктов. При этом в дискурсе практически не выявлены «технологически исключённые» горожане, которым недоступны цифровые сервисы и технологии [4]. Для мира городских новостей их как бы не существовало.

Агентность горожан во властном дискурсе

Вопрос о категоризации горожан связан с их агентностью – способностью действовать, которой их дискурсивно наделяют власти. Как мы отмечали, категоризация горожан властями подразумевает не только выделение определённых социальных групп и их символическое признание, но и их символическое устранение с публичной арены – за счёт редкого упоминания (как это происходит с детьми) или вовсе умолчания (как происходило с исключёнными из пользования цифровыми технологиями). Подобные дискурсивные приёмы традиционно используются как инструменты борьбы на публичных аренах [18; 22]. Исключение определённых социальных групп на одних публичных аренах в нынешних обстоятельствах – с множеством производителей дискурса и относительной множественностью арен – не означает, что они автоматически исключаются из публичного пространства. Не будучи упомянутыми городскими властями, они могут включаться в поле обсуждений журналистами, медиками, исследователями и другими производителями дискурса; отсутствуя на официальных сайтах, они могут появляться в социальных сетях или других онлайн-платформах.

Обращаясь к выделенным социальным категориям, заметим, что горожане охотно наделяются агентностью во властном дискурсе в случае, если они следуют установленным властями правилам и сценариям. В рассматриваемом случае: соблюдают режим самоизоляции, носят маски и перчатки, становятся донорами плазмы, проходят вакцинацию, участвуют в волонтерстве. Именно в этом качестве они упоми-

нались в рамках властного дискурса, с сообщениями, поддерживающими и поощряющими их действия. Но признание агентности той или иной категории сопровождалось не её описанием, но квантификацией – переводом в количественные показатели, например упоминание количества доноров и записавшихся на вакцинацию/вакцинированных. Примечательно, что нежелательное поведение, в основном отказ соблюдать режим самоизоляции или вакцинироваться, упоминался в редких случаях или не упоминался совсем. Горожане, не соблюдающие установленные правила, обычно не наделяются «негативной» агентностью – не представляются как сознательные вредители или намеренные источники проблем. Напротив, они деагентизируются – словесно лишаются способности самостоятельного действия или вовсе вытесняются за пределы человеческого мира, становясь, например, «звеном цепочки по распространению опасного вируса» (из блога Сергея Собянина, 16.06.2021).

Можно говорить не только о лишении горожан агентности, но и о варьировании её степени. Ньюансированность агентности особенно заметна в ситуации госпитализации и лечения. И в новостях, и блоге С. Собянина горожане выступают объектами заботы городских властей, обеспечивающих надлежащие условия диагностики и лечения коронавируса, а также активной помощи, оказываемой медицинскими работниками. Однако они могут способствовать своему выздоровлению или более лёгкому течению заболевания, заранее вакцинировавшись. Таким образом, в отдельных случаях агентность представлялась как поле взаимодействия горожан, городских властей, медиков и других значимых городских игроков.

К выводам

Пандемия коронавируса – это высокомедиализованное событие, сопровождавшееся интенсивным дискурсивным производством, в котором участвовало множество агентов. Дискурсивное производство является как конкурентным, так и комплементарным, когда различные агенты противостоят друг другу или, напротив, дополняют и усиливают производимые другими суждения. В данной статье мы обратились к дискурсу городских властей Москвы, который с самого начала пандемии задавал рамку восприятия ситуации и преобразовывался в управленческие решения, затрагивающие жизнь миллионов москвичей, артикулировал и легитимировал их.

Мы рассмотрели дискурсивное производство, осуществляемое в двух источниках – на официальном сайте Мэра Москвы С. Собянина и в его личном блоге. В центре нашего внимания было обозначение основных агентов городской жизни и отношений между ними, которое указывало на тех, с кем городские власти готовы сотрудничать, к чьим ресурсам готовы обращаться или против кого собираются выступать в ситуации пандемии.

В рассматриваемых официальных источниках упоминается широкий круг человеческих и нечеловеческих агентов, задействованных в противостоянии пандемии. В их число входят и сами городские власти,

и жители города, и профессионалы, занятые в определённых областях городской жизни: осуществляющие медицинскую помощь, организующие работу городского транспорта, жилищно-коммунального хозяйства. К «противостоящим пандемии» относится и широкая сеть нечеловеческих актантов – технологий, материальных объектов и инфраструктур. Причём нечеловеческим агентам нередко принадлежит значимая или даже решающая роль в борьбе с болезнью – тесты определяют её наличие, компьютерные томографы и нейросети обеспечивают качественную диагностику, а телемедицина – эффективное лечение.

В ходе исследования выявлено, что горожане дискурсивно рассматривались городскими властями как важные агенты, участвующие в борьбе с пандемией. Создаваемая и активно применяемая властями категоризация горожан, претерпевшая за 2020–2021 гг. два поворотных момента, строилась на множестве критериев. Основными из них были: отношение к болезни и с болезнью (например, контакт с заболевшими, тяжесть протекания заболевания, принадлежность к группе повышенного риска, статус вакцинации) и принадлежность к определённой социальной группе (выделяемой на основании возраста, сферы занятости, активности участия в городской мобильности, технологической включённости и т. д.).

Агентность дискурсивно производится как результат взаимодействия горожан и властей – горожане, следующие установленным властями правилам, обретают агентность, не следующие – лишаются её за счёт вытеснения из символического поля – редкого упоминания или умолчания. Важно, что горожане не были обозначены как негативные агенты – власть не рассматривала их как источник проблем или сознательного вреда, как противников в борьбе с коронавирусом. Гораздо более свойственна объективация горожан – дискурсивное описание их как объектов воздействия властей, профессионалов или элементов природных и технологических систем.

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / Пер. с фр.; под общ. ред. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города. Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: НЛЮ, 2021. С. 10–57.
5. Казун А. Д., Казун А. П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 284–306. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1754

6. Орлова Г., Моррис Дж. Пандемия в (без)умном городе: цифровые протезы и аффордансы московской самоизоляции // Сети города. Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: НЛО, 2021. С. 135–179.
7. Скотт Дж. Благими намерениями государства / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Универ. книга, 2005. 576 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 2018. 416 с.
9. Abbas A. H. Politicizing COVID-19 Vaccines in the Press: A Critical Discourse Analysis // International Journal for the Semiotics of Law-*Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021. Vol. 35. P. 1167–1185. DOI: 10.1007/s11196-021-09857-3
10. Angelo D., Britt K. M., Brown M. L., Camp S. L. Private Struggles in Public Spaces: Documenting COVID-19 Material Culture and Landscapes // *Journal of Contemporary Archaeology*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 154–184. DOI: 10.1558/jca.43379
11. Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic // *Cureus*. 2020. Vol. 12. No. 9. Art. e10453. DOI: 10.7759/cureus.10453
12. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS // *European Journal of Sociology*. 2005. Vol. 46. No. 2. P. 179–211. DOI: 10.1017/S000397560500007X
13. Braun V., Clarke V. Reflecting on Reflexive Thematic Analysis // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
14. Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S. Air Care: An ‘Aerography’ of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic // *Sociology of Health & Illness*. 2020. Vol. 42. No. 5. P. 972–986. DOI: 10.1111/1467-9566.13104
15. Dikec M. *Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy*. Malden: Wiley-Blackwell, 2007. 240 p. DOI: 10.1002/9780470712788
16. Kelly A. H., Keck F., Lynteris C. *The Anthropology of Epidemics*. London, New York: Routledge, 2019. 194 p. DOI: 10.4324/9780429461897
17. Kuchinskaya O. *The Politics of Invisibility: Public Knowledge about Radiation Health Effects after Chernobyl*. Cambridge: Mit Press, 2014. 264 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262027694.001.0001
18. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.
19. Lowe C. Viral Ethnography: Metaphors for Writing Life // *RCC Perspectives*. 2017. No. 1. P. 91–96. DOI: 10.5282/rcc/7779
20. McLeod C., Kershaw E. H., Nerlich B. Fearful Intimacies: COVID-19 and the Reshaping of Human–Microbial Relations // *Anthropology in Action*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 33–39. DOI: 10.3167/aia.2020.270205
21. Mohammed S., Peter E., Killackeya T., Maciver J. The “Nurse as Hero” Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 117. Art. 103887. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2021.103887

22. van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 172 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195323306.001.0001

23. van Loon J. A Contagious Living Fluid // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19. No. 5–6. P. 107–124. DOI: 10.1177/026327602761899174

24. Wald P. Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative. Durham: Duke University Press, 2008. 392 p. DOI: 10.1215/9780822390572

25. Yu H., Lu H., Hu J. A Corpus-based Critical Discourse Analysis of News Reports on the COVID-19 Pandemic in China and the UK // International Journal of English Linguistics. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 36–45. DOI: 10.5539/ijel.v11n2p36

Получено редакцией: 22.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багина Яна Александровна, независимый исследователь

Запорожец Оксана Николаевна, кандидат социологических наук,
доцент факультета городского и регионального развития

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Говорова Анастасия Дмитриевна, старший лаборант с высшим образованием
сектора исследования социальных изменений качественными методами,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857

EDN: LAGHSG

Confronting Pandemics: Human and Non-Human Agents in the Discourse of the Moscow Authorities on COVID-19¹

Yana A. Bagina

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: ybagina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4376-9288

Oksana N. Zaporozhets

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

E-mail: ozaporozhets@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7301-0128

Anastasia D. Govorova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nastena_govorova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6411-2202

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60535.

For citation: Bagina Y. A., Zaporozhets O. N., Govorova A. D. Confronting pandemics: human and non-human agents in the discourse of the Moscow authorities on COVID-19. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

Abstract. The article is devoted to the discourse of the Moscow city authorities regarding COVID-19. We believe that this discourse is closely connected with the implemented city policies, articulating and legitimising them. The empirical base of the study is news from the official website of the Mayor of Moscow and entries from the blog of the Mayor of Moscow Sergey Sobyenin. The article focuses on discursively created agents of urban life, the attitude of city authorities towards them and the relationship between them during the COVID-19 pandemic.

There are many human and non-human agents in the coronavirus discourse: government officials, townspeople, agents associated with the treatment of coronavirus (medical workers and technologies), and agents associated with the life of the city during the pandemic (infrastructure, organisations and companies, employers, education system). All of them are built around a key agent – the virus itself. Citizens as agents in power discourse are represented by a variety of categories that form two large overlapping groups. The first group is associated with the position of people regarding the disease: people with suspected coronavirus, who fell ill with varying degrees of severity of the disease, recovered, died; donors, vaccine study participants, vaccinated. Over the analysed time period, the discourse related to morbidity undergoes at least two turning points: the transition from a small number of cases to statistics disaggregated in terms of age, and from disaggregated statistics to the total number of cases with an emphasis on the number of severe cases of the disease. The second group of categories of citizens includes belonging to certain social groups, for example, an age cohort, socially vulnerable groups, workers (in general and in certain industries), schoolchildren and students, service users, public transport passengers.

Citizens are viewed by city officials as important agents involved in the fight against the pandemic. Their agency is discursively produced as a result of the interaction between themselves and the city authorities. Citizens who follow the authority rules gain agency, while those who do not follow them are deprived of it due to rare mention or omission.

Keywords: discourse, COVID-19, virus, city, citizens, city authorities

References

1. Amin A., Thrift N. *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe* [Cities: Reimagining the Urban]. Nizhniy Novgorod, Red Swallow, 2017: 224 (in Russ.).
2. Beck U. *Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Transl. from Germ. by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000: 384 (in Russ.).
3. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo i genезis "klassov"* [The Social Space and the Genesis of Groups]. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Transl. from French, ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1993: 336 (in Russ.).
4. Zaporozhets O., Lapina-Kratasyuk E. *Networked/Digital/Smart City: Frontispieces and Backyards. Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Ed. by E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Voz'yanov. Moscow, NLO, 2021: 10–57 (in Russ.).
5. Kazun A. D., Kazun A. P. *Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 6: 284–306 (in Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1754
6. Orlova G., Morris J. *Pandemic in a (Not So) Smart City: Digital Prostheses and Affordances of Moscow Self-Isolation. Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Ed. by E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Voz'yanov. Moscow, NLO, 2021: 135–179 (in Russ.).
7. Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing Like a State]. Transl. from Eng. by E. N. Gusinskiy, Yu. I. Turchaninova. Moscow, Univer. kniga, 2005: 576 (in Russ.).
8. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [To Watch and Punish. Birth of a Prison]. Transl. from French by V. Naumov. Moscow, Ad Marginem, 2018: 416 (in Russ.).
9. Abbas A. H. *Politicizing COVID-19 Vaccines in the Press: A Critical Discourse Analysis. International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2021: 35: 1167–1185. DOI: 10.1007/s11196-021-09857-3

10. Angelo D., Britt K. M., Brown M. L., Camp S. L. Private Struggles in Public Spaces: Documenting COVID-19 Material Culture and Landscapes. *Journal of Contemporary Archaeology*, 2021: 8: 1: 154–184. DOI: 10.1558/jca.43379
11. Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic. *Cureus*, 2020: 12(9): e10453. DOI: 10.7759/cureus.10453
12. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS. *European Journal of Sociology*, 2005: 46: 2: 179–211. DOI: 10.1017/S000397560500007X
13. Braun V., Clarke V. Reflecting on Reflexive Thematic Analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 2019: 11: 4: 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
14. Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S. Air Care: An ‘Aerography’ of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic. *Sociology of Health & Illness*, 2020: 42: 5: 972–986. DOI: 10.1111/1467-9566.13104
15. Dikec M. *Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy*. Malden, Wiley-Blackwell, 2007: 240. DOI: 10.1002/9780470712788
16. Kelly A. H., Keck F., Lynteris C. *The Anthropology of Epidemics*. London, New York, Routledge, 2019: 194. DOI: 10.4324/9780429461897
17. Kuchinskaya O. *The Politics of Invisibility: Public Knowledge about Radiation Health Effects after Chernobyl*. Cambridge, Mit Press, 2014: 264. DOI: 10.7551/mitpress/9780262027694.001.0001
18. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London, Verso, 2001: 240.
19. Lowe C. Viral Ethnography: Metaphors for Writing Life. *RCC Perspectives*, 2017: 1: 91–96. DOI: 10.5282/rcc/7779
20. McLeod C., Kershaw E. H., Nerlich B. Fearful Intimacies: COVID-19 and the Reshaping of Human–Microbial Relations. *Anthropology in Action*, 2020: 27: 2: 33–39. DOI: 10.3167/aia.2020.270205
21. Mohammed S., Peter E., Killackey T., Maciver J. The “Nurse as Hero” Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis. *International Journal of Nursing Studies*, 2021: 117: 103887. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2021.103887
22. van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2008: 172. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195323306.001.0001
23. van Loon J. A Contagious Living Fluid. *Theory, Culture & Society*, 2002: 19: 5–6: 107–124. DOI: 10.1177/026327602761899174
24. Wald P. *Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative*. Durham, Duke University Press, 2008: 392. DOI: 10.1215/9780822390572
25. Yu H., Lu H., Hu J. A Corpus-based Critical Discourse Analysis of News Reports on the COVID-19 Pandemic in China and the UK. *International Journal of English Linguistics*, 2021: 11: 2: 36–45. DOI: 10.5539/ijel.v11n2p36

The article was submitted on: August 22, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Yana A. Bagina, Independent Researcher

Oksana N. Zaporozhets, PhD, Associate Professor, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University “Higher School of Economics”

Anastasia D. Govorova, Senior Laboratory Assistant with a Higher Education, Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods, Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.858
EDN: IFIJPP

О применении методики “DAY AFTER RECALL” в измерении рейтингов радиовещания: опыт Республики Беларусь

цитирования: *Посталовский А. В.* О применении методики «DAY AFTER RECALL» в измерении рейтингов радиовещания: опыт Республики Беларусь // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 236–250. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.858; EDN: IFIJPP

For citation: Postalovsky A. V. On the application of the “DAY AFTER RECALL” methodology in measuring broadcasting ratings: the experience of the Republic of Belarus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 236–250. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.858; EDN: IFIJPP

Посталовский Александр Владимирович¹

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

postalnio@tut.by

AuthorID ПИНЦ: 1037681

Аннотация. Данная статья посвящена теоретико-методологическим аспектам исследовательской практики измерения рейтингов радиостанций методом DAY AFTER RECALL (DAR). Этот метод применяется национальным измерителем (компания ЗАО «МедиаИзмеритель») в Республике Беларусь. В статье содержательно раскрыты основания методологического инструментария DAR, анализируются эвристический потенциал, возможности и ограничения данного метода измерения медиарейтингов. Также в статье раскрывается содержание основных метрик (медиапоказателей), которые используются в медиапланировании, описывается механизм формирования выборочной совокупности, применяемой в таких исследованиях. Автором проведён реферативный анализ социально-демографического профиля аудитории белорусского радио, выделены рейтинговые показатели (доля аудитории) радиостанций, вещающих в Республике Беларусь. На основании анализа реализации проекта измерения рейтингов белорусских радиостанций автор формулируется аргументированные выводы о преимуществах и ограничениях методики DAR.

В результате проведённого сопоставления различных методик автор приходит к выводу, что условного универсального, совершенного способа измерения рейтингов радиовещания не существует, поскольку каждая из активно используемых методик имеет свои достоинства и ограничения. Поэтому автор полагает, что при выборе исследовательских методов в такого рода работах на первый план выходят, прежде всего, материальные и организационные возможности исследовательской компании. Данная статья может быть весьма интересна медиа-маркетологам с точки зрения ознакомления с опытом белорусских коллег. Поскольку, по некоторым сведениям, в Республике Беларусь радио в целом более популярно, чем в РФ, то, возможно, белорусский опыт в этом отношении может в чём-то быть более богатым.

Ключевые слова: социология, радио, рейтинги, медиаизмерения, DAY AFTER RECALL, радиостанции, аудитория

В современных условиях развития общества измерение рейтинга средств массовой информации выступает объективным индикатором востребованности и популярности среди целевой аудитории. Рейтинговый замер позволяет выявить степень информационного воздействия и сформировать прогнозную аналитику в отношении развития и дальнейшего функционирования различных сегментов национального информационного поля. В отличие от классического социологического замера востребованности практик медиапотребления, измерение рейтинга предполагает непрерывность и постоянство исследовательских наблюдений за аудиторией. Разовый социологический опрос в указанных контекстах не может отражать рейтинговый потенциал того или иного источника воспроизводства информационного контента. В данном случае актуально применение эффективных методик рейтинговых замеров для получения валидных и репрезентативных данных, отражающих уровень влияния конкретного источника воспроизводства информационного контента.

Особенности и специфика проведения медиаизмерений радиовещания выступают, как правило, предметной сферой маркетинговых исследований. Вместе с тем получение верифицированных результатов требует соблюдения методологических требований, предъявляемых к измерению аудитории. В данном случае исследовательский интерес вызывает практика применения методики DAY AFTER RECALL (DAR) в контексте фиксации национальным медиаизмерителем рейтинговых показателей радиовещания.

Теоретические основания социологического изучения радиовещания как сегмента национального информационного поля нашло отражение в работах О. В. Аверьянова [1], Е. А. Барановой [2], Д. В. Будкова [3], В. Ю. Карева [4], А. Л. Лебедевой [5], О. В. Терещенко [10], А. В. Шарикова [11] и других авторов. Эмпирические исследования радиовещания в Беларуси в разное время проводились Информационно-аналитическим центром (ИАЦ) при Администрации Президента Республики Беларусь [8], ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси [9], Центром социологических и политических исследований БГУ [7], АМГ-Консалт, являющимся в 2018–2019 годах единственным заказчиком измерений аудитории телевидения и радио в Республике Беларусь¹, ЧУП «ГЕВС МЕДИА»². Анализируя актуальную научную литературу в рамках проблематики данной статьи, необходимо выделить два направления исследовательского поиска:

1. Анализ сущностных характеристик и потенциала радиовещания в условиях трансформации информационного поля и общих процессов цифровизации общества.

¹ В «ГЕВС МЕДИА» назвали самые популярные радиостанции в Беларуси по результатам нового исследования [Электронный ресурс] // Маркетинг.Бай. URL: <https://marketing.by/analitika/v-gevs-media-nazvali-samye-populyarnye-radiostantsii-v-belarusi-po-rezultatam-novogo-issledovaniya/> (дата обращения: 05.10.2021).

² Результаты исследования популярности радиостанций в Беларуси (январь–июнь 2019 г.) [Электронный ресурс] // Amg-consult.by. URL: http://amg-consult.by/publication/radio_research_2019/ (дата обращения: 05.10.2021).

2. Собственно социологическая рефлексия по поводу эмпирических результатов исследований радио либо маркетинговая аналитика основных медиапоказателей радиостанций (Reach, AQH, Share и др.).

Тем не менее в настоящее время заметно малое количество исследовательских работ, посвящённых практике реализации конкретных методик, применяемых при измерении рейтинговых показателей радиовещания. В связи с чем актуализируется необходимость комплексного рассмотрения инструментария, посредством которого осуществляются медиаизмерения радиовещания. Методика DAR – методологический инструмент измерения медийных рейтингов, в рамках которого измеряется содержание прослушивания радио на основании воспоминания респондентом вчерашнего дня прослушивания с обязательной фиксацией 15-минутных интервалов (AQH). Указанная методика реализуется ЗАО «МедиаИзмеритель», который определён Министерством информации Республики Беларусь в качестве единого национального измерителя рейтингов телевидения и радио. Таким образом, в данной статье мы рассмотрим применение исследовательской практики реализации методики DAY AFTER RECALL (DAR) при проведении ежедневных (регулярных) массовых опросов населения Беларуси в отношении потребления радио-контента как сегмента национального информационного поля.

Содержание методологического инструментария (анкета) телефонного опроса сформировано на основании методики *Day-After-Recall (DAR)*, в рамках которой респонденту предлагается детально вспомнить вчерашний день прослушивания. Оператор (интервьюер) фиксирует 15-минутные временные интервалы AQH (Average Quarter Hour) слушания в отношении каждой прослушанной в течение вчерашнего дня радиостанции. На основании полученных эмпирических данных формируются рейтинговые показатели радиостанций.

Объём выборочной совокупности составляет 3750 респондентов в месяц. «Скользкая выборка» (необходимый объём для публикации данных) составляет 7500 интервью в двухмесячный период. Общее количество интервью, проводимых в течение календарного года, составляет 45 000 респондентов.

Выгрузка данных осуществляется по истечении двух месяцев радиоизмерения. Формирование базы данных в компании Инстар Аналитикс осуществляется по роллинговому принципу. То есть происходит ежемесячное обновление данных с учётом результатов, полученных в месяце, предшествующем дате выгрузки (например, 1-я выгрузка – данные за май-июнь, вторая выгрузка через месяц – данные за июнь-июль, третья выгрузка через месяц – данные за июль-август).

Репрезентативность выборочной совокупности обеспечивается за счёт соответствия фактических распределений по полу и возрастным группам эталонным значением этих характеристик в рамках каждой генеральной совокупности. По данному двумерному параметру выборка проходит процедуру взвешивания. В качестве эталонных значений используются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

При проведении опроса, если респондент не в состоянии вспомнить ни одного названия радиостанций, которые он слушал за последнюю неделю, то такой звонок выбраковывается и не попадает в итоговый результат. Если респондент указывает названия некоторых радиостанций, а по некоторым не может указать названия, но говорит, что слушал, то эта информация также выбраковывается.

При обработке данных дополнительно используются следующие правила:

- те респонденты, кто указал более 10 радиостанций из списка, выбраковываются и в итоговые данные не попадают;
- респонденты, у которых суммарная длительность прослушивания за день превышает 16 часов, выбраковываются и в итоговые данные не попадают;
- для тех респондентов, у кого окончание интервала прослушивания позже 6 часов утра, интервал автоматически обрезается до 6 утра, так как радиосутки в рамках данного исследования принимаются с 6 утра до 6 утра.

Структура инструментария (анкеты) включает в себя четыре группировки вопросов. **Первая группировка вопросов** выступает условным скрининговым этапом, в рамках которого оператор должен понять, подходит ли случайным образом отобранный методом дозвона по случайным комбинациям цифр (*Random Digit Dialing – RDD*) респондент для участия в исследовании (город, возраст).

Вторая группировка вопросов ориентирована на получении информации о прослушивании радио в течение недельного периода (последних семи дней – «Какие радиостанции Вы слушали в течение недели?»).

Третий этап предполагает фиксацию воспоминаний о вчерашнем дне прослушивания с точным фиксированием 15-минутных интервалов (оператор уточняет у респондента время прослушивания названной радиостанции, например станция «Х», время прослушивания – 9.00–10.30 – 6 временных интервалов АQH – 9.00.–9.15., 9.15.–9.30., 9.30–9.45., 9.45–10.00., 10.00–10.15, 10.15.-10.30) и условной разбивкой на 4 временных промежутка: 06:00–12:00 (утро) / 12:00–18:00 (день) / 18:00–00:00 (вечер) / 00:00–06:00 (ночь) («Какие радиостанции Вы слушали вчера утром?», «Какие радиостанции Вы слушали вчера днём?» и т. д.).

Четвёртый этап предполагает фиксацию таких показателей, как уровень образования, тип занятости, материальное положение и готовность участия в проекте радиоизмерений в дальнейшем (условный рекрутинг предполагаемой панели постоянных участников исследований радио).

Построение выборочной совокупности методики *Day-After-Recall (DAR)* включает в себя следующие этапы:

1-й этап – определение генеральной совокупности. *Генеральная совокупность* – городское население (Минск, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев) в возрасте (15–64) – 2 764 580 человек.

2-й этап – определение процентных квотных долей в генеральной совокупности по каждому городу в зависимости от численности населения (Минск – 1 414 420 человек или 51,2% генеральной совокупности, Брест – 237 790 или 8,6%, Витебск – 255 360 или 9,2%, Гомель – 357 210 или 13%, Гродно – 249 830 или 9%, Могилев – 249 970 или 9%).

3-й этап – расчет необходимого числа респондентов по каждому городскому населенному пункту в соответствии с долей (%) в выборочной совокупности [7, с. 116].

В таблице 1 представлен дизайн выборочной совокупности, используемый в национальном проекте измерения аудитории.

Таблица 1 (Table 1)

Дизайн выборочной совокупности измерения радиовещания
Broadcasting measurement sampling frame design

Город 250 тыс. +	Численность населения	15–64 года (корректировка = 70%)	% (доля в выборке)	Итог
Брест	339 700	237 790	8,6	645
Витебск	364 800	255 360	9,2	690
Гомель	510 300	357 210	13,0	975
Гродно	356 900	249 830	9,0	675
Могилёв	357 100	249 970	9,0	675
Минск	2 020 600	1 414 420	51,2	3840
Итог	3 949 400	2 764 580	100	7500

7500 респондентов – необходимое количество респондентов, которое опрашивается в двухмесячный период (125–135 телефонных звонков в сутки).

Вместе с тем необходимо учитывать, что объём выборочной совокупности в 7500 респондентов будет репрезентировать условный «республиканский рейтинг» радиостанций (столица и областные города). В рамках сформированного дизайна выборки (таблица 1) наиболее содержательные показатели востребованности (охваты) будут получать крупные радиостанции, осуществляющие вещание как в столице, так и в областных городах. Малые (региональные) радиостанции в двухмесячный период при рассчитанном количестве телефонных звонков в областные города (например, Брест – 645, Гомель – 975 (см. таблицу 1) не смогут участвовать в корректном распределении рейтинговых показателей ввиду малого количества телефонных звонков для обеспечения полного вероятностного случайного попадания в возрастные квоты. Показатели AQH (Average Quarter Hour) и Reach Daily могут отсутствовать в возрастных квотах небольших радиостанций ввиду того, что изначально на основании практического применения методики

Day-After-Recall в условиях случайной выборки (генеральная совокупность – городское население) из необходимого объема телефонных звонков по каждому городу в лучшем случае будут слушать радио вчера 28–30% респондентов. Соответственно, условных 210–220 результативных интервью двухмесячного периода данных будет недостаточно, чтобы получить корректные показатели по региональным радиостанциям.

В данном случае для обеспечения корректности и содержательности рейтинговых показателей необходимо либо увеличение выборочной совокупности (увеличение количества звонков в областных городах) либо увеличение роллингового периода (времени выгрузки данных). Увеличение роллинга будет способствовать условному накоплению результативных ответов и увеличит выборочную совокупность, при этом количество телефонных звонков в месяц будет сохраняться прежним. Так, необходимый объем выгрузки данных по городу Минску, учитывая количество радиостанций, осуществляющих в нем вещание, составит три месяца или 5760 респондентов (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Объем выборки по г. Минску (трехмесячный период выгрузки данных)

Sample size for Minsk (three-month data upload period)

Город	Итог (выгрузка 3 месяца)
Минск	5760 (1920 в месяц)
Итого	5760

В областных городах объем роллинга увеличивается до 6 месяцев (табл. 3). При этом необходимо учитывать, что взвешивание данных применяется к каждому периоду (роллингу) выгрузки данных отдельно взятого города. В контексте региональной выборочной совокупности должно формироваться 5 отдельных выборок – Universe каждого города (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Дизайн региональной выборки (шестимесячный период выгрузки данных)

Regional sampling design (six-month data download period)

Город 250 тыс. +	Итог (выгрузка 6 месяцев)
Брест	1935
Витебск	2070
Гомель	2925
Гродно	2025
Могилёв	2025
Итого	10 980

В этом контексте увеличение роллинга (срок выгрузки данных для радиостанций и рекламных агентств) позволяет увеличить выборку в областных городах, при этом общее количество звонков операторов остаётся на прежнем уровне – 3750 в месяц и 45000 в год.

Результатами измерения радиовещания выступают медиапоказатели, которые характеризуют аудиторию конкретной радиостанции и радио в целом. Основные медиапоказатели, используемые аналитическими структурами и рекламными компаниями в медиапланировании в отношении радиовещания:

AQH (Average Quarter Hour) – среднее количество слушателей в усредненном 15-минутном интервале, выраженное в тысячах человек либо процентах (000), (%);

Reach Daily – накопленное суточное количество слушателей радиостанции, выраженное в тысячах человек либо процентах (000), (%);

Reach Weekly – накопленное количество слушателей в течение недели, выраженное в тысячах человек либо процентах (000), (%);

Reach Monthly – накопленное количество слушателей в течение месяца, выраженное в тысячах человек либо процентах (000), (%);

Time Spent Listening Daily – суточная продолжительность прослушивания, это среднее время (в минутах), которое респондент из целевой аудитории тратит на прослушивание радиостанции в заданном интервале;

TSL Wly (Time Spent Listening weekly) – продолжительность прослушивания в течение недели, в минутах.

Affinity Index (Индекс профильности) – показатель выраженности рейтинга среди слушателей в целевой аудитории относительно слушателей в целевой базе.

AQH Share – доля слушателей определённой радиостанции среди всех слушателей радио.

Проведённый ЗАО «МедиаИзмеритель» пилотажный замер рейтинговых показателей радиовещания по методике Day-After-Recall (DAR) позволил выявить следующие особенности реализации указанного метода медиаизмерения. Основными недостатками методики DAR являются ориентация на память респондента (субъективный фактор), которая не во всех случаях способна воспроизвести точную картину радиопрослушивания и невозможность рассчитать показатели накопленного эксклюзивного охвата прослушивания, в частности показатели *Reach Weekly* и *Reach Cumulative Total Belarus* (накопленный охват белорусских радиостанций – это сумма слушателей любой из белорусских радиостанций, которые слушали хотя бы в один из анализируемых интервалов в рамках заданной целевой аудитории). Рассчитать данные показатели не представляется возможным, поскольку их можно получить только при условии функционирования панели, постоянные участники которой каждый день представляют информацию о прослушивании [6, с. 117].

В свою очередь, методика *Day-After-Recall (DAR)* предполагает исключительно однократный контакт с респондентом в течение роллингового периода (временной период выгрузки данных – два месяца). Кроме того, выборочной совокупностью настоящего проекта радиоизмерения является городское население (Минск, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилёв), которое может как слушать, так и не слушать радио (учитываются и те респонденты, которые не слушают радио с обязательной фиксацией их социально-демографических характеристик). Выборочной совокупностью панельной выборки являются исключительно слушатели радио, что в значительной степени расширяет возможности для развёрнутого фундаментального анализа аудиторных данных.

В рамках реализации проекта радиоизмерения в шестимесячный период (июль–декабрь 2021) были получены следующие эмпирические данные (см. рис. 1).

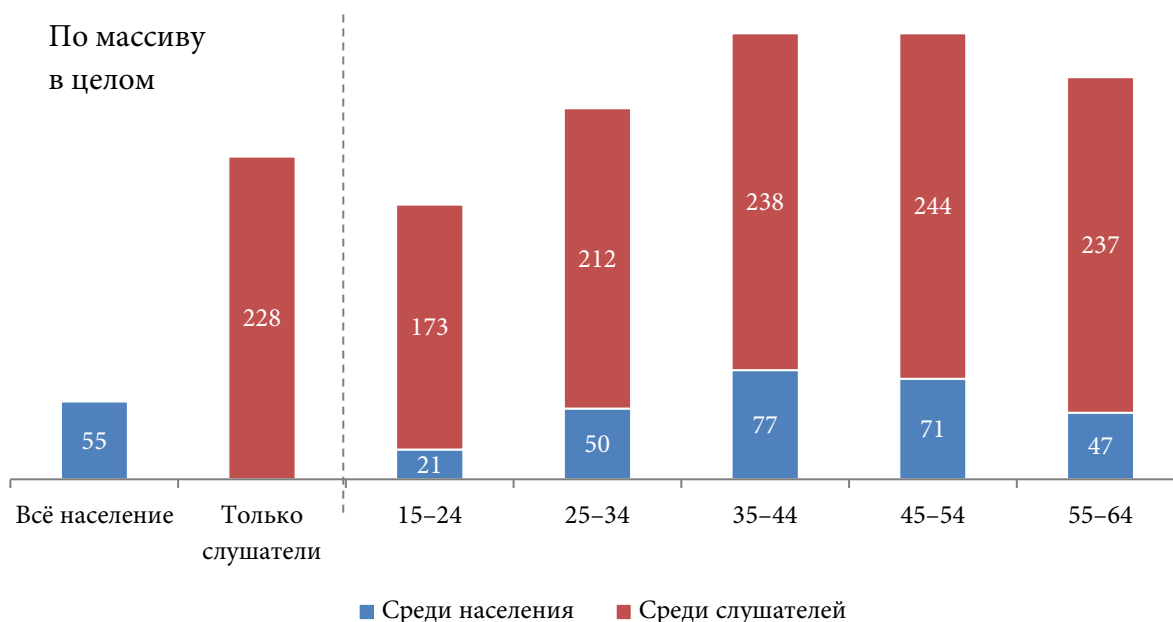

Рис. 1. Объём прослушивания радио (население в целом, аудитория радио), среднее время слушания, *AvAud (All)*, *AvAud (Listen)*, мин

Figure 1. Volume of radio listening (general population, radio audience)

Объём суточного прослушивания составляет 228 минут среди слушателей радио. Объём прослушивания рассчитывается исходя из метрики AQH (Average Quarter Hour), в которой минимальная единица прослушивания составляет 15 минут. Если рассматривать показатели в разрезе населения в целом (население может как слушать, так и не слушать радио), то общий объём суточного прослушивания составляет 55 минут.

На рис. 2 представлен социально-демографический профиль аудитории белорусского радио.

Согласно представленным на рис. 2 данным, распределение по половому признаку радиослушателей составляет 55% мужчин и 45% женщин. Радиослушателем, в свою очередь, является респондент, который слушал хотя бы один раз радио в течение недели. Данное распре-

деление является противоположным по отношению к социально-демографическому профилю аудитории телевидения, в которой большинство (57%) составляют как раз женщины.

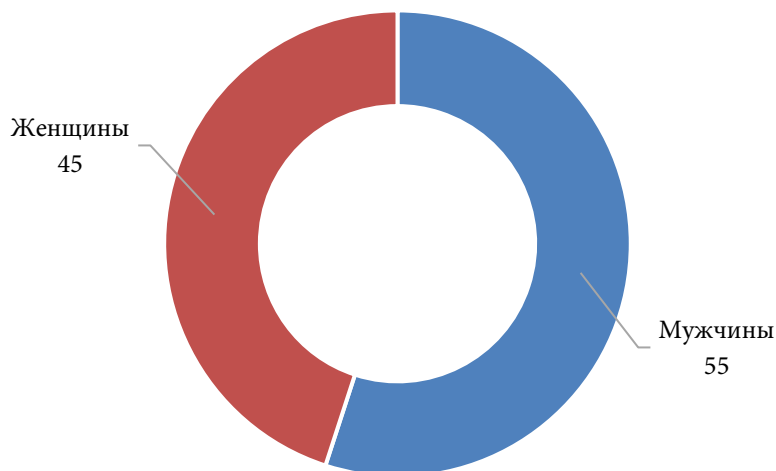

Рис. 2. Социально-демографический профиль белорусской аудитории радио, %
Figure 2. Socio-demographic profile of the Belarusian radio audience, %

Треть радиослушателей составляет возрастная группа в диапазоне 35–44 лет. С повышением возрастного диапазона количественные показатели аудитории радиослушателей снижаются (рис. 3). В указанных контекстах также необходимо отметить отличия от аудитории телевидения, в которой численность зрителей увеличивается прямо пропорционально увеличению возрастных интервалов. Условным «ядром» радиоаудитории является средний возраст слушателей.

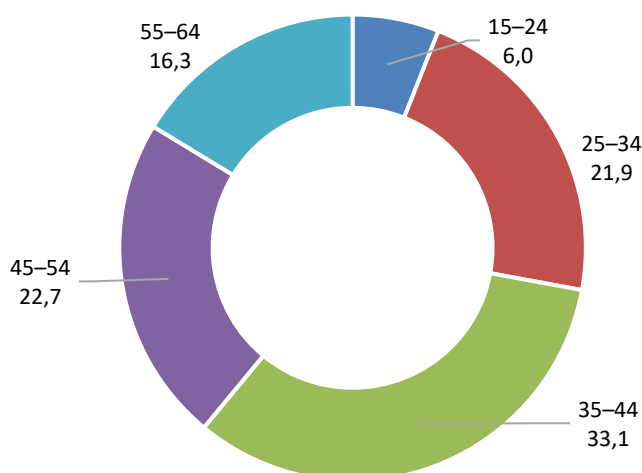

Рис. 3. Социально-демографический профиль белорусской аудитории радио в разрезе возрастных групп, %

Figure 3. Socio-demographic profile of the Belarusian radio audience by age groups, %

На рис. 4 представлены показатели доли радиостанций. Наиболее популярными радиостанциями в шестимесячном периоде радиозамера (показатели рассчитаны для всех радиостанций, участвующих в проекте измерения аудитории) являются Радио Рокс (11,6%), Радио Юнистар (11,2%), Новое радио (9,9%), Юмор FM (9,5%). Данные радиостанции являются республиканскими (охват вещания практически во всех областях Беларуси).

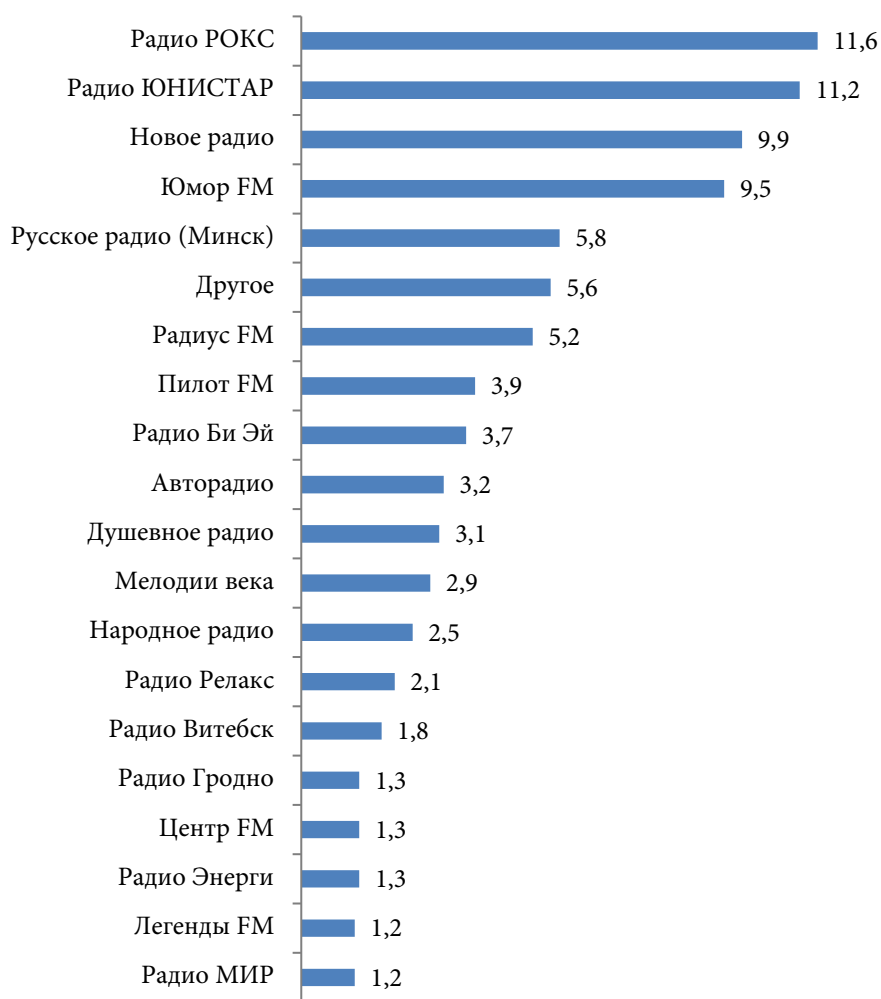

Рис. 4. Показатели доли радиостанций, %
 Figure 4. Indicators of the share of radio stations, %

Для содержательного понимания потенциала и методологических возможностей фиксации рейтинговых показателей радио необходимо рассмотрение актуальных подходов к медиаизмерению указанного сегмента национального информационного поля. Ниже мы приводим реферативный сравнительный анализ методик радиоизмерения, позволяющий оценить особенности и ограничения каждого из указанных методов.

Day after recall (DAR) без образования панельной выборки (генеральная совокупность – городское население) – регулярные массовые опросы городского населения на тему прослушивания радиоэфира. Указанная методика реализуется в настоящее время при измерении

аудитории радио. Является наиболее простым в плане организации методом радиоизмерения. Исследовательской компании нет необходимости проводить установочное исследование, что снижает издержки на реализацию проекта, построение выборки осуществляется на основании данных о численности населения городов Беларуси, взвешивание данных производится на основании данных Национального статистического комитета. Недостатком указанной методики является необходимость наличия значительных объёмов выборки для получения содержательных эмпирических данных – 7500 за два месяца для республиканского рейтинга, в идеале 22 500 – для получения данных для малых радиостанций. При этом нужно учитывать, что общая доля респондентов, реально слушавших радио вчера (основной вопрос методики), будет составлять 28–30% от общего числа респондентов.

Отдельные итоговые медиапоказатели по этому методу невозможно корректно рассчитать, в частности, Reach Weekly и Reach Mounth.

Day after recall (DAR) с образованием панели (генеральная совокупность – слушатели радио) – регулярные массовые опросы слушателей радио, объединённых в исследовательскую группу постоянных участников исследования (панель). Образование панельной выборки предполагает проведение установочного исследования (3500–5000 респондентов). Панельная выборка с сохранением методики DAR позволяет получить более точные данные, чем регулярные телефонные опросы значительного количества респондентов. Основная нагрузка на исследовательский Call-центр ложится во время проведения установочного исследования, непосредственно сама фиксация радиопрослушивания будет занимать значительно меньше времени (измерительную компанию интересует только вчерашний день прослушивания), чем классическое интервью (15–17 вопросов анкеты). Также в отличие от DAR без образования панели корректно будут рассчитываться медиапоказатели Reach Weekly и Reach Mounth. К недостаткам указанного метода необходимо отнести дополнительные затраты на установочное исследование (в том числе и сроки его проведения), а также затраты на мотивацию участия респондентов в панели. Кроме того, сам по себе принцип DAR предполагает ориентацию на память респондента о радиопрослушивании (субъективный фактор) в отличие от пассивных методов измерения аудитории.

«Метод общей оценки аудитории» и «Recency-Frequency». Методика соединяет в себе элементы количественного и качественного исследований, есть возможность адаптации под интересы конкретной радиостанции. Данная методика считается устаревшей, поскольку классический DAR более эффективен и точен в плане измерения медиарейтинга. При использовании данной методики используется значительный объём вопросов анкеты, что затрудняет коммуникацию с респондентом, формируются неточные данные, получаемые на основании памяти респондента.

DIARY («Дневниковая панель»), электронные дневники (приложения), бумажные дневники – фиксация радиопрослушивания посредством отражения респондентом своих практик слушания в недельных дневни-

ках с последующим предоставлением результатов в исследовательскую компанию. Для реализации указанной методики радиоизмерения необходимо установочное исследование (3500–5000 респондентов). К достоинствам дневниковой панели необходимо отнести возможность проведения качественного исследования аудитории (дополнительные вопросы о прослушивании радио), отсутствие необходимости иметь собственный Call-центр (администрирование панели могут осуществлять 2–3 специалиста), корректный расчёт суточных и недельных охватов. К недостаткам данной методики относятся более высокие затраты на содержание панели, чем при панели DAR, поскольку респондент сам заполняет дневник. В «дневниковой панели» явно выражен субъективный фактор заполнения данных, при DAR измеритель сам контролирует ход сбора информации, в «дневниковой панели» измеритель находится в зависимости от дисциплинированности участников исследования. Кроме того, очень часто возникают ситуации, когда респондент заполняет дневник не каждый день, а за день-два до даты передачи данных дневника в измеритель, фактически «рисую» показатели первых дней недельного прослушивания.

PPM (Portable People Meter) – фиксация измерения рейтинговых показателей радиовещания посредством портативных устройств – портативный переносной пиплметр (например, фитнес-браслет с программным обеспечением фиксации прослушивания посредством записи звуковых аудиосигнатур). Данный метод сбора эмпирической информации является пассивным методом радиоизмерения. Так же как и дневниковая панель, указанная методика требует обязательного проведения установочного исследования. Пассивное измерение обеспечивает высокую точность замеров рейтинга, полностью исключён субъективный фактор, поскольку эмпирическая информация фиксируется на основе считывания сигнала сигнатуры. Память человека о вчерашнем дне не используется. Само по себе использование данного метода предполагает переход на более высокий уровень измерений, ранее PPM не использовался масштабно в Республике Беларусь. К недостаткам указанной методики необходимо отнести высокую стоимость приборов (500–1000 у.е.), постоянную необходимость периодической починки приборов, высокие показатели утери либо выхода их из строя. В ряде случаев могут происходить технические сбои ввиду того, что пишется исключительно звук. Кроме того, возникает ситуация неосознанного выбора радиостанции – например, человек пришёл в кафе, где работает радио, но он не выбирал радиостанцию и фактически её не слушает, а прибор фиксирует звуковой ряд. Это может привести к пертурбации показателей.

Также в истории радиоизмерений использовался такой метод замера рейтинговых показателей радиостанций, как «метод синхронного телефонного исследования» [12, с. 30] Клода Хупера (проект Hooperatings). В рамках указанного исследовательского проекта телефонные звонки делались с 8:00 до 22:30 и респондентам задавались четыре вопроса:

- Вы слушали радио только что?
- Какую передачу Вы слушали?
- На какой станции выходила эта передача?
- Реклама каких товаров выходила в этой передаче? [12, с. 30]

Вместе с тем методика Day-After-Recall (DAR) позволяет проводить замеры рейтинговых показателей без обращения к панельной выборочной совокупности, формирование которой предполагает обязательное проведение установочного исследования (УИ) с целью выявления контрольных параметров, влияющих на выбор радиостанции для прослушивания, что, в свою очередь, приводит к увеличению стоимости исследовательских работ. Кроме того, при использовании DAR исследовательская компания в период сбора эмпирической информации (телефонный опрос) находится во взаимодействии с респондентом посредством прямого контакта.

В свою очередь, при использовании дневникового метода радиоизмерения (DIARY) получение информации (заполненный недельный дневник прослушивания) не предполагает ежедневного взаимодействия измерителя с участником исследования, вследствие чего дневник, как правило, заполняется не каждый день семидневного периода, а в заключительный день; респондент при этом вспоминает первые дни прослушивания. В данном случае степень воздействия субъективного фактора человеческой памяти повышается, поскольку участник исследования вспоминает не вчерашний день прослушивания, как в Day-After-Recall, а практически весь недельный период, что приводит к искажению эмпирических данных. Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что условного универсального и «идеального» способа измерения рейтингов радиовещания не существует, поскольку каждая из описанных методик имеет свои достоинства и ограничения. В указанных контекстах на первый план выходят, прежде всего, материальные и организационные возможности исследовательской компании при осуществлении итогового выбора методики замера аудитории радиовещания.

Библиографический список

1. Аверьянов О. В. Значение радио в становлении и развитии массовых коммуникаций // *Позиция. Философские проблемы науки и техники*. 2012. № 6 (6). С. 154–157.
2. Баранова Е. А. Влияние процесса медиаконвергенции на сокращение хронометража радиопередач и появление мини-рубрик // *Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. 2016. № 1. С. 96–101.
3. Будков Д. В, Фотиева И. В. Динамика форм интерактивности в современной радиожурналистике // *Медиаисследования*. 2016. № 3. С. 122–129.
4. Карев В. Ю., Сахарова И. Н. Современные тенденции развития радио в России // *Петербургский экономический журнал*. 2021. № 3. С. 74–84. DOI: 10.24412/2307-5368-2021-3-74-84

5. Лебедева А. Л. Тенденции информационного радиовещания Беларуси в 90-е гг. XX в. и на современном этапе // Труды БГТУ. 2019. Сер. 4. № 2. С. 45–50.
6. Посталовский А. В. Методика DAY AFTER RECALL в медиаизмерении радиовещания // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2021. № 2. С. 114–119.
7. Посталовский А. В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение / монография. Минск: РИВШ, 2019. 236 с.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Минск: 2018. 180 с.
9. Предпочтения белорусских радиослушателей [Электронный ресурс] // Институт сацыялогіі. URL: <https://socio.bas-net.by/predpochtenie-belorusskih-radioslushatelej/> (дата обращения: 05.10.2021).
10. Терещенко О. В., Терещенко М. С. Измерения аудитории СМИ: история становления // Социологический альманах. 2020. Вып. 11. С. 163–175.
11. Шариков А. В. Государственное радиовещание в России: тренд на потерю влияния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 439–458. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.20
12. Щепилов К. В. Медиаисследования и медиапланирование. М.: РИП-холдинг, 2005. 144 с.

Получено редакцией: 17.12.21

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Посталовский Александр Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центра социологических и политических исследований, Белорусский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.858

EDN: IFIJPP

On the Application of the "DAY AFTER RECALL" Methodology in Measuring Broadcasting Ratings: The Experience of the Republic of Belarus

Aleksandr V. Postalovsky

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: postalnio@tut.by

ORCID: 0000-0002-9595-3714

For citation: Postalovsky A. V. On the application of the "DAY AFTER RECALL" methodology in measuring broadcasting ratings: the experience of the Republic of Belarus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 236–250. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.858; EDN: IFIJPP

Abstract. The presented article is devoted to the theoretical and methodological consideration of the research practice of implementing the methodology for measuring DAY AFTER RECALL (DAR) broadcasting, used by the national meter (CJSC Medialzmeritel) in the Republic of Belarus. The paper reveals in detail the foundations of DAR methodological tools, describes the heuristic potential, capabilities and limitations of the described measurement method. The article also reveals the content of the main metrics (media indicators) that are used in media planning, describes the mechanism for forming a sample population used in such studies. An abstract analysis of the socio-demographic profile of the radio audience was carried out, rating indicators (share) of radio stations were identified. At the end of the article, based on the practice of implementing a radio measurement project, reasoned conclusions are formulated about the advantages and limitations of the DAR technique. It is concluded that there is no conditional universal and “ideal” way to measure broadcasting ratings, since each of the described methods has its own advantages and limitations. In these contexts, first of all, the material and organisational capabilities of a research company come to the fore when making the final choice of a method for measuring the broadcasting audience.

Keywords: radio, media measurements, DAY AFTER RECALL, radio stations, audience

References

1. Averyanov O. V. The value of radio in the formation and development of mass communications. *Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, 2012: 6 (6): 154–157 (in Russ.).
2. Baranova E. A. Influence of the process of media convergence on the reduction of the duration of radio broadcasts and the appearance of mini-headings. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2016: 1: 96–101 (in Russ.).
3. Budkov D. V., Fotieva I. V. Dynamics of forms of interactivity in modern radio journalism. *Mediaissledovaniya*, 2016: 3: 122–129 (in Russ.).
4. Karev V. Y., Sakharova I. N. Modern trends in the development of radio in Russia. *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal*, 2021: 3: 74–84 (in Russ.). DOI: 10.24412/2307-5368-2021-3-74-84
5. Lebedeva A. L. Trends in Information Radio Broadcasting in Belarus in the 90s 20th century and at the present stage. *Trudy BGTU*, 2019: 4: 2: 45–50 (in Russ.).
6. Postalovsky A. V. Methodology DAY AFTER RECALL in the media measurement of broadcasting. *Vesnik Brestskago yuniversiteta. Ser. 1. Filasofiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya*, 2021: 2: 114–119 (in Russ.).
7. Postalovsky A. V. Nacionalnoe informacionnoe pole v kontekste vy`zovov i ugroz sovremennogo mira: sociologicheskoe izmerenie [National information field in the context of challenges and threats of the modern world: sociological dimension: monograph]. Minsk, RIVSh, 2019: 236 (in Russ.).
8. Respublika Belarus v zerkale sociologii: sbornik materialov sociologi-cheskix issledovaniy [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: a collection of sociological research materials] / Informacionno-analiticheskij centr pri Administracii Prezidenta Respubliki Belarus` [Information and Analytical Center under the Administration of the President of the Republic of Belarus]. Minsk, 2018: 180 (in Russ.).
9. Predpochteniya belorusskix radioslushatelej Preferences of Belarusian radio listeners [Preferences of Belarusian radio listeners] [Electronic resource] / Official site Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. Accessed 05.10.2021. URL: <https://socio.bas-net.by/predpochtenie-belorusskix-radioslushatelej/> (in Russ.).
10. Tereshchenko O. V., Tereshchenko M. S. Measurements of the media audience: the history of formation. *Sociologicheskij al`manax*, 2020: 11: 163–175 (in Russ.).
11. Sharikov A. V. Public broadcasting in Russia: a trend towards the loss of influence. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2019: 2: 439–458 (in Russ.).
12. Shchepilov K. V. Mediaissledovaniya i mediaplanirovanie [Media research and media planning]. Moscow: RIP-holding, 2005: 144 (in Russ.).

The article was submitted on: December 17, 2021

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Postalovsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Sociological and Political Research, Belarusian State University

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.859

EDN: MDZWLZ

О методологическом семинаре ИС ФНИСЦ РАН «Субъективное измерение социальной мобильности» 14 ноября 2022 года

Ссылка для цитирования: Гречаная А. А. О методологическом семинаре ИС ФНИСЦ РАН «Субъективное измерение социальной мобильности» 14 ноября 2022 года // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 251–254. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.859; EDN: MDZWLZ

For citation: Grechanaya A. A. About the methodological seminar of the IS RAS. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 251–254. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.859; EDN: MDZWLZ

Гречаная Анна Александровна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

njuta-gel@yandex.ru

В Институте социологии ФНИСЦ РАН 14 ноября 2022 года прошёл научный семинар «Субъективное измерение социальной мобильности». В ходе научного мероприятия социологи из разных регионов России поделились с коллегами результатами исследований социальной мобильности, своими взглядами на актуальные проблемы её измерения и перспективы развития данного исследовательского направления.

Семинар открыл директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН М. Ф. Черныш с докладом, посвящённым изменениям проблематизации в исследованиях мобильности. Он выделил ряд проблем в изучении социальной мобильности и отметил появление новых сюжетов для исследований в рамках данной темы. В первую очередь в качестве серьёзной проблемы было отмечено отсутствие современных исследований, посвящённых социальной мобильности как последовательности изменений в области культуры, происходящих посредством распространения и усвоения новых ценностей. Также в его докладе подчёркнута сохраняющаяся актуальность изучения социальной мобильности в сферах занятости граждан и стандартов жизни. Далее докладчик отметил новый этап в проблематизации социальной мобильности – исследование политической мобильности. Перемещения между разными точками зрения в рамках политики, изменение приверженности каким-либо политическим позициям и идеям теперь рассматриваются как разно-

видность социальной мобильности и как своего рода преддверие социальной мобильности в сфере власти. Изменение политических взглядов считается социальной мобильностью ещё и потому, что с изменением их меняется принадлежность индивидов к тому или иному электорату и, соответственно, меняется их роль в политической жизни. В заключение М. Ф. Черныш отметил, что в целом проблематизацию социальной мобильности определяет политическая повестка, то есть та система идей, которая задаётся в области политики и нацелена на осуществление некоторых изменений в обществе. Таким образом, политическая программа так или иначе заставляет учёных обращаться к тем последствиям этих изменений, которые принимают форму мобильности.

Следующей выступила кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Ю. Б. Епихина с докладом «*Варианты измерения субъективной мобильности*». В своём выступлении она выделила три основных этапа в истории измерений субъективной мобильности и подчеркнула, что не только политическая повестка играет роль в проблематизации социальной мобильности, но и другие факторы, например накапливающиеся теоретические и методологические противоречия, которые выводят исследования на новый уровень. Серьёзные методологические и концептуальные продвижения в изучении субъективной мобильности произошли в начале 1970-х годов. Одно из таких исследований связано с именами Дж. Лопреато и Л. Е. Хазерлигга. С их точки зрения, при изучении субъективной мобильности стоит опираться на данные внутрисемейной (а не межпоколенческой) мобильности и использовать такие показатели как «восприятие мобильности» и «сравнение со значимыми другими». В тот же период Дж. Голдторп в своём исследовании пришёл к выводу, что результаты изучения мобильности как перемещения индивидов между классами совпадают с тем, как сами респонденты понимают события своей жизни. Следующий большой прорыв в изучении субъективной мобильности пришёлся на начало 2000-х годов, когда К. Атиас-Донфут и Ф.-Ч. Волф концептуализировали субъективную мобильность как самостоятельный объект исследования и предложили измерять её с помощью понятия индивидуального успеха через сравнение с ситуацией родителей. Позже были предложены и другие способы измерения: через субъективную оценку стандартов жизни и сравнение собственного профессионального статуса с родительским. В настоящее время также считается необходимым сравнение с показателями объективной мобильности.

В ходе последовавшей дискуссии было отмечено, что серьёзным ограничением изучения субъективной мобильности можно считать институциональное государственное регулирование общественной жизни, благодаря которому большинство граждан ощущают себя счастливыми и успешными. Мы, социологи, фиксируем не мобильность как таковую, а некоторые параметры институционального проекта регулирования. Также открытым остаётся вопрос о том, не завязана ли субъективная оценка мобильности на том нормировании, которое каким-либо образом связано с определёнными институтами. Для дальнейших исследований

особый интерес представляет вопрос, что мы на самом деле измеряем, когда изучаем субъективную мобильность, и не является ли внушённое нормирование её основанием.

Далее прозвучал доклад представителя Института экономики и организации промышленного производства СО РАН кандидата социологических наук Т. Ю. Богомоловой. Она рассказала о восприятии населением факторов экономической мобильности. На основе сопоставления результатов исследований экономической мобильности, проведённых благотворительным фондом Pew в США и ПЭМ в Канаде, а также собственного исследования ИЭОПП СО РАН в Новосибирской области, по словам докладчика, были сделаны следующие выводы: американское и канадское население чувствует, что индивидуальные характеристики перевешивают внешние факторы в детерминировании экономической мобильности; индивидуальные факторы присутствуют среди наиболее значимых как у американцев, так и у россиян, однако такой внешний фактор, как «удача», ставится американским населением на одно из последних мест (10-е место по значимости), в то время как у россиян данный аспект занимает третье место и оказывается важнее фактора «трудолюбие и упорный труд»; для женщин Новосибирской области получение хорошего образования – более значимый фактор для повышения материального положения, чем для мужчин; респонденты старшего поколения придают большую значимость фактору «упорный труд», чем молодёжь. В рамках обсуждения доклада было отмечено, что старшее поколение оценивает факторы, сыгравшие роль в их жизненном пути, в то время как молодёжь оценивает свою ближайшую перспективу. Кроме того, молодые люди смотрят в будущее оптимистичнее, чем среднее и старшее поколения.

Ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН кандидат социологических наук И. П. Попова выступила с докладом «Субъективные смыслы в научной карьерной мобильности: роль научных школ». В ходе выступления ею были представлены результаты сорока нарративно-биографических полуструктурированных интервью с российскими учёными – представителями естественнонаучных дисциплин, в которых обсуждались особенности карьерной мобильности в сфере науки и технологий с точки зрения влияния на неё научных школ. Автором было подчёркнуто, что, по результатам данного исследования, научные школы не являются актуальным элементом в рефлексии учёных относительно своего профессионального пути, а отношение к ним носит критический характер. В процессе обсуждения доклада Ю. Б. Епихина отметила, что для гуманитариев причастность к научной школе принципиально иная, чем для учёных технического и естественнонаучного профилей. М. Ф. Черныш уточнил, что научные школы можно изучать в нескольких измерениях: распределение научных статусов и их наследование, распределение финансов и распределение власти, влияния, – и, возможно, при исследовании научных школ необходимо вводить некую типологию.

Завершился семинар совместным докладом кандидата социологических наук Н. С. Ворониной и Д. Ф. Терина «*Политическое доверие и отзывчивость политической системы в России и Европе: социально-*

структурные и социально-культурные факторы». Авторы рассматривали факторы, влияющие на уровень политического доверия в России и европейских странах, на основании анализа данных Европейского социального исследования с 2006 по 2018 год. Среди выводов было выделено, что в России у респондентов с нисходящей межпоколенной образовательной мобильностью наблюдается более низкий уровень политического доверия. Также в России на индекс политического доверия наибольшее влияние оказывают отзывчивость политической системы и оценка состояния систем образования и здравоохранения. М. Ф. Черныш отметил, что было бы интересным сравнить группы индивидов, которые доверяют и не доверяют политической системе, в том числе и по их показателям мобильности.

Таким образом, в рамках прошедшего семинара были выделены актуальные задачи для исследователей социальной мобильности, отмечены проблемы и пробелы в исследованиях мобильности, которые требуют внимания социологов и решения для дальнейшего развития исследовательского направления. На примере конкретных исследований учёные смогли подчеркнуть существующие ограничения при изучении субъективной мобильности. В ходе обсуждения стало явным, что вопросов к методологии изучения субъективной мобильности в настоящее время больше, чем ответов, а тема социальной мобильности остаётся весьма значимой для современных социальных наук. Это наводит на мысль, что данное научное направление не ограничивается измерением качества жизни, а развивается и открывает всё новые направления работы.

Получено редакцией: 06.12.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гречаная Анна Александровна, магистр социологии,
старший лаборант с высшим образованием, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.859

EDN: MDZWZL

About the Methodological Seminar of the ISRAS

Anna A. Grechanaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: njuta-gel@yandex.ru

For citation: Grechanaya A. A. About the methodological seminar of the ISRAS. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 251–254. DOI: DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.859; EDN: MDZWZL

The article was submitted on: December 06, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Grechanaya, Master of Philosophy, Senior Laboratory Assistant,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>